

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

35 /
XXXV

Л 5 9к3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

НИИМК 2.2.100

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XXXV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1950 ЛЕНИНГРАД

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор член-корр. АН СССР *А. Д. Удальцов*

Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибилов, Б. Н. Граков,

С. В. Киселев, А. Л. Монгайт

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

Б. А. РЫБАКОВ

УЛИЧИ

(Историко-географические заметки)

Древнерусские племена уличей и тиверцев обычно сопровождаются в исторической литературе эпитетом «загадочных». Отсутствие точных данных об уличах и тиверцах, быстрое исчезновение их со страниц летописи, слабая изученность юго-запада Руси — все это способствовало созданию ореола загадочности вокруг этих двух племен.

Ученые домыслы о тиверцах и уличах и «этимологические пытки», к которым прибегали изучавшие эти племена историки, послужили даже темой для злой и меткой сатиры Майкова.¹

На исторических картах обычно размещают уличей и тиверцев на берегах Днестра. На всех современных картах учебного характера тиверцы помещены на левом, восточном берегу, а уличи — на правом. Середонин, а вслед за ним и Нидерле поменяли их местами: уличи — между Днестром и Бугом, а тиверцы — между Днестром и Прутом.²

Название тиверцев, живших по Днестру, очень убедительно связывают с Днестром — Тирасом. Возможно, что они — прямые потомки страбоновских тирагетов.

История уличей, начиная с середины X в., принадлежит к вопросам, связанным с этногенезом племен на территории Молдавии, история же уличей до середины X в. — это часть истории Приднепровья, так как уличи оказались соседями тиверцев не по своей воле, а в результате поражения, понесенного в борьбе с Киевом. Привычное для нас сочетание названий уличей и тиверцев не является изначальным, так как в ранних летописных сводах уличи всегда упоминаются как соседи и союзники древлян.

Рассмотрим летописные данные об уличах в порядке последовательности летописных сводов.

В так называемом своде игумена Ивана 1093 г. содержится наиболее подробное описание борьбы Киева с уличами, восходящее к самым древним записям 1037 г. Начало борьбы отнесено к эпохе Аскольда и Дира, которые «княжаща Киевѣ и владѣюща полями и бѣша ратьни съ древляны и съ уличи».³

¹ А. Н. Майков. Эпиграф к рассказу «Петербургская весна». Полное собр. соч., т. IV, СПб., 1914, стр. 125.

² С. М. Середонин. Русская историческая география. М., 1909. — Середонин доводит область уличей до Днепра; Lubor Niederle. Slovanské Starožitnosti. Původa počátky Slovanů Východních. Praha, 1925, стр. 157—162 и карта.

³ А. А. Шахматов. Повесть временных лет. П., 1916, стр. 367.

Описание княжения Игоря после смерти Олега начинается с той же борьбы: «Игорь же съдѣше кнѣзя Киевѣ, мирѣ имѣякъ въсѣмъ странамъ, а съ уличи и съ древлѣны имѣяше рать. И бѣ у него воевода именемъ Свѣнлду, и примучи Уличѣ, и възложи на ня дань, и въдасть Свѣнлду. И не въдадѣшеться единѣ градѣ, именемъ Пересѣченѣ; и съде около его три лѣта, и едѣва възѣ. И бѣша съдѣше Уличи по Днѣпру вънизѣ, и по семь преидоша межю Бѣгѣ и Днѣстрѣ, и съдоша тамо. Въдасть же дань Деревскую Свѣнлду, и имаше по чѣрнѣ кунѣ от дыма».¹ Точно датированная часть этого свода начинается с описания этих же событий, о которых рассказывается еще два раза под определенными годами и в сокращении: «В лѣто 6448. Въ се лѣто яшасѣ уличи по дань Игорю, и Пересѣченѣ възятѣ бысть. Въ сеже лѣто дасть дань на них Свѣнлду. Въ лѣто 6449. Въ лѣто 6450. Въдасть дань Деревскую Свѣнлду тому же».²

Нестор во введении к «Повести временных лет» указывает на старое и новое географическое размещение интересующего нас племени: «И живяху въ мирѣ поляне и древлѣне и сѣверѣ и радимичи и вятичи и хървати. Дулѣби же живяху по Бѣгу, кѣде нынѣ вельняне, а уличи и тиверѣци съдѣху по Днѣстру, и присѣдѣху к Дунаевѣ. И бѣ мѣножьство ихъ: съдѣху бо прежде по Бѣгу и по Днѣпру оли до моря, и суть гради ихъ и до сего днѣ, да то сѣ зѣваху отъ грѣкъ «Великая Скуѣ»».³

Заключительные слова о Великой Скифии нельзя относить только к уличам и тиверцам, так как именно их область (низовья Дуная, город Тюмы и даже Северный Крым) называлась не Великой, а Малой Скифией.⁴ Под Великой же Скифией мы должны подразумевать все перечисленные лесостепные племена от Карпат до Дона и от Десны до моря.

Искусственно конструируя биографию своего любимого героя Олега, Нестор упоминает и воевавших с ним уличей, но только союзниками их называет уже не древлѣн, а далеких тиверцев: «И бѣ обладаѣ Ольгѣ поляны и древлѣны и сѣверѣмъ и радимичи, а съ уличи и тиверѣци имѣяше рать».⁵

Еще раз слова «Великая Скуѣ» применены Нестором ко всем восточным славянам при описании похода Олега на Царьград: «Иде Ольгѣ на Грѣкъ, Игорѣ оставивѣ Киевѣ; поѣ же мѣножьство варѣгъ и словѣнъ и чюдѣ и кривичѣ и мерю и поляны и сѣверѣ и древлѣны и радимичѣ и хърваты и дулѣбы и тиверѣцѣ, иже суть тѣлковины: сѣ вѣси зѣвахуться отъ грѣкъ «Великая Скуѣ»».⁶

Описанием событий середины X в. заканчиваются упоминания уличей в летописях. Название их писалось различно. Одна из древних форм — «улучи» — имеется в Лаврентьевской летописи. Радзивилловский список дает эту же форму, но дважды подправленную писцом: один раз писец над строкой приписал две буквы «ти» и получилось «улу(ти)чи», а другой раз, когда слово стояло в родительном падеже с предлогом «съ», писец по ошибке удвоил букву «с», а «ѣ» надписал над строкой; получилось вместо «съ уличи» — «суличи».⁷

¹ А. А. Шахматов. Повесть временных лет. П., 1916, стр. 373.

² Там же, стр. 374.

³ Там же, стр. 12.

⁴ Страбон. ВДИ, 1947, № 4, стр. 205. «Вследствие множества переселенцев, переправлявшихся отсюда [из Крыма] за Тиру и Истр и заселявших ту страну, значительная часть ее также получила название Малой Скифии...».

⁵ А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 24.

⁶ Там же, стр. 29. Слово «тѣлковины», понимаемое часто как толмачи, толкователи, переводчики, нужно переводить словом «союзники», «помощники». «Тѣлковины» связаны с «толокой» — общественной помощью.

⁷ Радзивилловская летопись. Фотомеханич. воспроизведение. М., 1902, листы: 6 и 11, оборот.

Встречаются и другие написания: улицы, угличы, лютичи, лучане. Н. П. Барсов за основную форму принимал «уллучи»,¹ издатели Указателя к летописям выбрали форму «лутичи», в позднейшей литературе обычно принимали написание «уличи». А. А. Шахматов возродил форму «угличы». Каждая форма написания племенного имени направляла поиски местоположения племени в разные концы Руси: угличей искали на р. Угле-Орели, суличей — на Суле, лучан — близ Луцка — Луческа.

Из всего многообразия форм нужно безусловно исключить суличей и угличей, как ошибочные или навеянные позднейшими географическими наименованиями. Уличей и тиверцев нередко считали основным ядром антов, самыми подлинными, чистыми антами, полностью отвечающими сказаниям Иордана и Прокопия об антах между Дунаем и Днестром.² При этом обычно подразумевали уличей уже переселившихся, уже осевших «межи Бѣг и Днѣстр», покинувших свою первоначальную землю.

* * *

Очень важно определить первоначальную землю уличей, где они жили до того, как войсками Свенельда был взят город Пересечен. Мы знаем лишь одно, что уличи «сѣдѣше по Днѣпру вѣниз» или «сѣдяху бо **преже** по Бѣгу и по Днѣпру оли до моря...». По прямому смыслу летописных фраз нельзя размещать уличей только в низовьях Днепра. Летописец XI в. определял лишь, что они сидели по Днепру ниже Киева, а летописец XII в. определял их землю тремя ориентирами: двумя реками и морем. Ядро уличей, очевидно, находилось не у моря, а севернее, на Днестре; лишь южный край их земли доходил «оли до моря». Для уяснения ранней территории уличей необходимо выяснить местоположение Пересечна. Это важно также и для того, чтобы понять причины необычного в древней Руси упорства, проявленного при осаде Пересечна. Редкие города осаждали 4—6 недель, а город уличей киевский воевода осаждал целых три года, и взятие его летопись, скупая на слова, отмечает особо.

С описания взятия Пересечна в 940 г. начинается новый раздел Начального свода 1093 г., где события даны под точными годами. Все это очень мало вяжется с тем далеким юго-западным Пересечном, который отыскал на карте и связал с уличами Н. И. Надеждин.³ Это — небольшой городок Пересечен в 26 км от Оргеева в Молдавской ССР, между Днестром и Прутом. Археологические разведки, тщательно проведенные в окрестностях этого Пересечна Г. Б. Федоровым и Р. Л. Розенфельдом, не обнаружили здесь древнего города. Трудно допустить, чтобы затерянный в оврагах и балках Приднестровья Пересечен мог представлять собой объект столь упорных усилий киевского князя. Ведь нужно было снаряжать целую экспедицию вглубь печенежской степи на 400 км от Киева и держать там войско три года. Зачем? Чему или кому мешал этот далекий городок?⁴

¹ Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, стр. 96.

² П. Н. Третьяков. Восточно-славянские племена. М.—Л., 1948, стр. 111 и 114; М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVIII в. В кн. «Славянский сборник», 1947. Раздел «Уличи и тиверцы и походы Руси на Царьград». Автор пишет: «Можно предполагать, что далеко не все антские племена ушли на север. В непосредственной близости к Дунаю в VIII—X вв. летопись указывает племена уличей и тиверцев» (стр. 132). «...в уличах и тиверцах можно видеть прямых потомков антов» (стр. 133—134). Уличей М. Н. Тихомиров помещает в низовьях Днепра и позднее — близ Дуная, где они будто бы входили в состав Болгарии (стр. 140).

³ Н. И. Надеждин. О положении города Пересечна. В кн. «Записки Одесского общества истории и древностей», т. I, 1838.

⁴ Городок Пересечен есть и близ Харькова, но он никак не может быть связан с уличами. По своей форме название «Пересечен» сходно со многими городами древности,

Иное дело, если Пересечен был расположен там, где были сами улицы — «по Днепру вниз»; тогда он лежал на жизненной магистрали, без овладения которой киевские князья не могли считать себя князьями Русской земли.

Летопись содержит все же косвенные данные о местоположении Пересечна. В 1161 г., когда киевский князь Ростислав Мстиславич узнал о том, что в Новгороде арестовали его сына, он «повеле изоимати новгородци и уметати е у пересѣченьскый погреб, и в одну ночь умре их 14 мужи. И поведаша Ростиславу, оже задѣхлися в погребѣ и печален бысть их деля и повеле выпустити я из погребѣ и розвести я по городѣм». ¹

Из приведенного отрывка видно, что Пересечен был поблизости от Киева.

Несколько яснее местоположение Пересечна определено в связи с событиями 1154 г. Только что вокняжившемуся в Киеве Ростиславу Мстиславичу стало известно, что его враг Глеб Юрьевич в союзе с половцами идет на Переяславль. «Ростислав же со Святославом выступиста из Киева к Пересѣчну и ту начаста скупливати дружину». ² Ясно, что князья двинулись из Киева на юг, вниз по Днепру. Операция под Переяславлем была закончена одним Святославом Ростиславичем. Отец его остался временно в Пересечне. Нам важно знать, на каком берегу Днепра находился Пересечен. Летописец отвечает и на этот вопрос. Из Пересечна Ростислав пошел на Чернигов, не заходя в Киев: «и перейде Днепр у Вышегорода, ту же и ста...». Значит, Пересечен находился на том же берегу, что и Киев и Вышгород — на правом, где-то между Киевом и Зарубинским бродом (что против Переяславля).

В известном списке русских городов, помещенном в Воскресенской летописи (1390-е годы), Пересечен упомянут в соседстве с такими городами: «А се грады Киевские: Дверен на Рши, Корсунь, Треполь на Днепре, Канев, Глинск, Переяславль Русский, Юрьев, Пересѣчен на Стугне Василев, Белгородок, на Днепре Чернь, город Киев древян на Днепре». ³

Порядок здесь не очень строгий, и даже указание на реки не всегда помогает, так как название реки поставлено то после города, то перед названием города. Вслед за Пересечном указана река Стугна и далее Василев.

Положение осложнено, во-первых, тем, что мы не знаем, к которому из двух городов отнести определение «на Стугне», во-вторых, тем, что сейчас известны поблизости от предполагаемого местонахождения Пересечна два города со сходными названиями: Васильков на р. Стугне и Василев на р. Красной. Если летописец не спутал эти два города, отстоящие друг от друга на 20 км, и правильно назвал Василев, то мы получаем довольно точное указание на местоположение Пересечна на р. Стугне (рис. 1).

В «Повести временных лет» и Ипатьевской летописи много раз упоминается спорный город и ни разу он не назван Васильковым. Как Василев он упомянут 10 раз (годы: 988, 996, 1146, 1151, 1155, 1159, 1171, 1193); трижды он назван Васильевым (годы: 1136, 1165, 1172). В 1165 г. Васильев и Красн указаны вместе как удел одного князя. Косвенно это говорит в пользу отождествления летописного города с современным Васи-

начающимися на «пер»: Пересопница, Перемышль, Перемиль, Переяславль, Переворск, Перепетово Поле. В современной номенклатуре тоже часто встречаются подобные названия. Не отражает ли этот дополнительный корень «пер» каких-либо древних связей? Вспоминаются палаты, Дѣн-пѣрь и, наконец, Перун. В иной огласовке этот корень может звучать «пол», «пал». Область распространения городов «пер» это — лесостепь от Сана до Донца.

¹ Ипатьевская летопись, 1161 г.

² ПСРЛ, т. II, стр. 75. Ипатьевская летопись, 1154 г.

³ ПСРЛ, т. VII, стр. 240.

левом. Но против этого говорят события 1151 г., где Василев упомянут в связи со Стугной: киевские князья «идоша к Василеву и тако исполчивше полкы своя, поидоша мимо Василев через Стугну и пришедше к валови». ¹ Здесь летописный Василев легче отождествить с современным Васильковым.

Как видим, вопрос остается неясным. Но даже в случае признания летописным Василевом современного Василькова на Стугне (а не Василева на Красной) город Пересечен мы должны искать где-то между Треполем и Киевом на берегу Днепра или поблизости от него. Не исключена возможность, что и Василев и Пересечен находились на р. Стугне.

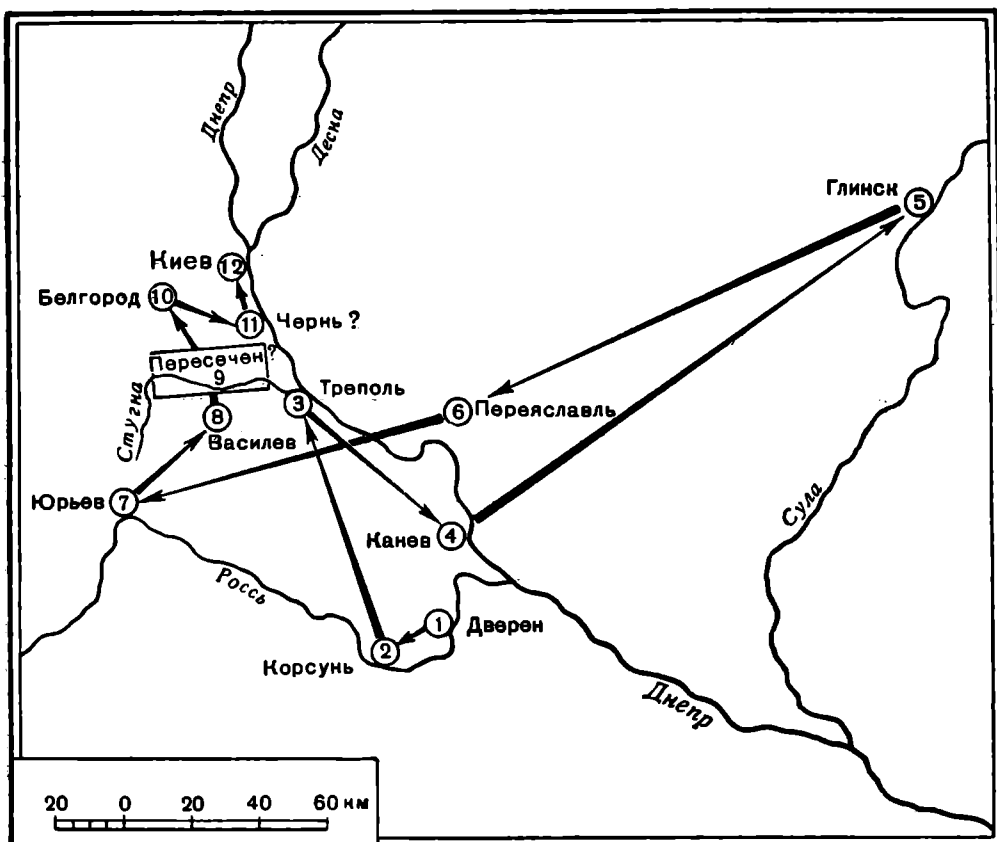

Рис. 1. Местоположение города Пересечна, по данным Воскресенской летописи

Опорный город уличей, три года оборонявшийся от войск майордома киевского князя, оказывается, находился почти рядом с самим Киевом.

Некоторые исследователи отождествляли Пересечен с городищем у Китаевской пустыни под Киевом. Так, на подробной исторической карте окрестностей Киева, изданной Н. Д. Полонской, Пересечен указан в 10 км южнее Киева. К сожалению, это интересное предположение никак не обосновано в тексте. ² Молдавский Пересечен, возможно, связан со вторичной областью уличей, куда они переселились после проигрыша войны Киеву и потери Пересечна днепровского.

* * *

Уличи встречаются не только на страницах русской летописи, но и упоминаются в других источниках. Баварский географ IX в. называет русское

¹ Ипатьевская летопись, 1151 г.

² Н. Д. Полонская. Археологические раскопки В. В. Хвойко в Белгородке. В кн. «Труды Предв. комитета XV АС», М., 1911, стр. 49, рис. 31; см. также Б. С т е л е ц к и й. Белгородка (древний Белгород). Киев, 1909.

племя «Unlici», многочисленный народ, обладавший 318 городами. Начальные буквы свидетельствуют о том, что русское наименование писалось с большим юсом в начале.¹

Уличи — ультины упомянуты и Константином Багрянородным в 14-й главе того знаменитого сочинения, которому дано условное название «Об управлении империей». В разделе «О народе печенежском» автор перечисляет восемь печенежских областей, разделенных на сорок меньших округов. Днепр делит Печенегию пополам. «Округ Харовой соседит с Русью, а округ Явди — Иртим соседит с подвластными Русской земле областями, именно с ультинами, дервленинами, лензенинами и прочими славянами».²

Данное место у Константина Багрянородного с трудом поддается перенесению на географическую карту, так как представляет собой уравнивание со многими неизвестными. Нам неизвестно, во-первых, печенежское племя Явди-Иртим, во-вторых, славянское племя лензенинов и, в-третьих, местоположение ультинов. Так как Константин писал в 948—952 гг., то мы не знаем, о какой земле уличей он пишет — о днепровской, утраченной в 940-е годы, или о юго-западной, днестровской, куда уличи переселялись на его памяти. Могло случиться, что информаторы Константина разновременно сообщили ему оба местоположения уличей (и на Днепре и на Днестре), но в разной огласовке, что мы наблюдаем даже на страницах одной и той же летописи, где тоже сливались и путались разновременные сведения об уличах.

Нас должно особо заинтересовать русское племя «лензенины», вокруг которого создавалась уже литература. Г. И. Ильинский убедительно доказал, что связывать это племя с Луцком и лучанами нельзя.³ Нельзя, правда, согласиться с Г. И. Ильинским в том, что лензенины — это радимичи, имевшие будто бы дополнительное определение их ляхской принадлежности (Λευξανίνοι — л Ж жанинъ — лях).

Этногеография Константина Багрянородного поддается предположительной расшифровке лишь тогда, когда мы рассматриваем его данные в целом, а не отдельные фразы или упоминания.

Загадочное племя дважды упоминается Константином. В 9-й главе говорится о славянских землях, в которых заготавливаются однодревки для киевского флота. Ладьи идут из городов: Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышгорода. Данники Руси, живущие *выше* Киева, сплавляют в Днепр заготовленные за зиму ладьи. Упомянуты «кривитеины и лензанины и прочие славяне».⁴ Здесь по контексту под лензанинами, мне кажется, следует разумеать полочан нашей летописи. Полочане — соседи кривичей (а может быть и часть их), связаны торговыми узами с Киевом; полоцкий князь в X в. — вассал киевского князя. Возможно также, что в этом племенном имени отразилось наименование, неизвестное русской летописи, например, связанное с Великими Луками. Но в любом случае лензанины — северное племя, соседи кривичей, расположенные вверх по Днепру от Киева и, очевидно, очень далекие от печенегов. Они и по написанию отличаются от южного племени: лензанины (северные), лензенины (южные). Южных лензенинов мы должны искать где-то на окраине Руси, южнее древлян и севернее печенегов, где-то на правобережье Днепра. Четыре печенежских племени находились на левом берегу Днепра, кочуя от Азовского моря

¹ П. Шафарик. Славянские древности, т. 2, кн. 1, М., 1848, стр. 216.

² Известия византийских писателей о Северном Причерноморье, вып. 1, М.—Л., 1934, стр. 16.

³ Г. Ильинский. Кто были Λευξανίνοι Константина Багрянородного? Slavia, Praha, 1925, вып. 2, стр. 314—319.

⁴ Известия византийских писателей о Северном Причерноморье, вып. 1, М.—Л., 1934, стр. 8.

к окраине лесостепи (племена: кварциур, сирукалпей, вороталмат, вулацоспон). Четыре племени кочевали на запад от Днепра: г и а з и х о п о н — в полудне пути от Болгарии; х а в у к с и н г и л — в четырех днях пути от Венгрии («Туркии»); х а р о в о и — в одном дне пути от Руси; я в д и и р т и м — соседит с подвластными Руси племенами ультинов, дервенинов и лензенинов.

Болгария здесь имеется в виду дунайская, а не внутренняя, так как правый берег Днестра назван обращенным к Болгарии. Следовательно, размещая эти четыре племени на карте, мы должны племя гиазихопон поместить на западе печенежской земли, поблизости от Венгрии, где-то в степях между Прутом, Карпатами и Альтой. Племя гиазихопон, очевидно, самое южное, вплотную подходящее к рубежам Болгарии. Его следует указать в низовьях Дуная, в Добрудже и, может быть, несколько далее на восток, в низовьях Днестра и Буга.

Племя харовои — наиболее северное, продвинувшееся так далеко в глубь лесостепи, что лишь один дневной переход отделял его от самой Руси. Вероятнее всего, что этих печенегов нужно искать около Руси и Стугны, где есть их следы в топонимике (село Печенеги) и где Владимир строил свои оборонительные линии «бе бо рать от печенег». Для племени явдииртим остается пространство между Днестром, Днепром и «Золотым берегом» Черного моря. Но на этом пространстве мы должны разместить и Внутреннюю Болгарию, занимавшую н и з о в ь я указанных рек, и перечисленные выше славянские племена, из которых древляне определенно находились севернее печенегов и западнее Руси, если под этим словом подразумевать Киевщину.

Таким образом, для кочевий племени явдииртим остается пространство, ограниченное с запада средним течением Южного Буга (область уличей после 940-х годов), на севере — областью лесостепи (область древлян) и на востоке — Днепровской Лукой. Славянское племя лензенинов естественнее всего искать где-то близ Днепра. Если мы попытаемся по греческой транскрипции Константина Багрянородного восстановить первоначальную славянскую форму имени лензенинов, то должны будем дать нечто близкое к такому начертанию: лжчане, с архаическим носовым произношением большого юса. Этот же архаизм присутствует и в рукописи Баварского анонима IX в. Наименования славянских племен известны нам в двух формах — усеченной и более полной, с суффиксом «ян»: поли — поляне; север — северяне; деревья — древляне, деревляне. Возможно, что этот список мы можем пополнить: улучи — улучане, ул Жчане.

Каждый член того или иного племени называл себя северянином, древлянином, ул Жчанином. Не от этой ли формы и получились константиновы «лензенины» — «лучанины»?

Если приведенные соображения можно учитывать для дальнейших построений, то хотелось бы связать «улучан» с областью Днепровской Луки, что вполне примирило бы как смысловое значение слова (улучане — «живущие у Луки»), так и размещение славянских и печенежских племен правобережья Днестра, указанное Константином Багрянородным (рис. 2)

* * *

Археологические данные о южной окраине славянского мира значительно уточняют наши сведения, почерпнутые из летописей. К сожалению, переселение уличей с берегов Днепра на запад, в бассейн Днестра, происходило в тот период, который неравномерно освещен массовыми археологическими памятниками. Славянские курганы IX — X вв. по Днепру южнее Руси нам пока неизвестны, так же как неизвестны курганы и на новой земле уличей на Днестре.

Обратимся к эпохе полей погребений. Совпадая в общем с лесостепной областью и отражая в основном расселение антов, приднепровские поля погребений спускаются и ниже южной границы лесостепи. Так, например, ряд могильников обнаружен в Днепровской Луке на правом берегу Днепра

Рис. 2. География Восточной Европы, по Константину Багрянородному (схема Б. А. Рыбакова)

(Привольное, Федоровка, Ново-Александровка и др.). Есть поля погребений и в самых низовьях Днепра (Николаевка, Бизюков монастырь и др.).¹ В обоих случаях гнездовья могильников совпадают с районами, упоминаемыми в русских летописях: в низовьях Днепра стоял важный стратегический пункт Руси — город Олесье, известный даже арабским географам

¹ В. Гошкевич. Древние городища по берегам Низового Днепра. ИАК, вып. 47, СПб., 1913.

(Идриси), а с Днепровской Лукой связан остров Хортица — место русских жертвоприношений, где встречается и керамика полей погребений.

Наличие на территории, ограниченной Днепровской Лукой, нескольких могильников эпохи полей погребений позднего, черняховского, типа свидетельствует о заселении этого района славянами в III—V вв. н. э. Местное население «Луки» являлось, очевидно, потомками земледельческих скифских племен, обитавших в этих же местах. Новейшие исследования именно здесь размещают «скифов-земледельцев» Геродота.¹

Ко времени, более близкому летописным уличам, в районе Днепровской Луки относится ряд археологических памятников, дающих любопытное сочетание степных и славянских элементов, что вполне естественно для поселений, так далеко выдвинутых в степь. Памятники эти относятся к допеченежской эпохе и, возможно, принадлежали культуре, не получившей дальнейшего развития в силу новых исторических условий. Здесь прежде всего нужно назвать клад, найденный в 1930 г. близ с. Воскресенского при работах на Днепрострое² (рис. 3 и 4).

Воскресенский комплекс, возможно, является не кладом, а своеобразным погребальным коллективным памятником.

Клад был найден в виде цилиндрической кучи стрелян, удила, оружия, золотых бляшек от сбруи, украшений, перемешанных с углями. Сверху были воткнуты ножи; есть и клинки, согнутые в огне. Весь комплекс может быть сближен с Перецетинским кладом, хотя и уступает ему в пышности. Наиболее вероятная дата Воскресенского клада — VIII в. н. э. Клад заслуживает специального подробного рассмотрения, и я его здесь упоминаю лишь попутно, чтобы обратить на него внимание, так как он представляет собой не единичное явление (рис. 5).³ Особый интерес этого клада в том и заключается, что его инвентарь типичен для конных дружинников широкой полосы соприкосновения лесостепи со степью, от Днепра до верховьев Северского Донца и Оскола, т. е. для той территории, которая обозначалась в источниках VIII—IX вв. термином «Русь».

Типы мечей-сабель, характерные для Воскресенского, Тополей и других подобных комплексов VIII в., близки к салтовским; нельзя не отметить и сходства их с великолепным мечом-саблей, происходящим из раскопок И. Хайновского в Старом Киеве. Киевский меч с отогнутой книзу рукоятью и вставной орнаментированной полосой был согнут на огне в ритуальных целях, что характерно в эту эпоху и для всех указанных районов. Несколько позднее этот обычай зафиксирован в Гнездове. На всех этих пристепных комплексах явно ощущаются исторически неизбежные следы взаимосвязей со степняками, но в то же время они связываются и с могильными инвентарями русских земель, где преобладал обычай трупосожжения.

В Воскресенском комплексе нет ничего такого, что позволяло бы видеть в нем какие-то местные, специфически уличские вещи, но связь с южной окраиной Руси, с теми конными русскими дружинами, которые жили на

¹ М. И. Артамонов. Этногеография Скифии. В кн. «Ученые записки Ленингр. гос. ун-та», № 85. Серия исторических наук, вып. 13, Л., 1949, стр. 170.

² Коллекции Днепропетровского музея.—Пользуюсь случаем принести благодарность Л. А. Мацулевичу за указание на этот клад и Ю. В. Кухаренко, который по моему поручению произвел зарисовки вещей в Музее. Этот клад иногда называют Нескрибовским.

³ Несколько севернее Днепровской Луки, близ с. Свистунова, в раскопках В. В. Хвойко обнаружен могильник с трупосожжениями, керамика которого представляет своеобразную смесь славянских и салтовских черт. Сосуды отчасти похожи на славянские горшки, имеют волнистый орнамент, но в то же время напоминают и салтовские кувшины с ручками. Есть сосуды с одной ручкой, есть с двумя. Вещи хранятся в Киевском историческом музее. За зарисовки, предоставленные в мое распоряжение, приношу благодарность В. А. Мальм.

границе со степью, здесь налицо. Географическое совпадение поселений в Днепровской Луке скифов-земледельцев (известных исторически и археологически), земледельцев-антов (по полям погребений) и дружинников

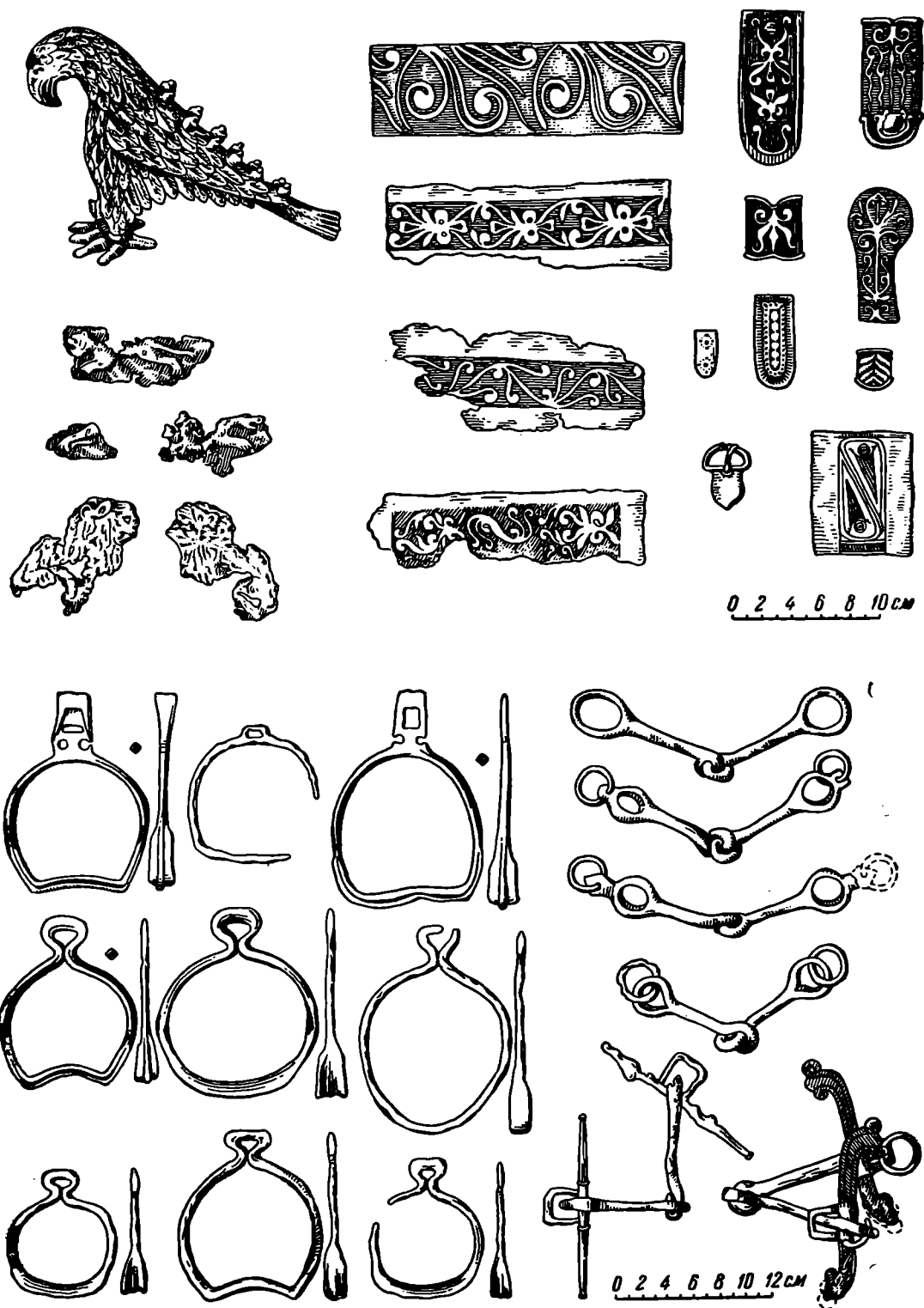

Рис. 3. Вещи из находок у с. Воскресенского близ Днепровских порогов (VIII в.)

VIII в.— достаточно убедительно свидетельствует о прочности и исконности здесь земледельческих поселений. Кстати замечу, что и в других местах дружинные комплексы допеченежского времени географически совпадают с памятниками скифов и с антскими полями погребений.

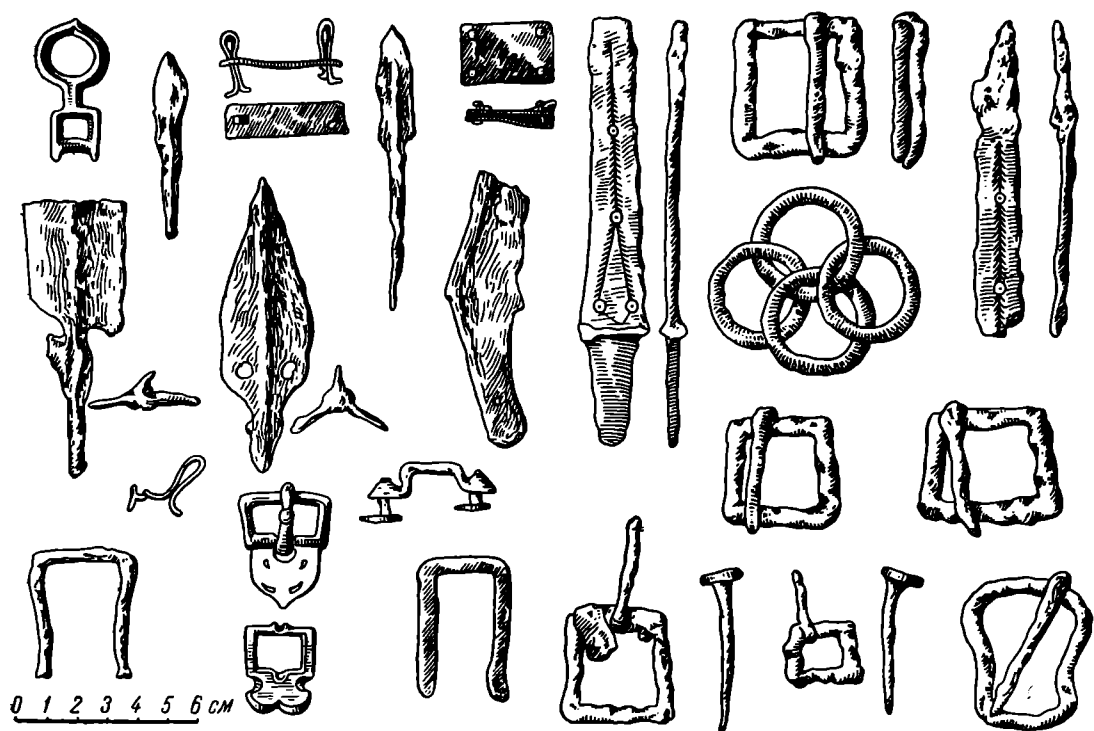

Рис. 4. Вещи из находок у с. Воскресенского близ Днепровских порогов (VIII в.)

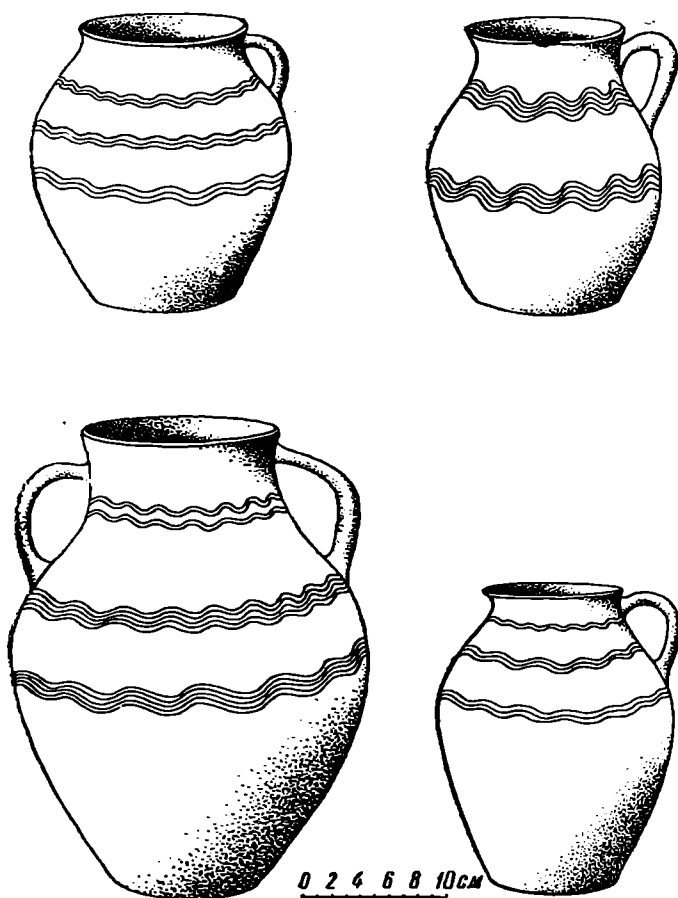

Рис. 5. Керамика, сопровождавшая погребения с трупопожжением VIII—IX вв. (с. Свистуново близ Днепропетровска)

Дружинники эти, очевидно, выделялись из среды местного населения, и на Северском Донце мы можем считать их дружиной северы, в Киеве — дружиной полян, а в Днепровской Луке, вероятнее всего, — дружиной уличей — улучанов.

Как примирить предполагаемое размещение уличей близ Днепровских порогов и значительное удаление на север уличского города Пересечна, находившегося где-то между Переяславом и Киевом? Здесь мы должны учитывать печенежское нашествие рубежа IX и X вв., заставившее венгров покинуть степи Восточной Европы, отвоевавшее у Руси верховья Дона и произведшее ряд крупных изменений в этногеографии степей. Очевидно, тогда племя уличей (или часть его) продвинулось вверх по Днепру в более безопасные места по низовьям Роси и Стугны, поближе к столице Руси — Киеву. Здесь и могли возникнуть конфликты между уличами и киевскими князьями. Впрочем, из летописных известий мы не можем узнать, были ли события 940-х годов борьбой пришельцев-уличей с местной властью, или борьбой пришельцев-князей за расширение сферы своего влияния.

Передвижения уличей, соприкосновение их с различными племенами могли сказаться на том, что их племенное имя передавалось соседями в различной огласовке. Более древней следует считать ту, в которой ощущается носовой звук — «ул ꙗчане» от слова «л ꙗка» — излучина Днепра. Эта форма, непосредственно отражающая географическое положение племени, сохранена у Баварского анонима IX в., и у Константина Багрянородного, пользовавшегося частично источниками IX в., допеченежского времени. Русская летопись XI в. сохранила более позднюю (может быть киевскую?) форму произношения, где первоначальный «юс большой» был закономерно заменен звуком «у». Так получилась форма «улучи», изменявшаяся и в «уличи».

* * *

В связи с высказанными выше предположениями, следует вспомнить свидетельство еще одного современника уличей, писавшего в 930-е годы, — Аль-Масуди: «Русы составляют многие народы, разделяющиеся на разрозненные племена. Между ними есть племя, называемое лудана, которое есть многочисленнейшее из них». ¹ Все восточные авторы, естественно, лучше всего знали южную окраину Руси. Если допустить, что под именем «лудана» скрываются уличи, самое южное из русских племен, далеко выдвинутое в степь, то понятно, что Масуди упоминает их землю в первую очередь как пограничную русскую область. Относительно многочисленности народа лудана Масуди говорит согласно с тем, что русский летописец говорит об уличах «бе множество их». В позднем хазарском документе XII — XIII вв., стремящемся возвеличить прошлое Хазарии в эпоху ее политической самостоятельности, приведен интересный список врагов Хазарии в X в.:

«Вот какие народы воюют с нами:

Асия [очевидно асы, ясы, аланы],

Баб-ал-абваб [Дербент],

Зибус [возможно зихи, адыгейцы],

¹ А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 130. Далее в тексте следует: «они путешествуют с товарами в страну Андалус, Румию, Кустантинию и Хазар». Обычно эти слова относят к племени лудана, но правильнее будет отнести их ко всем русам вообще. Норманисты переделали «лудана» в «лудага» и объявили это племя ладожанами, приписав им весь размах торговой деятельности русов.

Турки,
Луз-ния». ¹

Перечислены народы Северного Кавказа и степей. Вполне возможно, что луз-ния тождественны южному русскому племени лудана-улучанам, расположенному поблизости от Хазарии.

Попутно, в связи с тем, что затронуты восточные авторы и археологические дружинные комплексы VIII в., мне хочется высказать еще одно предположение, касающееся знаменитого «острова русов», так красочно описанного у Инб-Русте. ² По его словам, русы, живущие на болотистом и нездоровом острове, имеющем протяжение в три дня пути, плавают на кораблях, не имеют ни городов, ни пашен, постоянно вооружены; отлучаются из дома лишь под охраной товарищей. Все эти черты указывают на русов, живших не у себя на родине, а где-то далеко на чужбине, во враждебном окружении.

Константин Багрянородный называет островом часть Таманского полуострова: «посредине этих 18 миль [ширина Керченского пролива.— Б. Р.] есть большой низменный остров, называемый Атех». «У берега Зихии лежат острова: один большой и три меньших, а между ними и другие острова, возделанные и заселенные зихами: Турганирх, Царвагани и другой островок, в лимане реки еще остров и при Птелеях другой, на которой зихи спасаются при набегах алан». ³

Под Птелеями Константина Багрянородного нужно подразумевать гавань в Геленджикской бухте, называвшуюся ранее гаванью Папра, а незадолго перед V в. получившую название Ептала. ⁴ Гавань Ептала близ устья реки... расположена почти на границе Зихии и страны Эвдусии, жители которой стали говорить в близкое к V в. время на каком-то северном языке («таврском» или «готском»). И вот именно здесь, в Геленджикской бухте, и был раскопан могильник, давший вещи, необычайно сходные с Воскресенским комплексом в предполагаемой земле уличей и с комплексами из могильников в области Донца. Речь идет о Борисовском могильнике близ Геленджика. ⁵ Здесь мы встретим и стремена, и удила сходных типов, и ножны сабель, близкие к воскресенским, и самые сабли, согнутые на огне. Есть черты, роднящие могильник и с салтовским. Особенно важно отметить, что в этом могильнике в VIII—IX вв. появляется обряд трупосожжения, необычайный для Северного Кавказа и обычный для русских областей. Не здесь ли на побережье Зихии и на «островах» (под которыми, может быть, нужно разуместь дельты рек?) следует искать загадочный «остров русов»?

* * *

Как далеко в глубь веков можем мы проследить уличей? Можем ли мы именно это название приложить к полям погребений Днепровской Луки? Особый интерес представляет для нас свидетельство Зосимы, автора V — начала VI вв., сообщающего несколько сбивчивые, но важные сведения о племенах и воинственных племенных союзах середины III в. н. э. Походы велись в двух направлениях: на Дунай (вплоть до Иллирика) и через Боспор на восточное побережье Понта, в Зихию и Питиунт. Приведу соответствующее место из Зосимы: 251 год, «Снова готы, бораны, уругунды и карпы стали опустошать европейские города, подчиняя себе все, что осталось от прежних разгромов... Между тем бораны, готы, карпы и уругунды

¹ П. К. Кокоев. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1928, стр. 121. Текст так называемого «кембриджского документа» XII—XIII вв.

² А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 267—270.

³ Известия византийских писателей о Северном Причерноморье, стр. 21.

⁴ Безымянный Перипл Понта V в. н. э.

⁵ В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. ИАК, вып. 56.

(племена, живущие по Истру) не оставили неопустошенной ни одной части Италии и Иллириды, всем завладевая без всякого противодействия. Бораны попытались даже переправиться в Азию и легко устроили это при посредстве жителей Боспора (Киммерийского), скорее из страха, чем из расположения давших им суда и показавших путь при переправе».¹

Далее Зосима, называя боранов скифами, описывает их морской поход на Питиунт, Фасис и Трапезунд, из которого они «возвратились на родину с огромным количеством кораблей». Географическое примечание Зосимы относительно того, что вся группа племен живет на Дунае, едва ли заслуживает доверия, так как в другом месте он путает Дунай с Доном. Если бы бораны жили на Истре, то трудно представить себе поход их в Трапезунд через Крым и Керченский пролив. Иное дело, если слова «живущие по Истру» понимать в смысле временной стоянки дружин этих племен. Правильнее принять размещение боранов-полян-борусков на Днепре, предложенное А. Д. Удальцовым.² Тогда понятны будут два направления походов: одно на Истр и далее в глубь империи, а другое — в Крым и через Боспор к Фасису и Трапезунду.

Союз племен, действовавших в юго-западном, дунайском, направлении, интересен по своему составу: здесь и припонтийские готы, и прикарпатские карпы и борисфениты — бораны и уругунды. Союз охватывал широкую область, ограниченную Карпатами, Нижним Дунаем и Днестром. Для нас особое значение имеют уругунды.

Учитывая спирантное произношение информаторов Зосимы (бораны вместо «поляне»), мы можем и уругундов изменить на улугундов, а в этих последних нетрудно угадать наших улучан, обитавших как раз в пределах очерченной выше области, в излучине Днепра.

Уругундов Зосимы необходимо сопоставить с ургами Страбона, описание которого позволяет уточнить их географическое положение. «Все пространство, лежащее выше упомянутого промежутка между Борисфеном и Истром, занимают, во-первых, пустыня гетов, затем тирогеты, за ними язиги-сарматы, так называемые царские и урги; все они по большей части кочевники, но немногие занимаются и земледелием».³

На востоке за Днестром Страбоном указаны роксоланы. Отсюда следует сделать вывод, что урги находились на правом берегу Днепра, т. е. там же, где и летописные уличи. Наличие двух форм — урги и уругунды — находит себе параллель в уличах и улучанах. Возможно, что урги-уругунды принадлежали к сармато-аланским племенам, втянутым в процесс славянского этногенеза. Вообще многим летописным племенам можно отыскать далеких предков в источниках I — III вв.

Полный список летописных племен, упоминаемых также и в источниках I — III вв., таков:

кривичи — карбоны;
поляне — палы, спалеи, боруски, бораны;
север — савары;
вятичи — венеты;
улучи — уругунды, урги.

¹ Зосима. ВДИ, 1948, № 4, стр. 276.

² А. Д. Удальцов. Племена Европейской Сарматии II в. н. э. СЭ, 1946, № 2, стр. 49. «Боруски, бораны, борады — будущие поляне». С этим термином автор удачно сопоставляет и «Боричев увоз» в Киеве. Эти термины, по всей вероятности, связаны и с Борис-феном — Дана-присом.

³ Страбон. ВДИ, 1947, № 4, стр. 200.

Некоторые из приведенных сопоставлений гипотетичны, но на общем фоне восточных и западных славянских племен, предки которых упомянуты античными авторами I — III вв., этот список приобретает известную вероятность.

В хронологической последовательности история уличей предположительно восстанавливается так:

1. В первой половине I тысячелетия н. э. с предками уличей-ургов можно связывать поля погребений в Днепровской Луке. Племя уругундов-улучан (?) входило в состав обширного племенного союза, направлявшего свои дружины на Дунай и восточное побережье Понта.

2. К VIII в. н. э. в районе Днепровской Луки относятся дружинно-конные комплексы и трупосожжения, которые можно приписать летописным уличам. Их племенное имя произносилось, вероятно, ул Жчане, что отразилось в этнонимике Масуди и Константина Багрянородного. Улучане были многочисленны, жили по Днепру, доходя на западе до Южного Буга, а на юге — даже до моря. Масуди причисляет племя лудана (улучан) не к славянским, а к русским племенам. Возможно, что в это время племенное имя улучан могло осмысливаться соседями в связи с их местоположением в Днепровской Луке.

3. Печенежское нашествие должно было отодвинуть улучан к северу. Возможно, что в начале X в. и был построен уличский город Пересечен южнее Киева, близ р. Стугны.

4. В 930-х годах киевские князья ведут упорную борьбу с уличами и после трех лет осады овладевают Пересечном, после чего племя уличей передвинулось на запад, в междуречье Буга и Днестра, в соседство с тиверцами. После 940 г. киевские летописи ничего не говорят об уличах.

С. А. ТАРАКАНОВА

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
ПСКОВА ¹*(По археологическим материалам)*

Проблема происхождения древнерусского города всегда являлась одной из наиболее интересных и в то же время наиболее трудно разрешаемых проблем русской историографии. Основная трудность ее заключается в недостаточности письменных источников. Когда возникли важнейшие древнерусские города, каковы были причины и условия их возникновения, как развивалась жизнь этих городов в первые века их существования? На все эти вопросы мы не найдем ответа в письменных источниках. Скупые, отрывочные свидетельства русских летописей о ранней истории некоторых древнерусских городов не дают возможности восстановить картину их жизни.

И все же русская историческая наука неоднократно ставила перед собой задачу разрешения вопроса о происхождении древнерусского города. Нет необходимости давать в данной статье историографический разбор этого очень сложного и весьма запутанного вопроса, но следует отметить, что каждый историк подходил к разрешению этой задачи со свойственных ему методологических позиций.

Буржуазная историческая наука, несмотря на большое разнообразие мнений по данному вопросу, иногда противоположных друг другу, оказалась не в состоянии не только разрешить, но и правильно поставить этот вопрос. Один из виднейших ее представителей, В. О. Ключевский, объяснил происхождение древнерусских городов успехами внешней торговли. «Города,— по его мнению,— возникли как сборные места русской торговли, пункты склада и отправления русского вывоза». ² Леонтович считал древнерусские города убежищами кочевых славянских племен, которые только с XI в. становятся населенными пунктами, имеющими значение политического центра.

Советская историческая наука, основываясь на марксистско-ленинской методологии, подходит к разрешению вопроса о происхождении древнерусских городов с принципиально иных позиций. Древнерусский город рассматривается ею как особый тип поселения, возникающий на определенном этапе общественного развития восточного славянства. Только в условиях

¹ Доклад, прочитанный на заседании пленума ИИМК АН СССР в марте 1949 г.

² В. О. Ключевский. Боярская дума в Древней Руси. Изд. 5-е, 1919, стр. 30.

«второго крупного разделения труда» (Энгельс), когда ремесло отделилось от сельского хозяйства, и мог возникнуть город.¹

Однако правильное определение основных причин возникновения древнерусских городов еще не разрешает всего вопроса. «Вопрос этот,— писал в 1944 г. Б. Д. Греков,— крайне запутан... Письменные источники не дают на него прямого ответа, а археология еще не успела собрать достаточного количества материала... Загадка создания русских городов не разрешена и сейчас».² Не случайно и свою книгу «Древнерусские города», вышедшую в свет в 1946 г., М. Н. Тихомиров начинает выдержкой из сочинения «Исторический взгляд на древнее образование славянских и преимущественно польских городов до XIII столетия», опубликованного еще в 1841 г. «Несмотря на все усилия ученых славян и многочисленные опыты истории городов польских и российских,— говорит автор этого сочинения,— нельзя считать этого дела не только оконченным, но даже начатым». «Ранний русский город,— продолжает мысли цитированного автора М. Н. Тихомиров,— и до сей поры остается совершенно неизученным».³

В советской исторической литературе высказано несколько мнений по вопросу о происхождении древнерусских городов, при этом авторами использовались не только письменные источники, но и археологический материал.

Древнерусские города возникали в разное время и при различных условиях. Совершенно понятно, что возникновение города в период образования Киевского государства представляет собой явление иного порядка, чем образование русского города в XVI—XVII вв. Но и в древнейший период русской истории условия и время возникновения городов были различными.

Летописи сообщают о постройке городов киевскими князьями Владимиром и Ярославом.⁴ При каких условиях возникали такие города и что они представляли собой в начале своего существования — у нас нет достаточных данных.⁵ Такие города были в Киевском государстве явлением сравнительно новым. Хотя они и представляют определенный интерес как в смысле своего возникновения, так и дальнейшего развития, но не на их примере может быть разрешена проблема происхождения древнерусского города, так как города существовали и до киевских князей.⁶

Существует мнение, что города возникли первоначально как княжеские или феодальные замки — «бурги», под охраной которых с течением времени стало жить городское — торговое и ремесленное — население.⁷ Но и

¹ Именно так и подошли к разрешению вопроса об основных причинах происхождения древнерусских городов советские историки: академик Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, С. В. Юшков и другие. «Города,— говорит М. Н. Тихомиров,— возникают в первую очередь там, где развивается сельское хозяйство и выделяются ремесленники и купцы» («Древнерусские города». Ученые записки МГУ, вып. 99, 1946, стр. 35—36).

² Б. Д. Греков. Культура Киевской Руси. Изд. АН СССР, 1944, стр. 20.

³ М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 3.

⁴ «И нача ставити городы по Десне, и по Востри, по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне, и поча на рубати муже лучшие от словень, и от кривичь, и от чюди, и от вятичь, и от сих насели грады» (Лаврентьевская летопись, 991, г. ПСРЛ, т. I).

⁵ «Можно думать,— говорит С. В. Юшков,— что города могли быть организованы князьями на пустом или малонаселенном месте (например: города по Роси); князья или приводили население из других частей Киевской Руси (например: город Белгород), или же селили там пленников (например: города по Роси и город Полонный)». «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси». Изд. АН СССР, М., 1939, стр. 47.

⁶ «Летописи,— говорит М. Н. Тихомиров,— дают сведения о бесспорном существовании в IX—X столетиях по крайней мере 24 русских городов. Но этот список безусловно неточен и должен быть пополнен в сторону его увеличения». «Древнерусские города», стр. 11.

⁷ Такое мнение было высказано С. В. Юшковым, М. Н. Тихомировым и другими авторами.

эти города, если они действительно возникали при таких условиях, также следует рассматривать как явление новое в Киевском государстве, так как и самые замки-усадьбы в это время только еще появляются.

Можно предположить, что некоторые древнерусские города возникли из ремесленных поселков.¹ К сожалению, мы не располагаем материалом, который позволил бы судить о том, что представляли собой такого рода поселки и, главное, как на их основе развивался город.

Высказывалось мнение, что древнерусские города возникали на базе древних укрепленных большесемейных поселений и имели с ними теснейшую связь.² Но такое мнение нельзя признать правильным. Обращает на себя внимание факт, что эти древние укрепленные поселения в массе своей не превратились в города и сохранились до нашего времени в виде многочисленных городищ. И это вполне понятно. Многие из них, возникшие еще в I тысячелетии до н. э., прекращают свое существование в III—IV вв. н. э. (среднее и нижнее течение Оки); другие существуют до IV—VI вв. н. э. (Верхнее Поволжье); третьи — до VI—VIII вв. (Верхняя Ока и Днепр)³ и не содержат в себе более поздних культурных напластований. Но и на многих таких городищах, где культурные слои доходят до IX—X вв. и даже до XI—XII вв., не найдено материала, характеризующего превращение их в города.

Вопрос о происхождении некоторых и притом наиболее крупных древнерусских городов может быть разрешен путем археологического их изучения. При отсутствии письменных источников по этому вопросу, археологический материал, накопленный по каждому городу в отдельности, приобретает первенствующее значение. Не имея такого материала, мы всегда будем находиться в области догадок и предположений, иногда очень остроумных, но несобоснованных. Задачей настоящей статьи — и является, используя материал раскопок в Пскове осветить вопрос о его происхождении и времени возникновения.

* * *

Письменные источники ничего не говорят о древнейшем Пскове. Впервые он упоминается в летописях под 903 г., хотя летописец глубокомысленно замечает, что время основания этого города неизвестно, но он уже существовал, когда на Русь приехал Рюрик с братьями. Неизвестно значение Пскова в Киевском государстве. Интересно отметить, что в договоре Олега с греками Псков в числе других русских городов не упоминается. И в последующие столетия (XI, XII и даже XIII) жизнь Пскова настолько скупо освещена в письменных источниках, что нет возможности составить по ним представление об этом городе. И только начиная с XIV в. псковские летописи постепенно знакомят нас с историей города, да и то не в полном ее объеме. Поэтому обычно историю Пскова начинают с XIV в., оставляя совершенно не освещенным древнейший ее период и время возникновения города. Значительно большее внимание привлёк к себе древний Изборск, упоминаемый в летописях под 862 г. Некоторые авторы и считали, что Изборск имел в древности первенствующее значение в этом крае и только впоследствии уступил его Пскову.⁴

Раскопки в Пскове производились автором этой статьи в течение пяти

¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. Изд. АН СССР, 1948, стр. 97—99.

² С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М., 1939, стр. 21; Н. Н. Воронин. Древнерусский город. Материалы к Всесоюзному Археологическому совещанию, 1945, стр. 128—129. Д. Я. Самоквасов считал все древние городища остатками древнерусских городов. «Древние города России». СПб., 1873.

³ П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА СССР, вып. 6 1941, стр. 12.

⁴ Н. И. Барсов. Очерки исторической географии. Варшава. 1873, стр. 157, 229.

лет (1945—1949) непрерывно. Основное внимание было уделено изучению территории Псковского кремля, где за годы раскопок вскрыта площадь культурного слоя в 1800 м².¹ Хотя не только по отношению к территории города, но и к территории самого кремля эта площадь незначительна, все же полученный из раскопок обильный материал и сделанные наблюдения дают основание для некоторых выводов.

Псковский кремль занимает северную оконечность узкого скалистого мыса, образуемого слиянием Великой и Псковы. Центральная часть кремля представляет собой наиболее высокую точку не только на территории города,² но и в непосредственно окружающей его местности.

Раскопками удалось установить, что на месте Псковского кремля некогда существовало древнее укрепленное поселение, возникшее во II—III вв. н. э. Нижние горизонты культурного слоя содержат сетчатую керамику так называемого дьякова типа, которая встречается здесь вместе с керамикой лепной, неорнаментированной, изготовленной из теста без примесей или с незначительной примесью песка. Эти же горизонты культурного слоя отличаются обилием находок костяных изделий при сравнительно редких находках изделий из металла.³ Здесь найдены костяные наконечники стрел, один из них жаловидный, глиняные и каменные пряслица, некоторые из них орнаментированные, маленькая лунница, и другие вещи.

Жилища, вскрытые в этом слое, представляют собой деревянные наземные постройки, 3 × 3,5 м с небольшим, до 30—40 см углублением в материк и с очагом из дикого камня, расположенным в одном из углов жилища.⁴ Повидимому, все необходимое для быта и труда производилось здесь на месте, так как найдены не только готовые изделия, но и полуобработанные предметы (пряслица, наконечники стрел).

Древнее поселение, как это выяснено раскопками, располагалось первоначально по берегу Псковы и, следовательно, не занимало всего кремлевского мыса. Прослежено и дальнейшее развитие этого поселка. К середине I тысячелетия н. э. резко меняется его топография: поселение территориально разрастается, и жилища появляются по берегу Великой. Частично они сохраняют свой прежний тип: это — наземные деревянные постройки, 2,8 × 3,5 м, с углублением в материк на 40—60 см и очагами из булыжных камней. На полу одного из таких жилищ были найдены: глиняное и каменное пряслица, шестигранная буса из синего стекла, железный нож, лепная керамика, кости животных и рыб. Вместе с тем появляются жилища несколько иного типа — деревянные наземные, с глинобитными полами.⁵

Значительно изменилась и хозяйственная деятельность обитателей поселка — она стала разнообразнее, многограннее, выше по техническому уровню. Население занимается земледелием (о чем свидетельствуют находки хлебных зерен и серпов еще весьма архаических форм), а также скотоводством, охотой и рыбной ловлей.⁶ Широко было развито прядение и,

¹ До наших работ в Псковском кремле производили раскопки: в 1930 г. К. К. Романов на площади 20 м², и в 1936 г. Н. Н. Чернягин, на площади в 70 м². Таким образом, общая площадь изученного культурного слоя здесь составляет 1890 м² (включая и площадь раскопок 1945—1949 гг.—1800 м²).

² Поднимается над уровнем моря на 52 м. На этом месте стоит Троицкий собор.

³ С. А. Тараканова. Раскопки в Пскове. 1945—1948 гг. КСИИМК, вып. XXVII, стр. 106.

⁴ Е е ж е. Раскопки в Псковском кремле. КСИИМК, вып. XXI, стр. 145—146.

⁵ К сожалению, ввиду очень плохой сохранности они прослежены лишь в общих чертах.

⁶ Определение костных остатков из раскопа 1946 г., произведенное В. И. Цалкиным, показало, что на долю домашних животных приходится 92%, на долю диких — 8% костей.

вероятно, ткачество. Пряслица из глины, кости и камня, иногда орнаментированные, были при раскопках весьма частой находкой.¹ В некоторых жилищах найдены льячки и кусочки металлических шлаков. В этом же культурном слое чаще встречаются вещи из металла — наконечники стрел, а также предметы украшения: бронзовая трапециевидная подвеска, фибула, датируемая V—VI вв. нашей эры, толстоконечные орнаментированные браслеты VI—VII вв., бусы синего и голубого стекла. Изделия из кости стали разнообразнее и лучшего качества. Наряду с примитивными предметами вроде проколов, игл, наконечников стрел, стали вырабатываться трубочки, покрытые орнаментом, гребни с высокими резными спинками, ручки для ножей, украшенные орнаментом.

Изменился характер керамики. Вместо лепной, сравнительно хорошо заглаженной, с незначительными примесями, но слабого кострового обжига посуды, которая встречалась в культурных слоях первых веков н. э., появляется толстостенная грубая посуда, с большой примесью дресвы и шероховатой поверхностью, но лучшего обжига. В последующие столетия, т. е. в конце I тысячелетия н. э., эта посуда сменяется также лепной, но более тонкостенной и лучшего качества; дресва постепенно заменяется песком. Еще позднее, в IX—X вв., среди такой лепной керамики постепенно появляется керамика, сделанная на гончарном круге; первоначально она еще грубая и напоминает лепную, но хорошей выработки. Круговая керамика постепенно вытесняет лепную посуду.²

Весь найденный материал, в частности керамика, свидетельствует о том, что на месте Псковского кремля некогда существовало укрепленное славянское поселение, на базе которого возник Псков.³ Этим фактом опровергаются мнения некоторых авторов, считавших, что в древности Псков не был славянским городом.⁴

Но наличие культурных слоев древнего славянского городища, подстилающих слои древнего Пскова, еще не доказывает, что город развился из этого поселения. Такое поселение когда-то могло прекратить здесь свое существование, а через некоторое время на его месте при каких-либо условиях мог возникнуть город. Это предположение полностью отпадает, так как раскопками установлена теснейшая генетическая связь древнего Пскова с Псковским городищем. В культурных напластованиях Псковского кремля нет никаких стерильных прослоек, которые разделяли бы городищенские слои и слои более поздние — городские. Более того, устанавливается полная преемственность между городищенской культурой и культурой городской. Такая преемственность прослеживается в развитии форм и техники изготовления посуды, изделий из кости и металла.

Что же представляет собой Псковское городище и почему на его основе мог возникнуть город Псков?

Две характерные черты выделяют этот памятник из общей массы древних городищ — родовых поселков обычного типа. Это — прежде всего его размеры. Древние городища в массе своей невелики; обычно площадь их составляет 2000—3000 м², хотя есть и поселки меньших размеров. Псковское городище занимает свыше 35 000 м². Вторая и очень важная особенность этого памятника, выделяющая его из массы других, — это

¹ С. А. Тараканова. Раскопки в Пскове. КСИИМК, вып. XXVII, стр. 112.

² С. А. Тараканова. Новые материалы по археологии Пскова. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950 г..

³ При раскопках 1945 г. в «Довмонтовой крепости», примыкающей непосредственно к кремлю с южной его стороны, под слоями феодального Пскова прослежен слой с лепной керамикой («Раскопки в Пскове». КСИИМК, вып. XVII).

⁴ Например, А. А. Спицын говорит, что Псков ославянился значительно позднее Новгорода. Архив А. А. Спицына, № 61.

характер хозяйства его обитателей и в особенности их ремесленная деятельность. Здесь мы наблюдаем не только большое разнообразие ремесленных изделий, но и высокое качество их выполнения. Костяные изделия показывают, что подобного рода вещи могли выйти только из рук опытного мастера. Поэтому у нас есть основание полагать, что среди населения городища были ремесленники-специалисты.

Известны и другие памятники, подобные Псковскому городищу. В качестве примера можно указать Сарское городище, существовавшее с середины I тысячелетия н. э. до X—XI вв. При характеристике этого памятника следует отметить некоторые его черты, представляющие для нас интерес. Городище расположено на р. Саре, приблизительно в 5 км южнее озера Неро. Оно занимает узкий холмистый мыс, который в древности с трех сторон огибался рекой. Площадь городища составляла в VII—VIII вв. 8 000—10 000 м² и затем увеличилась до 12 000 м², но культурный слой прослеживается и за его укреплениями. Рядом с городищем находится могильник, синхронный его культурным напластованиям.¹ Важно отметить, что городище как поселение разрасталось постепенно. Северная, оконечная и первоначальная, его часть занимала площадь в 3 000 м² и была ограничена с юга валом. К ней примыкает вторая часть поселка, размером около 5 000 м², также ограниченная с юга земляным валом; наконец, к этой части примыкает еще одна, лежащая в южном конце холма, площадью до 3500 м², также ограниченная с юга валом и рвом с наружной его стороны.

Сарское городище так же, как и Псковское, выделяется из других древних городищ характером своих находок. «Тысячи предметов, в разное время найденных на Сарском городище,— говорит П. Н. Третьяков,— и представляющие собою чрезвычайно яркий материал, позволяют считать совершенно бесспорным, что укрепленный поселок на реке Саре с первых же столетий своего существования являлся местом сосредоточения целого ряда производств, в первую очередь местом обработки металлов».² «На материалах Сарского городища можно констатировать завершение процесса отделения ремесла от сельского хозяйства, процесса завершения второго крупного общественного разделения труда».³

Очень близким по своему характеру к Псковскому и Сарскому городищам является Гнездовское городище с его курганами. Раскопки на этом городище и изучение Гнездовских курганов показали, как отметил в свое время и В. И. Сизов, что «обработка металлических украшений доводилась здесь до известной технической виртуозности».⁴ В Гнездовском могильнике, датируемом IX—X вв. и насчитывающем несколько тысяч насыпей, имеются не только рядовые погребения, но и погребения верхушки общественных слоев.

Псковское, Сарское, Гнездовское и подобные им городища не могут быть причислены к разряду укрепленных родовых поселков обычного типа. Это и не просто ремесленные поселки, о чем говорят не только размеры этих городищ, но и система их укреплений; это — племенные города. Такие города возникли у восточных славян и соседних с ними племен еще задолго до образования Киевского государства. Некоторые из них являлись племенными центрами; другие возникали на границах племенных территорий. Характеризуя «высшую ступень варварства», Энгельс говорит: «Город, окружающий своими каменными стенами, башнями и зубцами каменные или

¹ Д. Н. Э д и н г. Сарское городище. Ростов-Ярославский, 1928, стр. 19—20.

² П. Н. Т р е т ь я к о в. История племен Верхнего Поволжья, МИА СССР, вып. 5, стр. 92—93. 1941

³ Там же, стр. 95.

⁴ В. И. С и з о в. Курганы Смоленской губернии. МАР, вып. 28, стр. 122.

кирпичные дома, сделался средоточием племени или союза племени...».¹ Именно такие племенные города, а не родовые укрепленные поселки, и явились основой некоторых наиболее крупных древнерусских городов. Так возникли Киев, древнейший Смоленск, Псков, Старая Ладога и многие другие города.

Вопрос о племенных городах восточных славян специально никогда не ставился в литературе, но он несколько раз затрагивался попутно в связи с разрешением других вопросов.² Основанием к этому служили прежде всего, хотя и очень скудные, свидетельства русских летописей. Из «Повести временных лет» известно, что у полян был город Киев, у древлян — Искоростень и Вручий, у дреговичей — Слуцк, Клецк, Друцк, у ильменских славян — Новгород, и т. д. У кривичей, на основании тех же данных, считают обычно три города: Смоленск, Полоцк и Изборск; но к ним следует присоединить Торопец и в особенности Псков.

Что же представляли собой племенные города восточных славян? Отсутствие фактического материала не давало возможности составить о них хотя бы общее представление. Высказывалось мнение, что племенные города следует рассматривать как «места местных торжищ».³ По мнению С. В. Юшкова, некоторые из этих городов были центрами междуплеменного обмена, а другие, как Киев, стали превращаться в международные торжища.⁴

Несомненно, что торговля, даже в те отдаленные времена, оказывала известное влияние на развитие и рост племенных городов, но она не была решающим фактором. «С разделением производства на две крупные основные отрасли — земледелие и ремесло, — пишет Энгельс, — возникает производство непосредственно для обмена, — товарное производство, а вместе с ним и торговля не только внутри племени и на его границах, но уже и заморская. **Все это, однако, еще в весьма неразвитом виде...**» (подчеркнуто мною. — С. Т.).⁵ Характер находок при раскопках Псковского городища, как и Сарского, показывает, что торговая деятельность в данных поселках не имела решающего значения для их экономики.

Племенные города появляются в процессе разложения патриархально-родового общества, когда одновременно с общественным разделением труда, отделением ремесла от сельского хозяйства, на основе роста производительных сил происходят и социальные сдвиги в обществе: возрастает богатство отдельных лиц, появляется военная демократия и войны, которые «становятся постоянным промыслом».⁶ Все это способствовало усилению и росту племенных городов, знаменовавших собой «признак увеличивающейся опасности и потребности в защите».⁷

Условия и время возникновения племенных городов были различными. Некоторые из них (Киев, Псков) развились из поселков родового типа, возникших еще в первой половине I тысячелетия н. э., и являлись центрами племен или племенных объединений. Другие (Ладога, Изборск) возникли только в середине или второй половине I тысячелетия н. э. и слу-

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1949, стр. 168.

² М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, стр. 15, 17; С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма, стр. 23; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. 1948.

³ П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 58.

⁴ С. В. Юшков. Рецензия на книгу М. Н. Тихомирова «Древнерусские города». Изв. АН СССР, серия истории и философии, 1947, т. 4, № 1, стр. 101

⁵ Ф. Энгельс. Указ. соч., стр. 169.

⁶ Ф. Энгельс. Происхождение семьи..., стр. 170.

⁷ Там же.

жили первоначально, видимо, форпостами на границах племенных территорий.

Различной оказалась и судьба таких городов. Развившиеся на их базе Киев, Псков, Торопец существуют и поныне; другие рано утратили свое значение города (Искоростень, Кветунь на Десне); наконец, третьи также превратились в городища, так как возникшие на их основе древние города (Смоленск, Ростов) были перенесены на новые места. Эти случаи показывают, что существование племенных городов восточных славян исторически обусловило возникновение и развитие древнерусских городов, но новые социально-экономические отношения и географический фактор в период образования Киевского государства оказали большое влияние на дальнейшую их судьбу. Особенно ярко это видно на примере тех племенных городов, которые прекратили свое существование, но рядом с ними возникли новые города иного типа, расположенные в иных, более выгодных местах.

Археологическое изучение племенных городов восточных славян проводится попутно в связи с раскопками некоторых древнерусских городов. К сожалению, последние изучаются еще недостаточно, и не каждый из этих городов может дать материал по интересующему нас вопросу. Приходится сожалеть и о том, что очень мало изучаются городища — бывшие племенные города. Основная масса таких городищ не только не изучена, но даже и не обследована. Между тем изучение их, как и некоторых древнерусских городов, открывает перед исследователями огромные возможности познания истории культуры древней Руси и истории и культуры восточного славянства. Именно на материале таких памятников эти вопросы и могут быть выяснены с наибольшей полнотой.

Раскопки Псковского городища показывают, какие глубокие корни имела древнерусская культура в предшествующей ей культуре восточнославянских племен. Они показывают также высокий уровень славянской культуры и то, что она формировалась еще в первой половине I тысячелетия н. э. не только на сравнительно ограниченной территории Среднего Поднепровья, но и на широких просторах далекого от нее севера. Кроме того, «история русских городов,— говорит М. Н. Тихомиров,— имеет особый интерес для мировой истории, ибо на ее примере можно наблюдать возникновение крупных центров там, где в античное время никогда не было городов, что позволяет изучать рост средневековой городской жизни без особых ссылок на влияние более ранней римской или подобной ей культуры».¹

* * *

Когда же возникает древний Псков как город нового типа, город феодализирующийся, а затем и феодальный и что представляет он собой в первые века своего существования?

Изучение культурных слоев VIII—X вв. в Псковском кремле показало, что еще много архаических черт сохраняется в быту и хозяйстве населения этого времени. Горожане-ремесленники еще продолжают заниматься охотой, скотоводством, земледелием и рыбной ловлей. В этих слоях найдены хлебные зерна, серпы, но уже по форме приближающиеся к современным, железные сошники, косы, жернова. Находки сошников говорят о пашенном земледелии. Скотоводство и охота также занимают в хозяйстве значительное место. Продолжает бытовать посуда, вылепленная от руки. Встречаются костяные поделки, аналогичные городищенским: заколки для кудели, шилья. Многие предметы попрежнему вырабатываются на месте.

В то же время сравнительное изучение остатков материальной культуры в слоях II—VII и в слоях VIII—X вв. Псковского кремля

¹ М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 4.

показывает их принципиальное различие. Можно заметить, что ремесло в VIII — X вв. развивается на совершенно иной, новой основе. Это заметно прежде всего на характере глиняной посуды. Лепная посуда, производившаяся домашним способом, видимо женщинами, начинает постепенно заменяться посудой, сделанной на гончарном круге. Так, например, в раскопе № 1, в слое, датированном нами IX в., было найдено 405 фрагментов керамики, из которых на долю лепной приходится 349 и на долю круговой 56 фрагментов. Позднее количество круговой керамики возрастает, и в X в. она окончательно вытесняет лепную посуду. Круговая керамика отличается от лепной богатством орнаментации и разнообразием форм.

Встречаются еще сосуды со слабо очерченным профилем, очень близкие по своим формам лепным сосудам Псковского городища второй половины I тысячелетия н. э. Но для IX в. и в особенности для X в. типична круговая посуда с сильно профилированным венчиком и выпуклыми стенками; иногда на днищах таких сосудов имеются ремесленные клейма.¹ Совершенно ясно, что круговая посуда была рассчитана на удовлетворение запросов широкого потребителя. Клейма на днищах горшков говорят о большом развитии гончарного ремесла и наличии ремесленников-собственников.

Значительно шире, по сравнению с городищенской, развивается выделка предметов из кости. Ассортимент их стал разнообразнее: ручки для ножей, различные накладки, игральные кости, гребни, принадлежности для плетения рыболовных сетей, пряслица и другие вещи. Очень многие поделки вырабатывались из рога лося, при этом применялась не только техника резания, но и пиления. В раскопках найдено большое количество рогов лося со следами распила и иной обработки. Некоторые предметы обрабатывались, видимо, на токарном станке (пряслица, круглые ручки для ножей).

Особенно поражает достигнутая мастерами-ремесленниками техника орнаментации костяных изделий. Орнаменты их не только разнообразны, но в некоторых случаях это подлинные произведения искусства. Такова, например, костяная накладка (датируемая IX — X вв.) с городчатым орнаментом, представляющим полную аналогию орнаментам на псковских церквах.²

Кузнечно-литейное ремесло в это время не только широко развивается, но и строится на совершенно иной технической основе. В северо-западном углу Псковского кремля, в слоях VIII — X вв., вскрыты плавильные горны, сложенные из глины и валунного камня на каменном основании диаметром 1—1,5 м. В горнах найдены крицы железа, а около них часто встречались металлические шлаки, куски криц и болотной руды. Плавильные горны располагались группами, по несколько горнов в каждой.

Найденные при раскопках разнообразные железные вещи (железные ножи, рыболовные крючки, тесла, сошники, топоры, скобель, косы, серпы, молоток, кованые твозди со шляпками, наконечники стрел, славянские цилиндрические замки и ключи, «древотазные шипы», лодочные заклепки и многие другие вещи характеризуют деятельность кузнецов-ремесленников. Многие из перечисленных предметов совершенно не встречаются в городищенских слоях.

Новое, по сравнению с городищенским, наблюдается и в деятельности мастеров-литейщиков. Найдены готовые изделия (подвески, браслеты, перстни, шейные гривны), принадлежности литейного производства (лячки, тигельки), а также каменные литейные формочки и заготовки, что указывает на изготовление их на месте.

¹ С. А. Тараканова. Новые материалы по археологии Пскова. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950 г

² Там же

Раскопками вскрыта интересная картина не только древнепсковского ремесла, но и получен материал, характеризующий религиозные воззрения древних псковичей.

По соседству с плавильными горнами были открыты языческие жертвенники, сделанные из чистого речного песка и окаймленные вертикально поставленными плитняковыми камнями одинакового размера и толщины. Жертвенники, как и горны, располагались группами. Поверхность жертвенников покрывали слои золы с мелкими угольками, иногда в несколько рядов. В золе встречались обгорелые кости животных и рыб. На середине одного жертвенника находился глиняный раздавленный сосуд. Около других найдены большие кучи костей жертвенных животных. Находки на жертвенниках и около них кусочков шлака, льячка, а также расположение этих памятников рядом с плавильными горнами и кузнечными юагами указывает на тесную связь их с деятельностью кузнецов-литейщиков.

Резко меняется и культурно-бытовой облик Пскова этого времени. Вместо городищенских деревянных жилищ, несколько углубленных в материк, с очагом из дикого камня, появляются наземные деревянные жилища, типа старолadoжских, но бoльшие по размерам. Они представляют собой дома или избы размером 8×10 м или 11×12 м, с деревянными полами и подвалами. Основанием домов служили деревянные столбы; они поддерживали стены, а иногда и пол дома. Вместо очагов в таких домах были каменные печи, сложенные на валунной основе, заключенной в деревянную раму. Часть таких жилищ имела пристройки, возможно сени; около некоторых из них сохранились деревянные настилы. В одном из домов на полу были найдены керамические и янтарные пряслица, обломок железного серпа, хлебные зерна, костяные проколки, бусы, амулеты (клыки дикой свиньи и бобра), рыбьи кости, кости животных и лепная керамика.¹

Вскрытые жилища значительно восполняют материал, характеризующий жилые деревянные постройки северных древнерусских городов, а также свидетельствуют о том, что Псковский кремль в древнейшее время был основной и густо заселенной территорией города.²

Иной стала и планировка поселения. Жилые постройки сосредоточиваются в центре кремля и, возможно, в южной его половине. Раскопками прослежены остатки деревянного забора на протяжении около 40 м, идущего с севера на юг, ближе к берегу Великой. Забор датируется X—XI вв. Может быть, он обозначал трассу древней улицы в Псковском кремле, тогда еще заселенном, совершенно неизвестную нам по письменным источникам. Ближе к северной части кремля на площади около 250 м² вскрыты остатки деревянной мостовой, датируемой IX—X вв. Она состояла из толстых деревянных плах, лежащих вплотную. Все это свидетельствует о высоком уровне культуры древнейшего Пскова, а на его примере — и других древнерусских городов.

Расположенный на крупном водном пути (р. Великая, озера Псковское и Чудское, р. Нарова), Псков рано втягивается в торговые отношения. На это указывают как случайные находки арабских диргемов по берегам

¹ С. А. Тараканова. Раскопки в Псковском кремле. КСИИМК, вып. XXI, стр. 141—142.

² Впоследствии кремль превратился в территорию общественного значения, где находились Троицкий и Благовещенский соборы и амбары с запасами общественного зерна и всякого «добра». Когда произошло такое превращение, письменные источники не говорят. Не удалось это проследить и при раскопках, вследствие нарушения культурных напластований в Псковском кремле во времена Петра I, когда земля бралась для сооружения земляных бастионов. Сохранились лишь культурные слои X—XI вв. и кое-где XII в. и старше.

Нашими раскопками в «Окольном городе» обнаружен культурный слой, начиная с XI в., что дает основание говорить о существовании в то время псковских посадов.

Великой, Псковского и Чудского озер и на территории города, так и материал, полученный при раскопках, а именно: весовая гирилка, коромысла от весов, шиферные овручские пряслица, стеклянные бусы и браслеты, а также саманидский диргем (940—955) и западноевропейская монета (1068—1090).¹

Как показали раскопки, город Псков развивался на базе племенного города кривичей. Это не было возникновение города вновь; это было превращение на единой этнической основе одного типа города в другой. Древнейший Псков не был еще феодальным, но он был уже городом феодализирующимся. Появление неоспоримых признаков частной собственности (находки замков и ключей), признаков отличия своей продукции отдельными ремесленниками (клейма на днищах горшков) свидетельствует о дальнейшем развитии Пскова как феодального города, так как «наряду с феодальной собственностью существует единоличная собственность крестьянина и ремесленника на орудия производства и на свое частное хозяйство, основанная на личном труде».²

Выше мы показали разницу между городищенской и городской культурой Пскова, которая прослеживается в культурных слоях, начиная с VIII в. Вместе с тем большое значение для разрешения вопроса о времени возникновения Пскова как города имеет изучение его крепостных стен. О первоначальной застройке псковских крепостных стен в письменных источниках нет сведений.

Раскопками были вскрыты три линии крепостных стен в Псковском кремле, относящихся к различным строительным периодам. Одна из них представляет остатки невысокого земляного вала (до 1,5 м высотой), идущего по краю кремлевской площадки. По гребню этого вала проходила деревянная стена или крепкий тын. На валу хорошо были заметны ямки от вертикально вкопанных бревен этой стены. Найденный при вскрытии стены и вала материал датирует ее VIII — X в. н. э.

В X в. псковичи построили новую линию укреплений, которая проходила также по краю кремлевской площадки, но с внутренней стороны первой деревянной стены. Это была первая каменная стена Пскова, сложенная сухой кладкой из плитняка. Прослежено несколько рядов этой кладки сравнительно хорошей сохранности. По керамике, отдельным вещам (шиферные пряслица, «древколазные шипы»), а также находкой монеты фрисландского графа Эгберта II (1068—1090) эта стена датируется X — первой половиной XIII в. Постройка каменных стен в X в. знаменует собой большой шаг вперед в развитии крепостных укреплений города. Она характеризует также в известной мере его растущее экономическое и социальное значение.

В первой половине XIII в. псковичи построили третью крепостную линию вокруг кремля, которая (переделанная почти до основания в более позднее время) сохранилась до наших дней. Эта стена проходит по самому краю кремлевской площадки, оставляя внутри ее две прежние линии укреплений. Фундамент этой стены шириной 2,2 м сложен сухой кладкой из плитнякового камня, с редким включением валунов. Сама стена шириной 1,2 м состоит из плитнякового камня, сложенного на тощем известковом растворе.

На основании изложенного материала можно сделать следующие выводы:

1. На месте Псковского кремля существовало древнее поселение, возникшее во II — III вв. н. э. К середине I тысячелетия н. э. характер этого

¹ Можно предположить, что первоначально торг находился в кремле, и площадь его мостилась (вскрытые нами мостовые). Вынесение торга за пределы кремля произошло, вероятно, позднее, когда болото на месте, занимаемом торгом, было достаточно осушено.

² И. Сталин. Вопросы ленинизма. изд. 11-е, 1945, стр. 556.

поселения значительно меняется (топография его, хозяйственная и, в частности, ремесленная деятельность обитателей поселка). Есть основание утверждать, что данное поселение было племенным городом — центром кривичей.

2. Отсутствие стерильных прослоек в культурных напластованиях Псковского кремля и генетическая связь культуры древнего Пскова с культурой предшествовавшего ему кривичского города, прослеженная по керамике, изделиям из кости и другим материалам, доказывает, что Псков возник и развился на базе этого племенного города.

3. Изучение остатков материальной культуры древнего Пскова, а также его крепостных стен, в особенности первоначальных, позволяют отнести возникновение Пскова как собственно города к VIII в. н. э.

4. Находки ремесленных изделий, жилищ, вскрытие деревянного забора, плавильных горнов, жертвенников обрисовывают в известной мере Псков в первые века его существования. При полном отсутствии письменных источников по этому вопросу полученный из раскопок материал приобретает особую ценность.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

АНТИЧНАЯ КУЛЬТУРА В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ ¹

Изучение античной культуры в городах северного побережья Черного моря ставит перед исследователем ряд задач. Наиболее существенным является установление своеобразия северопонтийских городов и вклада, сделанного ими в античную культуру в целом. Разрешение этих задач выявит характерные особенности культуры городов Северного Причерноморья и соотношение их с крупнейшими центрами Восточного Средиземноморья, а также установит значение ввоза из метрополии и местного производства.

Для правильного понимания специфических особенностей античной культуры Северного Понта необходимо выявить роль местных элементов в ее формировании; без этого невозможно изучать такие явления в политической жизни как государство Спартокидов или боспорскую торевтику в истории его культуры. Весьма важно также установить роль античных городов и их культуры в истории племен Северного Причерноморья. Все это даст возможность выяснить один из этапов древнейшей истории нашего Юга.

В настоящем кратком очерке мы не можем дать подробного и всестороннего объяснения всех этих явлений в их сложном последовательном развитии. Такая задача доступна решению только в обширной монографии, посвященной истории северопонтийских городов, потребность в которой в настоящее время настоятельно назрела. Ограниченные размеры нашего беглого наброска позволяют лишь поставить эти вопросы и в самых общих чертах наметить их решение.

Античная культура в Северном Причерноморье была сложна и многогранна, неодинакова в различных городах и менялась с течением времени. Типично греческие полисы Тира и Ольвия, сравнительно большое греческое государство Херсонеса и греко-мэотский Боспор имели определенные местные различия в области культуры. К тому же античная культура Северного Понта, разумеется, испытала сильнейшие изменения за тысячелетний период своего существования.

Характер этих изменений существенно отличается от изменений, происшедших в метрополии. Как ни тесны были связи берегов Черного моря с Средиземноморьем, но в судьбах Северного Понта играли не малую, постоянно возрастающую роль обитатели обширных степей нашего Юга. Таким образом, история наших городов складывалась и развивалась иначе, чем в полисах на берегах Эгейского бассейна.

¹ Печатается в порядке обсуждения. Ред.

Своеобразие исторического и культурного процесса развития северопонтийских городов столь значительно, что оно делает мало пригодной обычную систему периодизации, применяемую в нашей археологической практике. Мы имеем в виду общепринятую схему членения на эпохи архаики, классики, эллинизма и римской империи. Эта старая схема, вполне уместная для истории искусства метрополии и оттуда заимствованная исследователями нашего Юга, не отвечает основным этапам исторического развития городов Северного Причерноморья, да и к тому же не вполне удобна для распределения археологического материала. В силу сказанного, нам представляется более закономерной другая периодизация, в основу которой положены изменения в этническом составе населения, социальном строе и характере культуры.

Как известно по поэмам Гомера и другим данным эллинской мифологии, интерес греков к Северному Причерноморью возник задолго до начала ионийской колонизации (т. е. в VII в. до н. э.). Мы не будем особо останавливаться ни на этом доколониционном периоде, ни на вопросе о путях проникновения греков в Северное Причерноморье, считая их выходящими за рамки настоящего очерка.

Первым этапом прочного освоения греческими колонистами северного побережья Черного моря было время возникновения и бытования эмпориев, а также последовавшего затем основания городов и древнейшей эпохи их существования. Это время приходится на VII и главным образом VI в., а также первую половину V в. до н. э.¹ В рассматриваемый период исключительная роль в жизни Северного Причерноморья принадлежала ионянам, которые, нужно думать, принесли в свои колонии на Понте аристократический строй, господствовавший у них на родине. Ионийская аристократия главенствовала, вероятно, и в Ольвии, и в городах Боспора, сначала суверенных, позднее объединенных под властью Археанактидов (480—438). Ионийским, можно думать, был и эмпорий, существовавший на месте будущего дорийского полиса — Херсонеса.

Состав свободного населения и характер культуры греческих колоний в рассматриваемую эпоху, по всей видимости, были в основном эллинскими. Греческие первопоселенцы и их ближайшие преемники, обосновавшиеся на северопонтийских берегах, в полной мере сохраняли еще культурные навыки, выработанные в метрополии. Во всяком случае, доступные нам данные не позволяют говорить о сколько-нибудь заметном своеобразии причерноморских колоний в эту раннюю эпоху.

Второй этап истории северопонтийских городов приходится на время с последних десятилетий V в. до н. э., примерно до эпохи Митридата Евпатора (т. е. конец II — первая половина I в. до н. э.).² Главной силой на северочерноморском побережье было тогда Боспорское греко-мэотское государство Спартокидов. На этот период приходится возникновение и независимое существование демократического полиса Херсонеса, подчинившего себе довольно значительную территорию юго-западного Крыма. Ольвия, ставшая также демократическим полисом,³ сначала была самостоятельной, затем зависела от скифов, а позднее — от Митридата.

¹ В пределах указанного периода, разумеется, возможны и более мелкие членения, основанные на исторических и археологических данных.

² Разумеется, указанный период в свою очередь может быть расчленен на менее крупные разделы и прежде всего на два: 1) эпоху расцвета Боспора, а также в значительной мере Херсонеса и Ольвии, которая длится, примерно, до начала III в. до н. э. включительно, и 2) последующий этап, когда дела всех названных государств пришли в значительно худшее состояние.

³ Когда и как произошло установление демократического строя в Ольвии, мы не можем с уверенностью сказать из-за отсутствия каких-либо данных. Возможно, что это произошло во время похода афинского флота в Понт под начальством Перикла. Несомненно лишь, что в IV в. в Ольвии был демократический строй.

Ведущая сила предшествующего периода — ионийская аристократия — во вновь создавшихся условиях сходит с исторической арены Северного Понта. В сохранившихся греческих полисах господствует демократия. Наиболее своеобразной чертой политической истории Северного Причерноморья являются возникшие теперь царства со смешанным этническим составом населения. Таков Боспор, объединивший греческие города с местными племенами, а также позднее сформировавшееся скифское государство, в которое входили и греческие города.

Когда античные города Северного Причерноморья достигли значительного расцвета, их ремесла и торговля получили большое развитие. В рассматриваемый период культура городов Северного Понта в основном имеет греческий характер, но в ней заметно выступают черты своеобразия, отличающие ее от культуры метрополии. Эти особенности северопонтийских колоний, нужно думать, связаны с особыми историческими условиями, определившимися в это время, и прежде всего с участием эллинизованных представителей местных племен в жизни античных городов.

Последний большой раздел истории северопонтийских городов — это I в. до н. э. — IV в. н. э.¹ В предшествовавшие два периода, охватывающие вместе примерно VII — II вв. до н. э., ведущей силой в степях Северного Причерноморья были скифы; теперь же их роль переходит к сарматам. Однако этим значение сарматов не ограничивается: они занимали видное место в истории и культуре северопонтийских городов. Особенно заметно выступает роль сарматов в жизни Боспора, во главе которого утверждается сарматская династия Асандра-Аспурга, царская власть которой подкрепляется религиозной санкцией.

В силу сказанного, во всяком случае для Боспора, рассматриваемый период может быть назван сарматским.

Рим, играющий значительную роль в судьбах послегетской Ольвии и Херсонеса, являлся для Боспора внешней политической силой, постоянно вызывавшей значительное внутреннее противодействие. Вмешательство Рима в политическую жизнь западной части северопонтийских городов имело большие последствия — там установился более аристократизированный строй, чем в предшествующую эпоху.

Значительное увеличение роли местных элементов в северопонтийских городах, в частности Боспора, приводит к заметной сарматизации всей культуры, которая все более и более усиливается по мере приближения к концу рассматриваемого периода.

По сравнению с общепринятой, предлагаемая нами периодизация имеет некоторые преимущества и в археологическом отношении. Она удобнее при выделении основных культурных напластований не только нынешних раскопок, но и прошлого столетия, известных лишь по старым отчетам. На основании встречающихся при раскопках городищ ведущих типов хорошо датированной керамики удобнее провести границу между первой и второй половиной V в. до н. э., чем между концом VI и началом V вв. до н. э., ибо характерные для конца VI в. до н. э. пухлогорлые амфоры, позднеархаическая чернолаковая посуда и поздняя чернофигурная керамика глубоко заходят и в первые десятилетия V в. до н. э.

Обычно проводимая хронологическая граница между эллинистической эпохой и римской (конец I в. до н. э.) менее удобна для расчленения археологического материала, чем предложенная нами грань между вторым и третьим периодами (первая половина I в. до н. э.), ибо именно в это время

¹ Рассматриваемая эпоха имеет два основных внутренних членения: 1) I в. до н. э. — II в. н. э. и 2) время наибольшей сарматизации античных городов нашего Юга — III—IV вв. н. э. Эти членения в свою очередь могут получить внутреннее деление.

исчезают характерные для эллинистической эпохи типы остродонных амфор (в частности родосские клейменные ручки), посуда, покрытая эллинистическим и «графитным» лаком, так называемые «мегарские» чаши, и пр. Характерная же для I в. н. э. краснолаковая посуда появляется еще в последних десятилетиях I в. до н. э.

Разумеется, предложенная нами периодизация отнюдь не устраняет, как мы отмечали выше, более мелких подразделений. Для первого периода таковым явится членение на слои, заключающие керамику так называемого восточного стиля и чернофигурную. Второй период, в целом отвечающий времени бытования амфорных клейм в Северном Причерноморье, легко может быть расчленен на несколько разделов, чему способствуют такие группы находок, как краснофигурная керамика разных стилей, эллинистическая расписная (привозная и местная), «мегарские» чаши, различные типы остродонных амфор и пр. Третий период характеризуется краснолаковой посудой, узкогорлыми и реберчатыми амфорами, а также обилием местной керамики. Он также имеет внутренние членения; причем недостаточно разработанной в отношении датировки материала городищ следует признать эпоху реберчатой керамики III—IV вв. н. э.

На протяжении всей истории античного мира Северное Причерноморье было большой экономической и политической силой, постоянно привлекавшей пристальное внимание эллинских метрополий, а позднее — эллинистических государств и Римской империи. Северопонтийский рынок был немало важным местом сбыта средиземноморских товаров и поставщиком хлеба и рабов. Большое значение Северного Причерноморья было оценено милетянами, избравшими его ареной своей колонизационной деятельности в VII—VI вв. до н. э. После разрушения Милета ослабевшие ионяне, видимо, в значительной мере уступили свое место афинянам. Однако характер аттических товаров, ввозившихся в Северное Причерноморье в ближайшие десятилетия после 480—479 гг. до н. э., наглядно показывает, что до разгрома Афин в Пелопонесской войне боспорский хлеб еще не приобрел того значения, какое он получил в IV в. до н. э.

Найденные на Боспоре образцы аттической расписной посуды второй и третьей четверти V в. до н. э. по большей части являются второстепенными изделиями. Напротив, с конца V в. до н. э. проникают на Боспор первоклассные произведения аттической керамики, что свидетельствует не только о расцвете Пантикапея и других городов, но и об усилении экономической заинтересованности Афин в боспорском рынке. Все это убедительно дополняет известные нам по письменным источникам факты искательства афинянами перед Спартокидами, возникновение династии которых, вероятно, связано со стремлением боспорских греков бороться с афинской экспансией, опираясь на поддержку местной племенной знати.

Оживленные сношения с Северным Причерноморьем способствовали появлению в метрополии значительного интереса и к Скифии, который наблюдается особенно в V в. до н. э.

Начало наиболее прочному государственному образованию Северного Понта положили колонии, расположенные по обоим берегам Керченского пролива, объединившиеся еще в 480 г. до н. э. в Боспорское государство, управляемое Археанактидами. Темп развития этого государственного образования, видимо, не только не уступал греческим полисам Эгейского бассейна, но, напротив, был значительно более быстрым. Происшедшая в 438 г. до н. э. замена власти греческого аристократического рода Археанактидов сильно эллинизированной местной династией Спартокидов свидетельствует о значительных сдвигах в Боспоре. Наряду с прежней греческой знатью там, видимо, выступает присоединившаяся к ней эллинизованная местная племенная аристократия; выходцем из нее был и Спарток.

Указать с полной определенностью, какова была этническая принадлежность Спартока, мы не можем из-за отсутствия достаточных данных. Фракийский характер его имени позволяет предполагать не скифское происхождение Спартока, а видеть в нем представителя одного из обитавших около Боспора племен. Эти племена, по всей видимости, были преемниками киммерийцев; родство же последних с фракийцами вряд ли может быть оспариваемо.

Так или иначе появление во главе Боспорского государства представителя местной племенной знати, хотя бы эллинизованного, знаменовало резкий поворот в ориентации боспорских городов. В этом сказалось стремление боспорских греков противопоставить тесные связи с местной племенной аристократией, усиливавшейся в это время экспансии Афин. Именно в эти годы Перикл своей военно-морской демонстрацией пытался подчинить понтийские города влиянию Афин и добился не малых успехов. Примечательное свидетельство Плутарха об этом предприятии Перикла явно показывает, что участие племен и их вождей в жизни эллинских городов, несомненно, противоречило интересам Афин.

Еще в последних десятилетиях V в. до н. э. боспорские греки пытались объединяться с местной аристократией, появлявшейся в городах;¹ еще большие шаги в этом направлении были сделаны в первой половине IV в. до н. э. Включение Левконом I (387—347) в состав Боспорского государства синдов, торетов, дандариев и псессов придало совершенно новый характер царству Спартокидов. В нем под властью одного правителя были объединены и греческие города и местные племена, в силу чего Боспор этого времени стал государством, весьма близким по типу эллинистическим монархиям, появившимся лишь на половину столетия позднее.²

Таким образом, темп развития государственности на Боспоре не только не уступал, а опережал метрополию, которая в некоторых отношениях оставалась позади. Примеры известного отставания метрополий от колоний неоднократно имели место в древности. Достаточно вспомнить хотя бы о греческих городах Сицилии или Карфагене, обогнавших свои метрополии. Более быстрое возникновение на Боспоре, чем в Восточном Средиземноморье, государств эллинистического типа было бы невозможно, если бы уровень племен азиатского Боспора не стоял на значительной высоте. Бассейн Кубани был, видимо, значительным культурным очагом еще издавна, со времен майкопской культуры. С азиатским Боспором античная традиция прочно связывает киммерийцев. Обращаясь к временам, более близким рассматриваемым событиям, отметим установление тесных экономических связей синдов с античным миром еще в начале V в. до н. э., появление у них градостроительства и возникновение государственности у синдов, еще в конце V в. до н. э. имевших монету, чеканенную по греческому образцу. Последнее обстоятельство заставляет полагать, что годы начала правления Спартокидов на Боспоре были временем не только проникновения эллинизовавшейся местной знати в греческие города, но также и известного воздействия эллинской культуры на синдов, что подтверждается и археологическими данными.

* * *

История хозяйства городов Северного Причерноморья исследована далеко не достаточно. Письменные источники крайне скудно и односторонне освещают этот вопрос. Большую помощь в этом отношении оказывает архео-

¹ Достойно внимания, что подобные немногочисленные случаи переселения местной знати могли иметь место еще в первой половине V в. до н. э. не только на Боспоре, но и в других городах Понта. Сошлемся хотя бы на широко известную историю Скила.

² В известной мере подобным царству Левкона I в Восточном Средиземноморье было государство его современника Мавзола, правителя Карии.

логия, в особенности раскопки последних лет. Сделанные находки в значительной мере определили необходимость самым решительным образом пересмотреть традиционные представления об исключительном значении посреднической торговли в хозяйстве городов Северного Причерноморья, особенно в последние века их существования. Далее следует подчеркнуть далеко не одинаковые экономические условия Боспора, Ольвии и Херсонеса. Последний заметно отличается большей ролью земледелия и значением внутреннего рынка.

Однако, несмотря на большое место торговли, и в Ольвии, и на Боспоре все яснее и яснее выступает немалая роль местного производства. Античные города Северного Причерноморья были значительными ремесленными центрами. Из всех ремесел более всего мы знаем о гончарном, достигшем большого размаха; однако вряд ли может вызывать сомнения наличие металлургического, плотницкого, костерезного, ткацкого и каменотесного дела. Меньше данных у нас о сельском хозяйстве, ибо ближайшая периферия городов исследована значительно хуже, чем самые города. Но не вызывает сомнения большое развитие сельского хозяйства, обеспечивавшего вывоз хлеба в самых широких масштабах. Доступные нам находки проливают свет главным образом на зернохранилища и мукомольное дело, мало способствуя изучению хлебопашества, в значительной мере нам известного лишь по письменным источникам и мало исследованным усадьбам Гераклейского полуострова. Лучше обстоит дело с виноградарством и виноделием, о значительном развитии которого свидетельствуют многочисленные давильни, обнаруженные в различных пунктах и особенно в Мирмекии. На большое развитие скотоводства указывает огромное количество костей животных, находимых при раскопках во всех античных городищах. Весьма примечательно при этом резкое отличие состава стада в античных колониях от скифских городищ: в первых преобладает крупный и мелкий рогатый скот, во вторых — лошади.

Наконец, упомянем о большом развитии рыболовства и связанного с ним рыбозасолочного дела, преимущественно в позднее время. На основе такого хозяйства и широкой посреднической торговли с местными племенами и метрополией северопонтийские города достигли значительного экономического подъема.

Постоянные тесные связи с Эгейским бассейном эллинских эмпориев и городов, основанных в VII—V вв. до н. э. в Северном Понте, делали доступными для их обитателей все основные культурные достижения метрополии. Это обеспечивало появление и дальнейшее развитие больших богатых торговых и ремесленных центров-городов, стоявших на значительном уровне благоустройства. Строительному делу Северного Причерноморья стали доступными выработанные в метрополии архитектурные типы жилищ и различных общественных зданий. Найденные в Пантикапее в 1945 г. части ионийских баз и архитрав V в. до н. э. указывают, что уже в раннюю эпоху воздвигались большие общественные сооружения, выводившиеся в ордере. С первоклассными образцами отделки общественных и жилых построек III—II вв. до н. э. познакомили нас раскопки Ольвии, Фанагории и Пантикапея; эту картину дополняет великолепная мозаика, незадолго до войны обнаруженная в Херсонесе.

О благосостоянии и высоком уровне городской жизни Северного Понта свидетельствует значительное применение дорогих привозных строительных материалов — белого, а позднее и цветного (облицовочного) мрамора. О том же говорит потребление большого количества различных импортных изделий лучших мастерских Родоса, Афин, Малой Азии, Александрии и других центров, а также развитие местного производства, во многих случаях достигавшего большой высоты.

Уже в VII — VI вв. до н. э. в Северное Причерноморье импортировались самые лучшие изделия метрополии. К их числу принадлежали расписные и фигурные вазы Родоса, Самоса, Навкратиса, Коринфа и других центров. Далее мы уже говорили о некотором снижении качества художественной керамики, импортировавшейся Атикой в Северное Причерноморье в эпоху гегемонии Афин — во второй и третьей четверти V в. до н. э. и о значительном подъеме этого качества, четко выступившем в период после поражения афинян в Пелопонесской войне. К этому времени относятся великолепные образцы аттической краснофигурной и рельефной керамики, найденные на Боспоре, особенно знаменитые полихромные фигурные сосуды из Фанагории, равных которым по качеству неизвестно и в метрополии. Высоким достоинством нередко отличается и керамика III — I вв. до н. э., ввозившаяся в Северное Причерноморье. Упомянем хотя бы о найденных в Ольвии амфоре александрийской работы II в. до н. э. и малоазийском глазированном рельефном сосуде с шаржированным изображением суда Париса. Значительным художественным исполнением отличаются происходящие из северопонтийских городов произведения античной скульптуры первоклассных мастеров метрополии. Таковы архаический курос и голова бородатого бога из Ольвии, торс Спартокида из Пантикапея, фрагменты статуи льва из Ольвии.

По словам Ксенофонта в «Анабазисе», уже на рубеже V и IV вв. до н. э. ввоз книг из метрополии в города на Понте был столь значительным, что представлял одну из статей торговли.

Нельзя, однако, полагать, что северопонтийские города были только пассивными потребителями многочисленных ценностей, созданных метрополией. Эти города представляли собой одну из ветвей античной культуры и притом настолько важную, что без нее и понимания ее значения невозможно правильное представление об античной культуре в целом. Названная ветвь внесла большой и самобытный вклад в культуру всего античного мира.

Уроженцами Северного Причерноморья были философы Бион, Борисфенит и Сфер, историки Посидоний из Ольвии и Сириск из Херсонеса. Многочисленные надгробные эпитафии указывают, что среди обитателей северопонтийских городов были поэты. Различные данные свидетельствуют о широком интересе жителей причерноморских городов к поэзии, музыке и театру.

Согласно держащейся до сего времени точке зрения, первое применение правильной (так называемой гипподамовой) планировки города, т. е. сети прямых, пересекающихся под прямым углом улиц, связывается с восстановлением Милета в 479 г. до н. э. Между тем раскопки Б. В. Фармаковского в 1926 г. с полной убедительностью доказали применение регулярной планировки в Ольвии еще в конце VI в. до н. э., т. е., несомненно, раньше, чем в Милете. Повидимому, в очень раннее время Фанагория имела правильную планировку.

Приведенные факты позволяют предполагать, что регулярная планировка явно получила применение в эллинских колониях на Понте раньше, чем в Милете. Видимо, и применение ее в Милете было связано с опытом планировки многочисленных ранее основанных милетских колоний. Нарезка землемерами правильных участков для будущей застройки могла способствовать возникновению идеи регулярной планировки города, т. е. так называемой гипподамовой системы. Другими словами, понтийские города не были периферийными поселениями, только отражавшими большие культурные достижения метрополии; напротив, они сами активно участвовали в создании наиболее передовых идей в области градостроительства. Как известно, в дальнейшем регулярная система имела очень большое значение и

легла в основу планировки всех эллинистических городов. Только старые города продолжали сохранять прежнюю беспорядочную систему застройки. К числу их принадлежали и Афины, которые, согласно свидетельству Псевдо-Дикеарха, в III в. до н. э. представляли собой плохо распланированный город с некомфортабельными домами и недостаточным водоснабжением.

Доступные в настоящее время, правда еще довольно скудные, данные позволяют предполагать, что Пантикапей в эпоху Спартокидов отнюдь не уступал Афинам по уровню своего градостроительства и благоустройства.

Основание для этих предположений дают раскопки XIX в. и последних лет, особенно 1947—1949 гг. Эти раскопки показали применение в Пантикапее в IV—III вв. до н. э. террасного принципа планировки, являющегося, хотя и весьма дорогим и трудоемким, но вместе с тем самым целесообразным и хорошо приспособленным к местным условиям.

О высоком санитарном уровне жизни Пантикапея свидетельствуют обширные городские свалки мусора, обнаруженные при раскопках. Данные обследования этих свалок, а равно и раскопки 1948 г. около Первого Кресла Митридата позволяют полагать, что, по крайней мере, из наиболее старательно содержимых частей города (его акрополя) весь строительный мусор V в. до н. э.—II в. н. э. тщательно удален. Следует отметить также наличие в Пантикапее выгребных ям своеобразной, возможно местной, конструкции.

Не буду особо останавливаться на широко известных фактах применения мостовых и водостоков во многих городах Северного Причерноморья и водопроводов с керамическими или свинцовыми трубами.

Не менее примечательным явлением, чем достижения в области градостроительства, следует считать античную торевтику нашего Юга — знаменитые золотые и серебряные изделия Солохи, Куль-Обы, Чертомлыка, а также других курганных погребений IV в. до н. э. По вопросу о месте изготовления этих замечательных ювелирных изделий нет общеустановившейся точки зрения у различных исследователей. Однако нам представляется, что вряд ли имеются сколько-нибудь серьезные основания сомневаться в Боспорском происхождении последних. Доказательством тому служит глубокое и всестороннее знакомство со скифами и их обычаями, какое вряд ли могло быть у торевтов, обитавших далеко за морем. Нельзя также считать случайными близость произведений торевтики пантикапейским монетам IV в. до н. э., а также данные, свидетельствующие о несомненной переделке чертомлыцкой амфоры.¹ Вызванная особыми функциями сосуда эта переделка была произведена, повидимому, вскоре после изготовления амфоры и, возможно, тем же мастером, который сделал вазу. Такое участие мастера в доделках, разумеется, не было бы возможным, если бы ваза была привезена к скифам из далекой метрополии.

Достоин внимания также, что в ряде произведений боспорской торевтики может быть отмечена определенная роль местных заказчиков, которая сказывается в форме сферовидных сосудов, подобных куль-обской электровазе, а также в характере украшений, представляющих сцены из быта скифов. Как известно, раскопки в метрополии до сего времени не дали произведений греческой торевтики IV в. до н. э., идентичных по характеру и равных по значению южно-русским находкам. Это заставляет думать, что достижения боспорских торевтов связаны, вероятно, с особыми условиями жизни Боспора в рассматриваемую эпоху.

¹ Мы имеем в виду головы львов, бесспорно приставленные несколько позднее изготовления амфоры, и обрамленную крыльями голову Пегаса, по стилю и технике исполнения не отличающихся от других фигур знаменитой вазы.

Общий характер произведений торевтики IV в. до н. э., найденных на нашем Юге, во многом ближе искусству эллинизма, чем искусству эпохи классики. Это сказывается в «этнографических» интересах художников, внимательно наблюдавших скифов и старательно передавших их внешний облик, одежду, оружие, их позы, движения, нравы и обычаи. Аналогичные явления в искусстве Восточного Средиземноморья получили место только в связи с космополитическими стремлениями, развившимися в эпоху эллинизма. В силу этого отнюдь не случайно упорство, с которым Б. В. Фармаковский настаивал на отнесении южно-русской торевтики к эллинистическому времени. Нужно думать, что особые условия культурной жизни Боспора способствовали более раннему возникновению явлений, в какой-то мере напоминающих более поздний синкретизм Восточного Средиземноморья.

Боспорские торевты были знакомы со всеми достижениями греческой классики. Вместе с тем, считаясь со вкусами скифов-заказчиков, боспорские мастера передавали темы из жизни степняков и их тиш, отличные от эллинских; при этом они создавали совершенно новые образы, до того времени неведомые классическому искусству. Сочетание этих элементов определило своеобразие боспорской торевтики и привело к появлению произведений, которые справедливо считаются высшими достижениями античных ювелиров.

Ясно выраженным своеобразием отличалась не только торевтика, но и другие отрасли искусства Северного Причерноморья, прежде всего зодчество. Это сказалось в появлении местных вариантов трактовки греческих ордеров, примерами которых являются своеобразные, схожие с пилястровыми капители колонн, обнаруженные на горе Митридат в конце XIX в., или «живописно» трактованный фриз, найденный там же в 1945 г. В еще более четкой форме это получило выражение в боспорских склепах с уступчатыми перекрытиями, возникших в тесной связи с традициями местной художественной культуры. Подобное внедрение иноземных элементов в греческое зодчество мы найдем в метрополии лишь в эпоху эллинизма; на Боспоре же оно происходит уже в IV в. до н. э.— во времена первых Спартокидов. Подробнее на этих вопросах мы не будем останавливаться, ибо предполагаем вернуться к ним в особой статье, посвященной зодчеству Пантикапея.

* * *

Своеобразие культуры и искусства северопонтийских городов связано не только с отмеченными уже особыми условиями их жизни, но также и участием в ней представителей местных племен.

Касаясь вопроса о местных племенах, мы должны отметить, что у исследователей далеко не изжит еще взгляд на все местное население Северного Причерноморья, как на единый массив, совершенно однородный в культурном и этническом отношении. Все племена Северного Причерноморья, жившие в I тыс. до н. э., бесследно растворяются под наименованием скифов. Подобная точка зрения совершенно ошибочна. Племена Причерноморья сильно отличались одно от другого своим экономическим развитием, политическим строем и культурным уровнем. Исследование синдских и таврских поселений свидетельствует о коренном различии между развитием первых и вторых. Значительным своеобразием и самобытностью обладали также и другие племена Причерноморья: калипиды, скифы, савроматы, мэоты и проч.

Выше мы говорили о большой роли синдо-мэотской знати в политической жизни Боспора, начиная с самого сложения государства Спартокидов. При этом мы указали на возможно местное, восходящее к киммерийцам

происхождение фракийских элементов, игравших большую роль в культуре Боспора. Местным, нужно думать, является на Боспоре и культ великого женского божества, возникший в киммерийскую эпоху.

Еще большее значение получили местные обитатели нашего Юга после бурных событий конца II—I вв. до н. э. Тогда Ольвия, как и другие города западного побережья Понта, была взята и разрушена гетами, а по восстановлении ее в город нахлынуло много обитателей степей. Еще более значительные события развернулись на Боспоре. Там, в конце II в. до н. э., произошло восстание скифов-рабов с Савмаком во главе. Восставшим удалось захватить в свои руки Пантикапей и Феодосию. Восстание было подавлено войсками Диофанта, полководца Митридата Евпатора. Раскопки последних лет в Пантикапее подтвердили эти события, известные по письменным источникам. Более того, они показали еще их последствия — заметное изменение некоторых частей Пантикапея, что, очевидно, связано с «сарматизацией» города, последовавшей после этих событий. Так постепенное просачивание местных элементов сменилось большой волной новых пришельцев, главным образом сарматов, которые сильно изменили культурный облик многих городов Причерноморья. Эти элементы особенно усилились в III—IV вв. н. э. Выявление роли и характера этих не античных, а местных элементов — особая задача, до сего времени надлежащим образом не решенная. Здесь мы не будем ее касаться, ибо решение ее не вскрывает сущности античной культуры Северного Причерноморья, а лишь объясняет причины ее вытеснения новыми, более молодыми силами.

* * *

Весьма важной проблемой является раскрытие значения античной культуры в истории племен, обитавших на юге нашей страны. Представления, сложившиеся об этом вопросе в науке XIX и начала XX вв., подверглись в настоящее время значительным изменениям. Античная археология тогда почти полностью подменялась историей искусства, и в поле зрения исследователей еще не было доступного нам массового археологического материала. В силу этого данный вопрос решался почти исключительно путем изучения первоклассных произведений искусства, проникавших к скифам. Такое положение неизбежно приводило, да и не могло не приводить, к сильному преувеличению роли античной художественной культуры в Скифии.

В настоящее время многое должно быть пересмотрено.

В советскую археологическую науку прочно вошло изучение массового материала — прежде всего керамики, составляющей материальную основу наших представлений об античной культуре северопричерноморских городов. Равным образом сильно подвинулось вперед и изучение скифских городищ. Сопоставление этих данных позволяет прийти к выводу, что основная масса населения в глубине Скифии была вне сколько-нибудь серьезного воздействия эллинской культуры.

Большая или меньшая степень эллинизации коснулась лишь знати, обитавшей в ближайшей периферии северопонтийских городов. Вполне же могли эллинизироваться только те сравнительно немногочисленные представители местных племен, которые переселялись в греческие города. Что же касается племенной знати, обитавшей вдали от античных колоний, то греческое влияние в сколько-нибудь сильной мере на нее не простиралось. История Скифа является тому доказательством. Раскопки скифских курганов IV в. до н. э. в Приднепровье ярко свидетельствуют о том, что связи с греками ограничивались только поставкой вина и некоторого количества эллинских изделий. Все же следует отметить, что, выполняя волю своих заказчиков, эллинские мастера делали вклад и в скифскую культуру:

Так, образ скифской змееногой богини, упоминаемой Геродотом, благодаря греческим мастерам получил воплощение в искусстве. Его мы находим на конских золотых налобниках из кургана Цимбаловая могила. Этим, однако, отнюдь не ограничивалась роль античной культуры в истории Северного Причерноморья.

Возникновение эллинских колоний на северном берегу Понта было обусловлено рядом явлений в жизни их метрополий. Одно из них и притом весьма важное, значение которого часто далеко не в должной мере учитывается историками,— это постоянно ощущавшаяся античным обществом потребность в рабах, без которых оно не могло существовать. Обширные варварские страны, окаймленные греческими колониями, доставляли метрополии необходимых ей рабов. Роль Северного Причерноморья как поставщика на рабские рынки Греции не может быть оспариваема. Спрос на рабов, приобретаемых северопонтийскими работорговцами, должен был способствовать усилению порабощения одних аборигенов другими и увеличению роли рабства у местных племен. Все это в известной мере могло способствовать ускорению темпа общественного развития местного населения. Однако не следует думать, что общение эллинских городов с местными обитателями Северного Причерноморья могло сыграть существенную роль в развитии последних. Сдвиги, наблюдаемые в общественном развитии северочерноморских племен, были прежде всего обусловлены не внешними воздействиями, а внутренним процессом их развития.

Выше мы уже отмечали высокий уровень развития прикубанских племен, вызвавший раннее появление эллинистического по типу царства Спартокидов. В IV в. до н. э. у скифов появилось царство Атея, который властвовал на всем пространстве от Истра до Танаиса.

Своеобразным отголоском правления Атея в Скифии, возможно, является погребение скифского царя в куль-обском кургане, непосредственно примыкающем к некрополю Пантикапея. Там мог быть похоронен царь одной из скифских племенных групп, лишенный власти Атеем и эмигрировавший на Боспор. Политические взаимоотношения Боспорского государства в эпоху Левкона I со Скифией были, вероятно, сложны и не были лишены известных противоречий. При таких обстоятельствах появление и пребывание в Пантикапее подобных эмигрантов было вполне возможным. В качестве некоторой аналогии напомним хотя бы о многочисленных эмигрантах-правителях при дворе персидского царя, красочно описанного Геродотом. У нас нет данных о судьбе государства Атея после его смерти. В дальнейшем (во II в. до н. э.) скифское царство вступило в новую фазу своего существования. Вероятно, учтя опыт государственной жизни разнородного Боспора, оно стало скифо-греческим, включив Ольвию и другие греческие колонии.

Быстрый темп экономического и общественного развития местных обитателей Юга привел к появлению у них городов, ставших центрами торговой и ремесленной жизни. При сооружении этих городов мог использоваться опыт античного градостроительства и зодчества. Здесь прежде всего следует упомянуть о синдах и, возможно, мэотах, более эллинизированных, чем скифы, и заметно обогнавших их в культурном развитии.¹ Раскопки кубанских городищ, Елизаветинского и особенно Семибратнего, показывают широкое использование античной строительной техники (применение глиняной черепицы и квадратной кладки). Эти города были значительными торговыми и ремесленными центрами. Античные строительные приемы использовались в более поздней столице крымских скифов — Неаполе.

¹ Видимо, другой группой эллинизированного населения были немногочисленные миксалины, обитавшие около Ольвии, согласно декрету в честь Протогена

Иную картину наблюдаем мы в позднеантичное время. В III—IV вв. н. э., как показывают раскопки последних лет, Пантикапей и другие боспорские города испытывали сильное воздействие сарматов, что налагает заметную печать и на градостроительство этого времени.

Итак, тысячелетнее существование античных городов не было бесплодным для истории Причерноморья. Оно способствовало более быстрому темпу общественного развития ближайших к городам местных племен, а также проникновению к ним некоторых технических и культурных навыков, преимущественно в области градостроительства. Что же касается более отдаленных областей, то там дело ограничилось главным образом привозом различных греческих товаров, в том числе произведений искусства, потребителями которых была не основная масса населения, а родовая знать.

Значение северочерноморских городов выходит за рамки древнего времени, оно захватывает Средневековье, когда крупнейшим очагом греческой культуры в Крыму был Херсонес. Однако этот вопрос, как и вопрос о преемнице классической культуры — Византии, а также связях ее с древней Русью, выходит за рамки нашей темы.

М. В. ВОЕВОДСКИЙ и **А. А. ФОРМОЗОВ**

СТОЯНКА ПЕСОЧНЫЙ РОВ НА РЕКЕ ДЕСНЕ

(К вопросу о мезолитических культурах Восточной Европы)

Изучение стоянок Восточной Европы эпохи мезолита приводит к выводу о возникновении в это время ряда локальных своеобразных вариантов человеческой культуры.¹ Сейчас уже можно выделить группу прибалтийских стоянок, свидерскую группу и группу стоянок Крыма и степной части Украины, каждая из которых отличается от других характерными типами орудий. Мы называем эти группы «культурами» и «культурными областями», подчеркивая отличие локальных «культур» мезолита от периодов палеолита, когда определенные типы орудий были распространены на огромной территории в силу однородных природных условий и одинаковых ступеней общественного развития. С другой стороны, этим мы хотим указать на то, что локальные варианты мезолита могут отражать возникновение племенного группирования населения, поскольку понятие «культура» для неолита увязывается теперь с племенем.

В связи с этим большой интерес приобретает группа мезолитических стоянок бассейна р. Десны, настолько отличающаяся от свидерских и степных украинских стоянок, что можно говорить об особой «деснинской мезолитической культуре».

В 1938—1940 гг. Деснинской экспедицией изучалась стоянка Покровщина, расположенная на боровой террасе на левом берегу балки Мосолов ров, близ с. Пушкар, Гремячского района Черниговской обл.² Наряду с позднепалеолитическими формами концевых скребков, угловых резцов и пластинок с притупленной спинкой, здесь найдены своеобразные нуклевидные скребла (типа рабо) и крупные грубо обработанные скребки и скобели на отщепах. Это указывало на своеобразный облик деснинского мезолита даже на ранней его ступени, когда еще не все палеолитические типы орудий были изжиты. Но особенно ярко выступило это своеобразие после исследования в 1940 и в 1945—1947 гг. стоянки Песочный ров, публикации материалов которой и посвящена данная работа.³

¹ М. В. Воеводский. Мезолитические культуры Восточной Европы, КСИИМК, вып. XXXI, 1950.

² М. В. Воеводский. Результати робіт деснянської експедиції 1936—1938 рр., Сб. «Палеоліт і неоліт України», т. I, Київ, 1947, стр. 54—55, рис. 7—9; его же. Деснинская археологическая экспедиция 1940 г. КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 93.

³ Предварительное сообщение о раскопках см. М. В. Воеводский. Важнейшие итоги Деснинской экспедиции 1946 г. КСИИМК, вып. XX, 1948, стр. 40—42, рис. 23;

Стоянка расположена на пониженном склоне второй надпойменной террасы правого берега р. Десны (на высоте 18—20 м над уровнем реки) в 4 км ниже с. Пушкари. Находки сосредоточены в слое легкой, сильно оподзоленной беловатой супеси, перекрытом горизонтом деградированного чернозема и еще выше культурным слоем городища юхновского и роменского времени. Слой стоянки подстиляется плотным светлобурым суглинком, не содержащим культурных остатков (рис. 6). Кремневые поделки и отбросы встречаются и за пределами городища на поверхности пашни и под пахотным слоем на расстоянии до 100 м по склону выше вала и рва. Но шурфы и зачистки на этих участках не обнаружили скоплений находок; отдельные предметы залегают здесь вдали один от другого. Следовательно, либо часть стоянки выше по склону полностью разрушена и основной материал снесен ниже (на площадь городища), либо собранные здесь

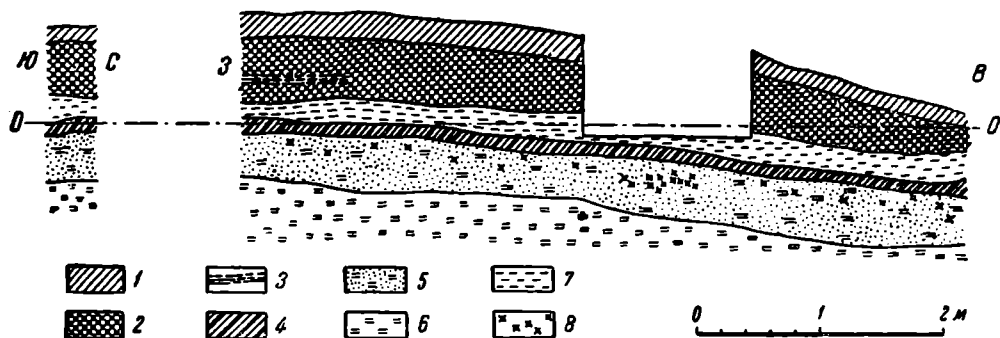

Рис. 6. Стратиграфия стоянки Песочный ров

1 — пахотный слой; 2 — насыпь вала; 3 — уголь; 4 — чернозем; 5 — подзол беловатая супесь; 6 — плотный суглинок с ортзандами; 7 — культурный слой; 8 — кремнь

предметы были случайно потеряны за пределами поселения, что более вероятно. Горизонт находок на площади городища кое-где потревожен ямами юхновского и роменского времени. Поэтому некоторое количество кремневых поделок находится в городищенском культурном слое, причем они залегают главным образом вблизи ям. Вся толща слоя стоянки захвачена процессом образования почвы лесного типа с характерными ортзандовыми прослойками и пятнами беловатой супеси. Таким образом, геологически стоянка датируется временем, предшествующим образованию чернозема и современной лесной почвы. Глубина залегания слоя 40—70 см, средняя мощность его 30—40 см. Для примера приведем стратиграфию северной стенки раскопа К (1947 г.), заложенного на северном крае площадки городища.

	Мощность в м
Дерновый слой	0 — 0,1
Песчаная прослойка	0,11—0,15
Культурный слой городища темносерый с прослойками золы, угля и глиняной обмазки	0,16—0,60
Погребенная почва — деградированный чернозем	0,61—0,67
Супесь белая с ортзандовыми прослойками — кремненосный горизонт	0,68—1,05
Плотный светлобурый суглинок	1,06

Раскопы в 1940, 1945—1946 гг. были заложены по восточному краю городища, обращенному к реке и быстро разрушающемуся, а в 1947 г. было

его же. Короткий звіт деснянської експедиції про результати вивчення пам'яток кам'яної доби в 1945—1946 рр. Сб. «Археологічні пам'ятки УРСР». Київ, 1949, т. II, табл. I. В дальнейшем ссылаемся на рисунки этих изданий, сокращенно обозначая их КС и АП.

начато исследование северного края, также разрушающегося оврагом.¹ Всего было вскрыто свыше 200 м². Никаких бытовых сооружений в слое не обнаружено, остатки же органического происхождения не сохранились, вследствие неглубокого залегания материала в супеси. Распределение находок кремня в слое было неравномерным. Основная масса изделий и отбросов была сконцентрирована в нескольких скоплениях размером 1—2 м², между которыми встречались лишь отдельные находки (рис. 7). Скопления содержат запасы сырья в виде кремневых желваков (иногда до 2—3 десятков), значительного количества полуфабрикатов — нуклеусов, пластин и отщепов, огромного количества отбросов — обломков, отщепов и осколков и лишь редкие готовые орудия.

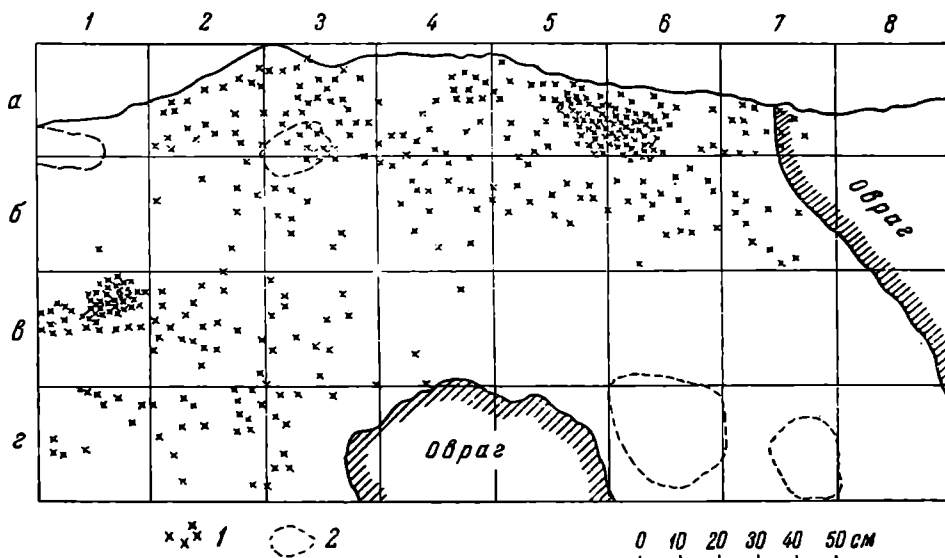

Рис. 7. Характер расположения находок кремня в культурном слое стоянки
Песочный ров

1 — кремневые поделки; 2 — контуры ям

Процент орудий ничтожен по отношению ко всей массе находок, которые составляют в основном полуфабрикаты и отбросы производства, дающие представление о всех стадиях обработки кремня — от корки, сбитой с желваков, до чешуек, получившихся при нанесении ретуши во время окончательной отделки орудий. Так, в 1946 г. найдено около 2000 отбросов производства, около 1500 осколков, свыше 100 заготовок и лишь несколько готовых орудий. Таким образом, раскопками вскрыта та часть стоянки, которая была местом выделки орудий. Однако мелкие кремневые чешуйки встречены здесь в небольшом количестве даже среди наибольших скоплений кремня. Повидимому, на раскопанных участках производилась лишь первичная обивка желваков и заготовка полуфабрикатов, тогда как выделка орудий производилась в другом месте. Кремь, из которого сделаны орудия, темносерый, почти черный, типичный для всех стоянок района Пушкарей, добывался населением стоянки из сеноманского горизонта мела в непосредственной близости от поселения. Этим объясняется большая площадь и насыщенность слоя стоянки, отличающие ее от других мезолитических поселений — небольших временных охотничьих становищ с малым количеством находок. Очевидно, на Песочном рву долгое

¹ План стоянки с обозначением раскопов опубликован в статье М. В. Воеводского «Городища Десни». Сб. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. I, Київ, 1949, стр. 106.

время производилась добыча и обработка кремня; поселение было стоянкой-мастерской, а не кратковременным стойбищем охотников.

Переходим к характеристике инвентаря стоянки. Из готовых изделий преобладающей категорией являются скребки (72 экз.), представляющие однородную группу орудий, различающихся в небольших пределах лишь размерами и некоторыми деталями техники. Выделяемые ниже варианты связаны между собой рядом переходов, и границы между ними условны. Основным видом заготовок для скребков служили отщепы, более или менее округлых очертаний, или короткие массивные пластинки, отличающиеся от тонких удлинённых пластинок свидерских и крымских стоянок. Все скребки относятся к типу концевых и имеют крутой, слегка дугообразный рабочий край, обе боковые грани обработаны лишь у одного скребка. У трех скребков обработано, кроме концов, по одному боковому краю. Наконец, пять скребков имеют рабочие края на двух противоположных концах.

28 скребков сделаны на правильных округлых или слегка вытянутых отщепах, 2,5 — 4,5 см длины и 2,2 — 4,0 см ширины. Все эти орудия плоские, с крутым рабочим краем, обработанным довольно широкими фасетками, с дополнительной более тонкой подправкой лезвия. У многих на спинке и боковых гранях сохранились участки корки. Спинка обычно плоская, с несколькими параллельными негативами от сколов. Правильность формы отщепов и наличие параллельных сколов на спинке указывают на то, что заготовки для них скалывались со специальных нуклеусов (рис. 8—1—3, а также КС, XX, рис. 23—11, 12 и АП, табл. I, рис. 9, 10).

Скребки на коротких пластинках (17 экз.) отличаются от предыдущей группы лишь тем, что они больше вытянуты в длину и многие имеют правильные параллельные боковые грани. Размеры их — 3,0 — 4,0 см в длину и 2,0—3,5 см в ширину. Пластины массивные; слегка дугообразный рабочий край их обработан аналогичными первой группе довольно широкими фасетками с тонкой подправкой по лезвию. У многих орудий на спинке и боковой грани имеются остатки меловой корки. Тыльный конец у них всегда массивный, с сохранившимся широким участком ударной площадки (рис. 8—7, 10 и АП, табл. I, II).

Скребок на ножевидных пластинках — 14. Они изготовлены на более правильных и узких, но все же довольно коротких пластинках. Размеры их: 3,0 — 4,5 см в длину и 1,5 — 2,5 см в ширину. Большинство скребков этой группы плоские, но три из них массивные, с продольным ребром на спинке. Рабочий край у них слегка дугообразный, крутой, обработанный сравнительно мелкими правильными фасетками. Один из скребков двойной, с рабочими краями на противоположных концах (рис. 8—6, 8). Семь небольших скребков, диаметром 2,5 — 3 см, имеют почти правильную округлую форму. Они изготовлены на коротких, довольно массивных отщепах. У трех из них рабочий край имеется на противоположных сторонах, а у четырех ретушью обработана половина окружности (рис. 8—5, 9, 11).

От орудий всех описанных типов довольно резко отличается скребок, изготовленный на длинной массивной ножевидной пластине, сколотой с плитчатого нуклеуса. Длина скребка 7 см, ширина — 2,5 см. Слегка дугообразный рабочий край у него более пологий и обработан правильными длинными плоскими фасетками. По размерам и характеру обработки он имеет архаичный облик и близок скребкам раннемезолитической стоянки Покровщина (КС, XX, рис. 23—13). Другой скребок, напротив, близок уже к скребкам неолитических стоянок Десны. Он изготовлен на удлинённом массивном отщепах, длиной 4 см и шириной 2,5 см и обработан не только по рабочему концу, но и по боковым сторонам. Ретушь крутая, с небольшими короткими фасетками (рис. 8, 4).

Три скребка использовались в качестве ретушеров. Благодаря этому у них на рабочем крае получились неглубокие выемки с сильно смятыми краями. Восемь скребков имеют небольшие участки края, обработанные скребковой ретушью.

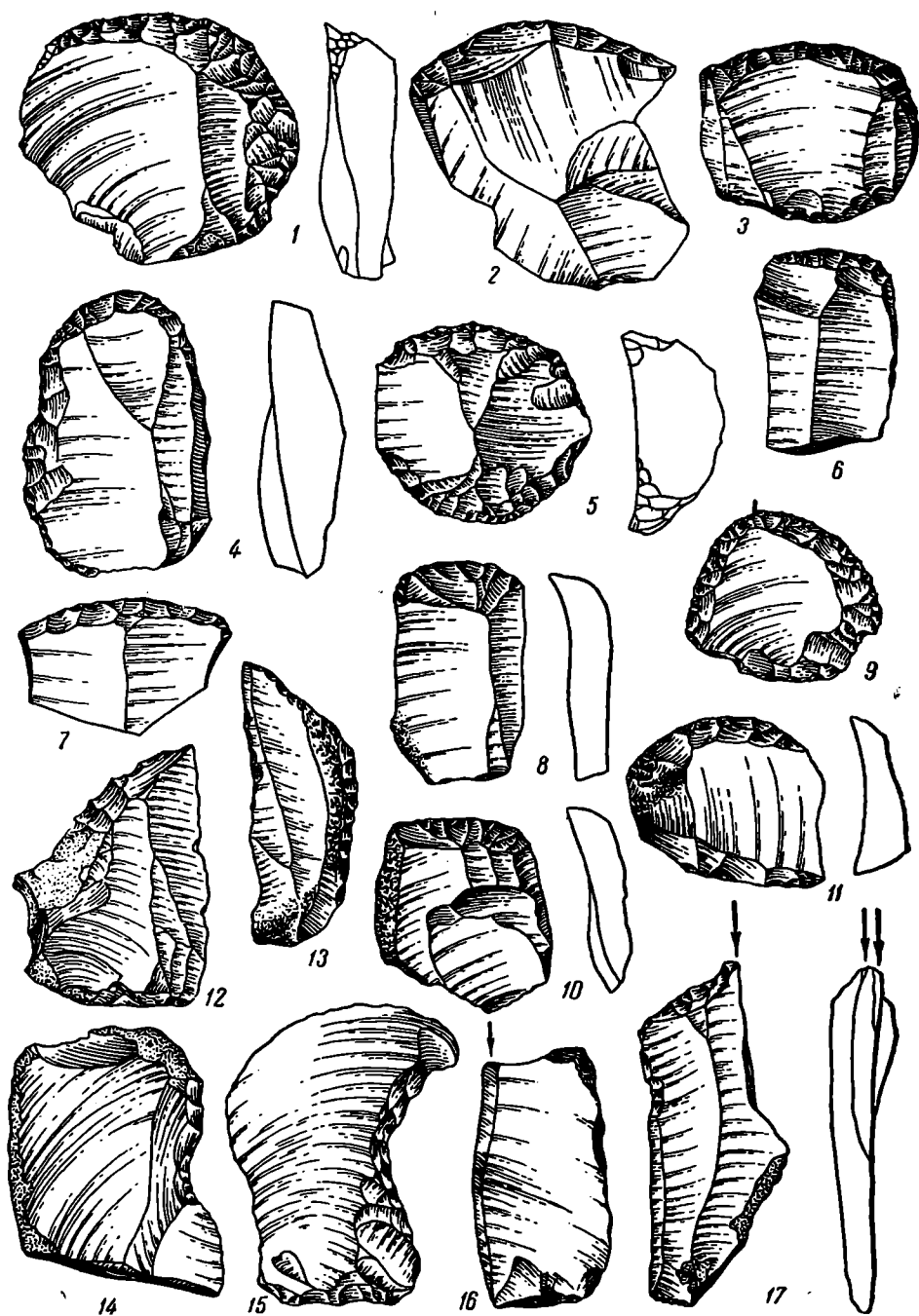

Рис. 8. Кремневый инвентарь стоянки Песочный ров ($2/3$ н. в.)

Подводя итоги, мы видим прежде всего отличие деснинских скребков, сделанных преимущественно на коротких широких отщепах-заготовках, сколотых со специальных нуклеусов, от скребков других мезолитических культур — концевых скребков на узких удлиненных пластинках свидерских и крымских стоянок и типичных для последних округлых скребков с обработкой всего края. Нужно отметить переживание в Песочном рве, где, как мы увидим, формируются раннеолитические типы орудий, формы скребка,

распространенной в Покровщине, стоянке со многими палеолитическими чертами. Наряду с этим нельзя не заметить близости массивных скребков на отщепах, имеющих дугообразный рабочий край с ретушью, заходящей на боковые края отщепа, к неолитическим скребкам Подесняня.¹

Другую значительную оригинальную группу орудий образуют нуклевидные скребла (22 экз.). Они изготовлены из сработанных нуклеусов путем оживления основания нуклеуса специальным сколом и подправки края основания его скребковой ретушью. Спинка скребел не обрабатывалась и сохраняла участки неснятой корки и ограничение нуклеуса. Размеры орудий колеблются в пределах 3—9 см в длину и 2,5—7 см в ширину, причем большинство орудий имеет длину 5—6 см и ширину 4—5 см. Орудия — массивные и высокие. Наибольшие имеют высоту 4,5—5 см, наименьшие 1,5—2 см, а большая часть орудий 3—3,5 см. Рабочий край очень крутой, правильный, слегка дугообразный; обработан он на длину обычно лишь в 3—4 см и имеет на брюшке потертость, характерную для скребущих орудий. Четыре орудия имеют по два рабочих конца, причем у трех (самые большие скребла) обработаны противоположащие концы, а у четвертого рабочие края расположены под прямым углом.

Такие нуклевидные скребла найдены так же на деснинской стоянке Покровщина (около 20 экз.). Среди свидерского материала известно лишь два нуклевидных скребла из Свидре Вилке I,² а в крымском мезолите их нет. Таким образом, эти орудия характерны только для деснинского мезолита. Они являются развитием орудий типа рабо, хорошо известных в деснинском мадлене (Чулатово II — Рабочий ров) и прототипами макролитических форм скребущих орудий для обработки твердых материалов. Возможно и использование скребел Песочного рва как рубящих орудий. Об этом говорит клиновидность рабочих концов двух больших орудий и фасетки сработанности, получившейся при вертикальных ударах на их концах. Таким образом, эти орудия являются прототипом и раннеолитических топоров (рис. 9—7—10).

Большую своеобразную группу орудий образуют микролиты и изделия из сечений пластинок (26 экз.). Из них прежде всего выделяется группа (11 экз.) подтреугольных орудий, изготовленных путем разламывания поперек ножевидных пластинок. Края этих обломков покрыты крутой, большей частью вертикальной притупляющей ретушью, а спинки и рабочее лезвие оставлены без обработки. Эта типично мезолитическая техника изготовления мелких орудий из сечений пластинок наиболее характерна для микролитических культур южной Европы, но распространена и на севере в мезолите и раннем неолите Прибалтики, а также на западе в культуре кампиньи. В культуре кьеккенмеддингов Прибалтики таким способом изготовлялись не только мелкие поделки, но довольно крупные орудия — топоры и резаки-транше.

Орудия описанного типа найдены под Киевом, в Белоруссии, Литве, Польше и характерны именно для позднего мезолита.³ В Крыму и в степной Украине их нет. Повидимому, это наконечники стрел с поперечными лезвиями. Размеры орудий невелики: длина 1,5—2,5 см, ширина по лезвию 2—2,5 см. Только одно орудие, изготовленное из удлиненного отщепа, имеет длину 3,5 см, при ширине 1,7 см; края его ретушированы только на 2 см и имеют две симметричные выемки (КС, XX, рис. 23—5). Остальные

¹ М. В. Воеводский. Памятники каменного века на Десне, КСИИМК, вып. XXVI, 1949, рис. 6, 4.

² L. Sawicki. Przemysł swiderski i stanowiska Wydmowega swiedry Wielkie I. Przegląd Archeologiczny, т. V, вып. I. Poznań, 1935, табл. V, рис. 3—6.

³ W. Antoniewicz Archeologia Polski Warszawa (6. r) рис. 9, 43—48. O. Menghin Weltgeschichte der Steinzeit Wien 1931, т. XXV, 2, 4, 5

орудия сходны — прямые края ретушированы на всю длину, боевой конец не обработан и часто слегка скошен. Тонкий тыльный конец оставлен острым для вставления в древко. У двух наконечников ретушью обработан один край, а другой, правильный, оставлен без обработки (рис. 9 — 1 — 3 и КС, XX, рис. 23 — 6—8).

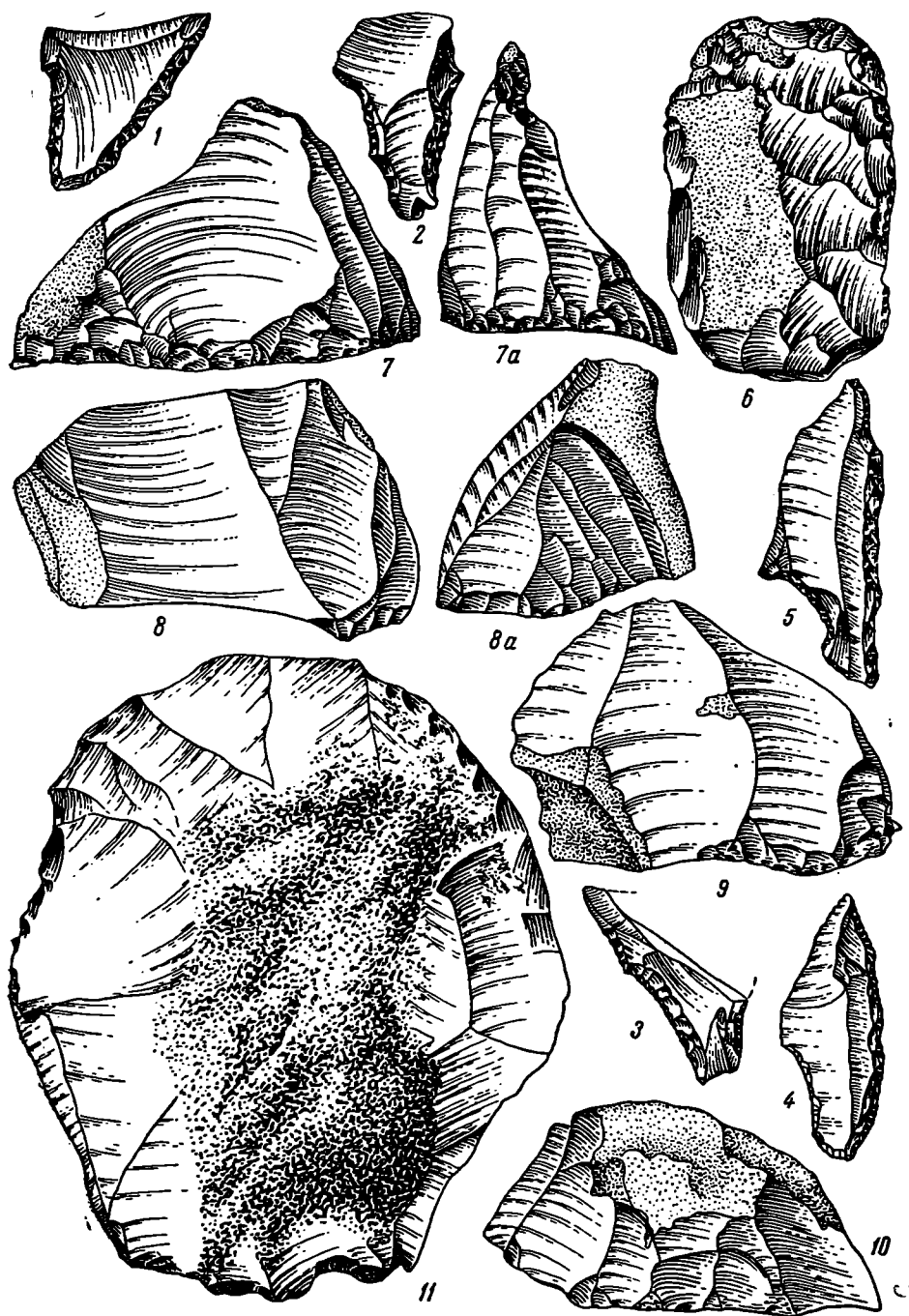

Рис. 9. Кремневый инвентарь стоянки Песочный ров ($2/3$ н. в.)

Другая группа наконечников также сделана на сечениях пластинок (4 экз.). Это — подтреугольные, черешковые асимметричные наконечники с боковой выемкой; длина их 2,2—3,5 см, наибольшая ширина 1,5—2,0 см; длина черешка 1,0—1,5 см. Притупляющая крутая ретушь покрывает только прямой боковой край наконечника и выемку, а косой выступающий край не обработан. Прямым краем является всегда более массив-

ный край пластинки, а выемка на более тонком. В зависимости от этого три наконечника имеют выемку на левой стороне и один — на правой. Тыльный конец — более или менее тупой, округлый (рис. 9—4,5). Наконечники стрел этого типа не известны в других мезолитических стоянках. В степном мезолите асимметричных стрел нет. Отдельные же асимметричные наконечники свидаерских памятников отличаются от деснинских и тем, что они сделаны на менее массивных, более узких и длинных пластинках, и тем, что у них ретуширован только черешок наконечника, но не одна из сторон пера, как у наших наконечников.¹

К тому же типу приближаются еще два наконечника, у которых черешок выделяют две выемки, хотя она на правой стороне менее выражена и идет под другим углом, чем на левой. Ретушированы только края черешка, а перо оставлено без обработки (КС, XX, рис. 23—3). Эти наконечники ближе других к стрелам свидаерских стоянок.

Следующая серия микролитов представлена четырьмя обломками и двумя целыми орудиями, 3,5—4,0 см длины и 1,2—1,7 см ширины. Это — пластинки с одним массивным краем, покрытым притупляющей ретушью. Более тонкий край на четырех орудиях не обработан, а на одном целом ретуширован на 2 см, ближе к его острому концу. Это орудие было, вероятно, режущим острием, массивная спинка которого была специально притуплена для упора пальцев, а острый конец усилен ретушью (рис. 8—13). На втором целом орудии этой ретуши нет, так как конец его еще остр и только начал срабатываться (АП, табл. I, рис. 19). Три обломка относятся к тыльным концам орудий. Следующую серию микролитов составляют четыре пластинки, длиной 2,0—3,5 см, шириной 1,5—2,0 см, с одним концом, прямо срезанным притупляющей ретушью (АП, табл. I, рис. 17); форма целых пластинок слишком неправильна, чтобы можно было видеть в них вкладыши.

От микролитических остриев с притупленной спинкой отличаются косяе острия (8 экз.), изготовленные на более массивных пластинках и отщепках (длина 3,0—4,5 см, ширина 2,5—3,2 см). За исключением одного экземпляра, они не имеют ретуши по боковому краю. Только косой конец, обломанный под углом 45°, обработан крутой, часто вертикальной притупляющей ретушью. Эти острия сходны со свидаерскими,² напоминающими заготовки для резцов, но возможно также их применение при резке мягких материалов (рис. 8—12 и АП, табл. I, рис. 18, 20).

Последними двумя крупными группами орудий являются скобели и резцы. Скобели изготовлены на отщепах (13 экз.) и обломках (2 экз.); размеры их 2,0—5,5 см в длину и 2—5 см в ширину, причем большая часть имеет размеры примерно 3×4 см. Отщепы — массивные, неправильной формы, часто с участками неснятой корки на спинке, имеют обработку только по выемке, обычно недлинной (1,5—3,0 см) и неглубокой (0,3—0,7 см). Ретушь в трех случаях нанесена со стороны брюшка. Обычно использовался имевшийся уже вогнутый край отщепа, подправлявшийся ретушью, реже выемка специально достигалась обработкой (рис. 8—14, 15). Тот же характер имеют скобели на обломках, отличающиеся большей массивностью. Выделяются из группы только два подтреугольных скобеля на отщепах, из которых у одного обработаны три края, у другого — два. У обоих две выемки — одна очень слабая, другая более глубокая (АП, табл. I, рис. 21, 22).

¹ См. например, Sawicki, Указ. соч., рис. X—XII; R. Jablonokyte. Mezolitne stoykia puvocikase. Kaunas, 1941, табл. I, рис. 12; II, рис. 7.

² М. В. Воеводский и П. И. Борисковский. Стоянка Елин бор. СА, 1937, № 3, рис. 7.

Все резцы (13 экз.) принадлежат к типу угловых однофасеточных. Четыре сделаны на обломках, шесть — на отщепах и три — на неправильных широких пластинах; длина резцов 3,0 — 6,0 см, ширина 2,0 — 3,5 см; длина резцового скола 1,5—3,5 см. Четыре резца сделаны на заготовках с притупляющей ретушью, нанесенной по краю под углом к направлению резцового скола. Остальные резцы не имеют никакой другой обработки; на многих сохранились участки неснятой корки (КС, XX, рис. 23—14, 15). Резцы, изготовленные на углу сломанной пластинки, отсутствуют. Резцы на обломках напоминают резцы неолитических стоянок Десны.¹

Двумя экземплярами представлены клиновидные орудия подтреугольных очертаний, длиной 3,5 и 4,5 см и шириной по лезвию 2,5 и 4,0 см. От довольно массивного обушка (толщина 2,5 см) они резко утончаются к прямому сильно сработанному рабочему концу. На щеках орудий сохранилась корка. Найдена проколка длиной 5,0 см, шириной 1,7 см; сделана она на отщепе с коркой на спинке; ретушь образует легкую выемку по одному краю и заостряет только самый конец другого.

Девять орудий являлись, повидимому, ножами. Это — отщепы и пластины с краевой ретушью. Отщепы (7 экз.) довольно массивны и имеют участки неснятой корки; длина их 3,0 — 6,5 см, ширина 2,5 — 5,0 см. Две пластины, длиной 7—8 см и шириной 2 см, также массивны (толщина 1,5 см) и сохраняют корку на спинке. Обработан только один прямой край пластин и отщепов; ретушь крутая с крупными фасетками.

Очень интересна находка пяти орудий неолитического типа (КС, XX, рис. 23—1, 2, 9). Выделяется обломок наконечника дротика (длиной 5,7 см, шириной 4 см) простой листовидной формы, с наиболее широкой частью в середине и с овальным сечением. Обработка орудия двусторонняя, но очень грубая, не покрывающая всей поверхности, сохранившей значительные неровности. Так же обработан обломок стрелы (длиной 5 см, шириной 2 см), слегка суживающийся к слабо закругленному основанию. Поверхность орудия неровная, частично не затронутая обработкой, край неправильный. Повидимому, таким же был и наконечник, от которого сохранился обломок со следами пребывания в огне. Ближайшие аналогии этим наконечникам находятся в ранненеолитических стоянках Северной Польши и Волго-Окского междуречья (Льялово,² Малое Окулово³). Интересен кремневый топорик (3,7×4,2 см) с клиновидным сечением; он обработан крупными грубыми сколами, не выровнившими всю поверхность орудия, а кое-где даже не тронувшими корку. Такого рода нешлифованные топорики известны в архаических комплексах каменных орудий Прибалтики.

Пятое орудие — подчетыреугольный клинышек длиной 5 см, шириной 3,5 см со стороны спинки по характеру обработки напоминает нуклеидный скребок, но его брюшко имеет характерную подтесанность, покрывшую его плоскими длинными фасетками, только с одного края оставившими корку нетронутой (рис. 9—6).

Орудия с такого рода подтеской известны из неолитических стоянок Десны (Мыс Очкинский).

Находка этих орудий придает Песочному рву особый интерес, как одному из немногих, бесспорно переходных к неолиту, мезолитических комплексов.

¹ М. В. Воеводский. Памятники каменного века на Десне, рис. 6, 8.

² Труды антропологического института МГУ, т. I, 1926, рис. 4.

³ Ф. Я. Селезнев. Приокские древнейшие поселения. Владимир, 1928, табл. 4, рис. 5; М. В. Воеводский и А. В. Збруева. Малоокуловская стоянка, КСИИМК, вып. XXXI, 1950, рис. 41.

Из обломков и отщепов со следами обработки и употребления (более 30 экз.) большинство выполняло режущие и скребущие функции. Выделяются только два дисковидных предмета. Один, с овальными очертаниями (длина 9,5 см, ширина 8 см), представляет собой плитку кремня, заостренную по краю с обеих сторон грубой оббивкой, не затронувшей корку в центральной части (рис. 9—11). Второй диск (диаметром 9,0 см) кварцевый, несколько более массивный (наибольшая толщина 3 см). У него оббито с обеих сторон примерно две трети окружности диска, а оставшийся участок в наиболее толстой части отбит, причем плоскость откола перпендикулярна плоскости диска. Повидимому, этот край не был в работе, а захватывался рукой, лежавшей на неснятых участках корки, тогда как противоположным концом наносились рубящие удары, оставившие выбоины и вмятины по краю. Рубящие дисковидные орудия, гораздо тщательнее изготовленные, известны в позднем палеолите (Костенки I, Боршево II, Владимировка). Описанные диски или являются заготовками для этих орудий, или были сделаны наскоро для краткого употребления, а далее не использовались и не подправлялись.

При рассмотрении полуфабрикатов бросается в глаза малое количество ножевидных пластин и полное отсутствие правильных тонких пластинок, столь частых в свидерских и крымских стоянках. Пластины Песочного рва не имеют правильного края, массивны и часто сохраняют участки корки на спинке; размеры их обычно 6,0—8,0 см в длину, 2,0—2,5 см в ширину, 0,4—0,8 см в толщину. По сравнению с пластинами количественно преобладают отщепы-заготовки 4—6 см в длину, 3—5 см в ширину. Среди многочисленных нуклеусов стоянки отсутствуют правильно ограниченные конические нуклеусы. Нуклеусы Песочного рва — крупные, массивные (в среднем 7—8 см длины, 5—6 см ширины, 4—5 см толщины), подготовленные главным образом из желваков, — служили для отделения отщепов-заготовок. Они имеют обычно одну или две площадки, расположенные под прямым углом, и неправильную поверхность, ограниченную широкими негативами сколов.

В небольшом количестве встречены плитчатые нуклеусы, сохраняющие большие участки корки на обеих сторонах плитки. Много найдено обломков нуклеусов, боковых сколов с них, сколов с основания нуклеусов и ребристых пластинок, составляющих типичный комплекс стоянки-мастерской.

К этому комплексу относятся также шесть отбойников и двенадцать ретушеров, имеющих характерную сработанность. Из отбойников только два сделаны из черного кремня, типичного для стоянки; два отбойника сделаны из серого кремня, один — из окремнелого кварца, а шестой — из изверженной породы. Два отбойника дисковидные, диаметром 8,0—9,0 см, толщиной 2,5—3,0 см; четыре — приближаются по форме к шару, диаметром 3,0—5,0 см. Ретушеры представляют собой отщепы обычных размеров, с замятым со стороны бьюшка рабочим краем.

В целом, перед нами очень оригинальный мезолитический комплекс, отличный от комплексов других мезолитических стоянок. Отщеп, а не ножевидная пластина является здесь основным полуфабрикатом. В связи с этим на отщепах вырабатываются характерные типы скребков, скобелей, резцов и других орудий; совсем отсутствуют конические нуклеусы. Из пластин делались только очень своеобразные наконечники стрел с поперечным лезвием и асимметричные с боковой выемкой, а также острия; причем пластины не столь правильны, как пластины других мезолитических памятников. Продолжали иметь широкое распространение грубые крупные нуклеидные скребла и дисковидные орудия, развивающие палеолитические формы. Подобные скребла найдены в Покровщине, где переживают и другие палеолитические орудия. Это, так же как и топография стоянки, позво-

ляет считать Покровщину представительницей ранней стадии деснинского мезолита, в то время как Песочный ров представляет позднюю стадию. Об этом говорит стратиграфия стоянки, наличие в ней микролитов и, прежде всего, орудий неолитических типов.

К этой группе стоянок надо отнести еще Смячку XIV под Новгород-Северским, в инвентаре которой наряду с палеолитическими типами орудий есть и характерные скребки, резцы и стрелы,¹ а также стоянки Комягино и Грини под Трубчевском, давшие нуклевидные рубящие орудия.² Среди материалов из разведок Д. Я. Самоквасова по Десне есть также орудия описанных типов: наконечники стрел асимметричные и с поперечным лезвием, острия с притупленной спинкой и др.³ Уточнить границы распространения стоянок с инвентарем описанного типа — задача дальнейших исследований, но во всяком случае территория эта не будет велика, ибо к северу и западу от нее известны свидерские стоянки, а на юге близко подходят микролитические степные стоянки.

Своеобразие деснинского мезолита нельзя объяснить своеобразием природной обстановки, так как свидерские стоянки расположены в таких же естественногеографических условиях. Очевидно, дело в определенной традиции производства кремневого инвентаря, сложившейся у разных групп населения.

Территория деснинского мезолита примерно равна территории неолитических культур, выделенных для севера Восточной Европы⁴ (ср. территорию карельской и каргопольской культур). Это, так же как и глубокое своеобразие стоянок мезолита Десны, говорит о правомочности применения термина «культура» для выделяемой области. Для неолита под «культурой» мы понимаем материальную культуру племени, занимавшего определенную территорию. Можно ли говорить о племени для мезолита? Наличие племенной организации у бушменов и огнеземельцев, стоявших, по свидетельству наших этнографов,⁵ на стадии мезолита, говорит об этой возможности. Можно также применять термин «культура» для выделенного нами района крымского мезолита.

С меньшим правом можно объединить в одну культуру свидерские стоянки, ибо территория ее оказалась бы слишком обширной. В то же время большая близость между собой этих стоянок несомненна, и она отражает какую-то историческую общность населения определенной территории. Повидимому, перед нами территория родственных племен, которую мы можем обозначить термином «культурная область». Этот термин применим и для неолита, и для бронзового века. Не требует доказательств близость всех культур севера Восточной Европы и отличие их от культур бассейна Оки, также близких между собой. Выделяется также район неолитических стоянок Десны и Пусожья, отличный по материалам от памятников окских культур.⁶ Очевидно, можно говорить об окской, северо-восточной и среднеднепровской культурных областях на территории Восточной Европы,

¹ М. Рудинський. До питання про культури мезолітичної доби на Україні. Антропологія, т. I. Київ, 1927.

² В. П. Левенок. Неолит верхнего участка Средней Десны. КСИИМК, вып. XXIII М., 1949, рис. 27.

³ П. П. Ефименко. Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в русских стоянках раннеолитического возраста. Русский антропологический журнал, т. XIII, вып. 3—4, 1924, рис. 132—143.

⁴ М. Е. Фосс. Неолитические культуры севера Восточной Европы. СА, 1948, № 9; О. Н. Бадер. и М. В. Воеводский. Стоянки Балахнинской низины ИГАИМК, вып. 106, 1935.

⁵ С. П. Толстов. К вопросу о периодизации истории первобытного общества. СЭ, 1946, № 1, стр. 29.

⁶ М. В. Воеводский. Памятники каменного века на Десне. КСИИМК, вып. XXVI, М.—Л., 1949 г.

объединяющих культуры родственных племен. На юге особыми культурными областями следует назвать Триполье и область ямных погребений. Выделить в трипольской и ямной культурных областях подлинные культуры отдельных племен — очередная задача археологов. Подобным образом по накоплению материалов выделяются культуры и из свидерской области.

Помимо «культур», «культурных областей», выделяют еще и очень широкие области, объединяемые некоторыми общими признаками. Например, «культура крашеной керамики» или «ямочно-гребенчатой керамики». Не приходится говорить о родственности племен внутри этих объединений (укажем хотя бы крашеную керамику — в Средиземноморье и в Мексике). Очевидно, эти объединения отражают тот факт, что в одинаковых природных условиях, при одинаковых формах хозяйства (например, мотыжное земледелие) человечество вырабатывает близкие формы материальной культуры.

Области человеческой культуры, соответствующие одинаковому хозяйству в одной географической зоне, мы предлагаем вслед за этнографами называть «культурными зонами» («культурная зона крашеной керамики» и т. д.). Культурные зоны выделились раньше, чем культурные области и культуры, еще в верхнем палеолите, когда уже далеко шагнувшее вперед по пути развития техники человечество смогло в разных областях по-разному использовать природные условия, по-разному применяя к ним свою технику. Так, в верхнем палеолите мы можем выделить европейскую (приледниковую), средиземноморскую (капсийскую) и сибирскую культурные зоны.

Подводя итоги истории возникновения локальных вариантов в материальной культуре, можно сказать следующее. В раннем палеолите (шелльмустье) материальная культура человечества имела мало различий. Для всех областей можно говорить о шелльской стадии, мустьерской стадии. В позднем палеолите человек полнее использует природные условия, и техника более гибко применяется им в разных местах по-разному. Возникают локальные варианты материальной культуры — культурные зоны, соответствующие большей частью географическим зонам. Культурные зоны выделяются и в дальнейшем: микролитическая зона в эпоху бронзы, зона крашеной керамики, зона ямочно-гребенчатой керамики. В мезолите человек еще полнее осваивает природные зоны, переходя от загонной охоты на крупных животных к охоте мелкими группами охотников. Варианты материальной культуры становятся более многочисленными и локальными, отражая определенные традиции техники, сложившиеся у данного племени или группы племен в связи со средой, окружавшей это племя. Возникают культуры (деснинская мезолитическая, шан-кобинская) и культурные области (свидерская культурная область). В неолите и бронзовом веке мы также прослеживаем культуры (каргопольская, балахнинская и т. д.) и культурные области (окская, трипольская и т. д.).

Взаимоотношения предлагаемых терминов иллюстрируем таким примером: балахнинская культура (племя, живущее в Балахнинской низине) входит в состав окской культурной области (группа родственных племен, населявших бассейн Оки), которая является частью культурной зоны ямочно-гребенчатой керамики (Северного лесного района, населенного различными охотничье-рыболовецкими племенами)¹.

Взаимоотношения культур и культурных областей мезолита и неолита очень сложны и требуют специального исследования. Во всяком случае,

¹ Высказанные авторами соображения о культурной зоне, культурной области и культуре не являются достаточно разработанными и должны быть подвергнуты всестороннему обсуждению. — *Ред.*

традиция в технике у племени или группы племен, которая позволяет выделить культуры и культурные области, живет долго. Мы уже намечали связи в типах орудий деснинской мезолитической культуры с неолитическими стоянками бассейна Десны. В неолите здесь также нет орудий на пластинках. Все орудия изготавливаются на отщепах, и среди них мы видим близкие к типам Песочного рва скребки, резцы, клинышки с подтеской на брюшке и, что особенно интересно, даже грубые скребущие орудия (Мыс Очкинский, стоянки на Тускари). Значит, определенные технические приемы и типы орудий, выработанные в мезолите, продолжали бытовать и в неолите той же территории. Это прослеживается не только на Десне, но и в степной части левобережной Украины, где в стоянках неолитической и раннебронзовой эпох распространены те же геометрические орудия, концевые скребки на пластинках, резцы на углу сломанной пластинки и т. д., которые типичны для мезолитических стоянок той же территории. На Оке в неолитической стоянке Жабынь также продолжает бытовать техника свидерского типа на ножевидных пластинах.¹

Таким образом, традиция в кремневой технике так же сильна, как традиция в изготовлении керамики определенным техническим приемом.² Это позволит выделить особые культурные провинции, в которых в ряде эпох были распространены одни и те же приемы техники изготовления орудий и посуды. Выделив такие провинции, мы получим важный материал для этногенетических исследований.

¹ На это указал А. Я. Брюсов («Белевская неолитическая культура». КСИИМК, вып. XVI, 1947), но он не прав, пытаясь датировать неолитом свидерские стоянки Гремячее и Елин бор. Он говорит, что на территории стоянок найдены отдельные поздненеолитические орудия, но на дюнных стоянках обычна смешанность материала. В Гремячем есть и дьяковская керамика, в Елином бору керамика типа муромских могильников. Нельзя же поэтому считать, что кремневые орудия относятся к дьяковской эпохе. Орудия этих стоянок во многом отличаются от неолитических орудий и совершенно аналогичны орудиям других свидерских стоянок (Соболево, Скнятино, Борки), датировку которых А. Я. Брюсов и не пытается заподозрить. Таким образом, правильный вывод о переживании свидерской техники в неолите нельзя подменять пере-датировкой свидерских стоянок.

² М. В. Воеводский. К истории гончарной техники народов СССР. Этнография, т. IV, 1930.

II. МЕТОДИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ АНТИЧНОГО ГОРОДИЩА

*(Доклад, прочитанный в Комитете полевых исследований
ИИМК АН СССР 18 апреля 1950 г.)*

Настоящая статья является дополнением к недавно напечатанной нами работе: «Приемы раскопок античных городов». ¹ Касаясь различных разделов полевой работы, мы не уделили там достаточного внимания культурному слою и связанным с ним вопросам. Здесь мы попытаемся восполнить этот пробел.

Как показывают отчеты о раскопках, исследование культурного слоя в античном многослойном городище обычно рассматривается археологами как техническая задача.

Археолог расчленяет многослойную насыпь на слои. Главнейшей задачей исследователя, по большей части, является установление дат различных напластований. Значительно меньше внимания уделяется характеру самих напластований. Не случайно и то, что самое понятие культурного слоя у нас еще не получило должного определения.

Составляя отчет, исследователь обычно ограничивается пассивным описанием слоя античного городища. Положив в основу изложения остатки построек, он кратко описывает лежащий на уровне последних грунтовой слой и иной раз подробно перечисляет обнаруженные в нем вещевые находки. Внимание к откопанным в слоях предметам обусловлено иногда интересом к находкам, имеющим коллекционное значение. Кроме того, как мы отмечали выше, исследователь обычно стремится датировать по находкам грунтовой пласт, видя в этом средство установить дату лежащих на том же уровне построек. Значительно реже вещевые находки привлекаются для уточнения назначения и характера сооружения; последнее имеет место главным образом при описании хорошо сохранившихся построек.

В основном же в монументальных публикациях, посвященных раскопкам античных городов, архитектурные сооружения того или иного слоя и различные группы вещевых находок часто рассматриваются вне связи их друг с другом. В больших многотомных изданиях им нередко посвящены различные выпуски, в меньших — различные главы или статьи. Примечательно при этом, что часто эти разделы принадлежат перу различных авторов и представляют собой совершенно самостоятельные монографии. Излагается материал по следующим разделам: архитектура, скульптура,

¹ Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, вып. 7, 1948, стр. 62—81.

керамика, металлические изделия и т. п. Таким образом, в основе деления мы видим классификацию инвентарных описей, а не этапы исторического процесса. Не приходится доказывать, что такая система изложения может дать только материалы для исторического исследования городища, а не самое исследование древнего города.

Мы уже бегло говорили о том, что понятие культурного слоя античного городища — один из наименее разработанных вопросов нашей теории полевого дела. Далеко недостаточно разработаны вопросы и о приемах исследования культурного слоя: принципы датировки периодов возникновения, бытования и гибели архитектурных сооружений, а также и определения времени возникновения и природы напластований и, наконец, соотношения между постройками и одновременными культурными слоями.

Обычное определение культурного слоя городища сводится, примерно, к следующему: слой состоит из остатков архитектурных сооружений и одновременных с ними отложений земли, заключающих различные находки. Подобное определение нечетко и недостаточно.

Весьма показателен ответ на очень простой вопрос — когда отлагается слой над уровнем дневной поверхности, отвечающей данному зданию (т. е. выше его фундамента), во время бытования здания или после его гибели? Обычно, если судить по отчетам, исследователи предполагают первое; между тем правильнее думать о втором, т. е. считать этот слой возникшим после гибели здания.

Для выяснения природы культурного слоя совершенно необходимо четко и обстоятельно установить характер и соотношение двух основных частей слоя: строительных остатков и насыпи.

Говоря о строительных остатках, нужно различать: 1) время возникновения построек, 2) время их бытования и 3) время их разрушения. Говоря о насыпи, необходимо установить дневную поверхность, предшествующую возникновению постройки. Далее нужно различать слои: 1) отложившийся при постройке, 2) во время ее бытования и 3) при разрушении ее.

Сказанное нами может быть иллюстрировано следующей таблицей.

Отрезки времени	Строительные остатки	Насыпь
I	Возникновение постройки Бытование постройки Разрушение постройки	Дневная поверхность насыпи, предшествующая возникновению постройки
II		Слой, отложившийся при возникновении постройки
III		Слой, отложившийся при бытовании постройки
IV		Слой, отложившийся при разрушении постройки ¹

¹ Обычно на дневной поверхности насыпи этого слоя возникают постройки следующего напластования.

Таким образом, более подробное рассмотрение состава культурного слоя показывает, что мы имеем дело не с двумя частями, а по меньшей мере с несколькими компонентами, каждый из которых нуждается в выяснении.

Руководствуясь намеченными нами данными по истории построек и относящихся к ним насыпей, мы можем предложить следующую графическую схему, которая даст большую наглядность нашим положениям:

I	II	III	IV
Дневная поверхность насыпи, предшествующая возникновению постройки	Постройка и слой, отложившийся при ее сооружении	Слой, отложившийся (?) при бытовании постройки	Разрушение постройки и слой, возникший при этом разрушении

Предложенная схема ясно показывает очень важное, но часто недостаточно четко осознаваемое положение: преимущественно мы имеем дело со слоями, образовавшимися при сооружении и особенно при гибели здания, а не со слоями, возникшими при его жизни.

Следует отметить, что в условиях античного городища время разрушения здания предшествующего слоя обычно довольно близко времени сооружения стоящего над ним здания последующего слоя.

В напластованиях античных городищ преобладают не постепенные отложения, а подсыпки и особенно сбросы и насыпи. Исключениями являются только мусорные свалки, возникшие в черте города, а иногда — засыпки ям. Отсюда следует, что обычный античный городской слой, как

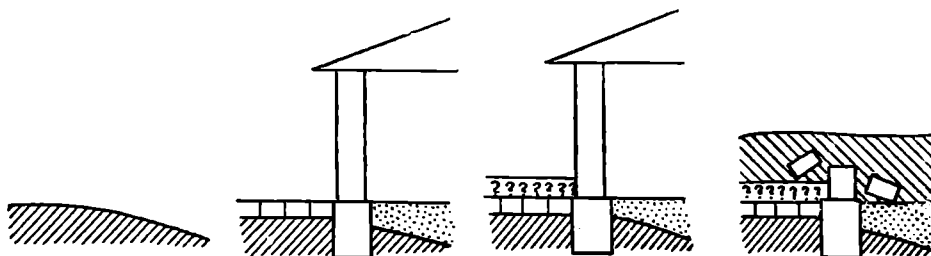

Рис. 10. Схема напластования культурного слоя античного городища

правило, не является результатом постепенного отложения в течение длительного времени; напротив, это результат одного или нескольких значительных одновременных сбросов. Таким образом, возникновение культурных напластований античных городищ должно рассматривать не как длительный постепенный процесс, а как ряд скачков. Процесс же постепенного отложения занимает довольно скромное место.

Из сказанного следует, что принятую технику вскрытия слоя нельзя еще считать окончательно разработанной. Ведь далеко не всегда различается дневная поверхность того или иного периода, особенно если эта поверхность не представляет собой полов, мостовых и т. п. с подстилающими трамбовками и подсыпками. Существенную помощь в этом может оказать точный учет всего содержимого насыпи и, в частности, состояния обнаруженных там находок: размеров обломков, характера краев черепков (острые или окатанные). Весьма важны также наблюдения над строительными остатками. Дневную поверхность можно определить по подошве стены в тех случаях, когда здание сооружалось без фундамента или же по верхнему горизонту фундамента.

Последний из затронутых нами вопросов важен и для определения самих строительных остатков. Обычный «формальный» термин «кладка» необходимо по возможности изъять; нужно более конкретное определение, а именно: фундамент, стена или стена на фундаменте.

Несколько лучше обстоит дело с субструкциями, подсыпками, трамбов-

ками и различными подстилами, возникающими при сооружении стен построек или полов. Подобные подстилы получают надлежащее истолкование и соответственно освещаются в археологических отчетах. Подробный анализ содержимого субструкций (особенно черепяных), а также насыпей, поддерживаемых подпорными стенами, очень важен, ибо позднейшие из заключающихся там находок дают *terminus post quae* времени возникновения связанных с ними построек.

Сравнительно благополучно обстоит и с вопросом о бытовании здания. Принадлежность постройки к определенному слою и изучение имеющихся в пределах слоя строительных периодов позволяет наметить основные вехи истории здания.

Значительно хуже обстоит дело с выявлением культурных отложений, одновременных бытованию данной постройки. Вполне надежным критерием в данном случае может быть лишь наличие пристроек, которые относятся ко второму или третьему строительному периоду и подошва которых лежит явно выше надежно установленной дневной поверхности времени первого строительного периода. Тогда с полной уверенностью может быть выделен соответствующий пласт насыпи. Подобный случай наблюдался при раскопках Пантикапея в 1947 г. (на Боспорском раскопе); подошва обнаруженной там подпорной стены находилась на значительно более низком уровне, чем у подпиравшего эту стену контрфорса.

Переходим, наконец, к вопросу о гибели постройки и одновременных ей или близких по времени насыпей и отложениях. Мы уже говорили о том, что бытование зданий по большей части не сопровождалось откладыванием одновременных культурных напластований. В силу этого нужно думать, что слой, возникающий над дневной поверхностью времени окончания строительства здания, обычно в основном относится не к эпохе бытования здания, а к периоду его гибели. Иллюстрацией этого положения является прилагаемая графическая схема (рис. 10, IV).

На основании сказанного мы приходим к неизбежному выводу, что слой, лежащий на уровне стен здания (т. е. над дневной поверхностью, отвечающей верхнему горизонту фундамента), чаще всего дает дату не бытования, а гибели здания, или, точнее, она определяет *terminus post quae* было разрушено данное сооружение. Этот вывод весьма существен, ибо обычно в археологической практике принято датировать архитектурные остатки по находкам, обнаруженным на том же уровне.

Отмеченные нами недостатки относятся не только к теоретическим предпосылкам полевого дела, но и в полной мере к практической стороне его. Именно при обычной системе раскапывания, особенно при осмыслении культурных слоев, не учитывается «природа» последних. В отчетах по большей части нет указаний, является ли слой результатом о т л о ж е н и я (т. е. медленного постепенного процесса наноса пыли, многочисленных сбросов небольших количеств мусора, кухонных остатков), выкидывания различных отходов или дома, или же он возник при одновременном с б р о с е большого количества земли, заключающей культурные остатки; последнее могло произойти при засыпке развалин, насыпании террас и пр.

В силу этого представляется весьма важным указать условия возникновения и природу того или иного пласта. Обычно в отчетах мы находим только формальное определение — «слой». Природа же этого «слоя» очень редко бывает раскрыта. Между тем настоятельно необходимо, по возможности, это делать всегда. Тогда будут не только выверены и уточнены датировки открытых построек, но и раскрыта во всей полноте микроистория раскопанных площадей.

Все изложенное приводит нас к выводу, что обычные археологические отчеты не лишены элементов формализма, что сказывается и в определе-

нии строительных остатков (термин «кладка»¹) и земляных пластов (термин «культурный слой»).

Сказанным, однако, не исчерпываются все задачи изучения культурного слоя. Дело в том, что до сего времени надлежащим образом не поставлен вопрос об исследовании слоев, потерпевших повреждения в последующее, близкое или более отдаленное время. Между тем этот вопрос весьма важный. Напомню хотя бы, что значительное число эллинистических клейменных ручек амфор, найденных в Пантикапее и Фанагории, было обнаружено в слоях первых веков нашей эры. В силу этого, исследуя тот или иной слой, необходимо, помимо материалов, полноценных в стратиграфическом отношении (т. е. из таких пластов, где вещи и слой одновременны), учитывать также предметы той же эпохи, обнаруженные в позднейших напластованиях.

Завершая нашу небольшую статью, отметим, что задачей ее было не только показать необходимость устранения некоторых нечеткостей и элементов формализма в полевой практике, чтобы глубже подойти к изучению истории исследуемого участка. Весьма существенным представляется нам еще и то, что обычная трактовка культурного слоя низводит работу над ним до уровня технической задачи; такую постановку вопроса следует считать крайне односторонней и явно недостаточной. Ведь чередование слоев дает историю города, а каждый из слоев² является одним из этапов истории данного города. В силу этого комплексное исследование всего содержимого слоя — строительных остатков, находок в одновременном им пласте, а равно и одновременных предметов, перемещенных в позднейшие напластования, — может быть важнейшим историческим источником для изучения данной эпохи.

Сопоставление и детальное изучение всего этого материала даст во всех подробностях картину прошлого города в изучаемый период. Оно раскрывает:

1) экономическую историю — местное производство, ремесла и промыслы, сельское хозяйство, а также ввоз, т. е. торговые связи, и денежное обращение;

2) социальный и, в известной мере, этнический характер района: акрополь с общественными зданиями, богатые и бедные жилые кварталы, производственные районы города;

3) связанный с предыдущим вопросом характер быта, выяснению которого способствуют обнаруженные предметы обихода;

4) культуру, искусство и религиозные представления.

Если в основу наших археологических публикаций будет положена не группировка их по принципам инвентарных описей («по материалам»), а распределение по слоям, с полной характеристикой этих слоев и надлежащими выводами, то этим будет сделан большой шаг на пути превращения археологического отчета в историческое исследование.³

¹ Помимо термина «кладка», широко применяется и термин «вымостка». Здесь также необходимо стремиться к выяснению назначения и природы данных строительных остатков — мостовая улицы, внутреннего двора и т. п. Должно, однако, отметить, что при плохой сохранности установление назначения вымосток иногда вызывает довольно большие затруднения.

² На практике, разумеется, мы имеем дело с чередованием слоев не всего города, а на отдельных раскопах, которые рисуют историю различных районов города. Сумма этих данных, а равно и материалы некрополя и ближайших окрестностей дают представление об истории города в целом.

³ Большинство советских археологов давно уже осуществляет при составлении научных отчетов о раскопках методику изучения находок по слоям в том плане, как это предлагает делать автор. *Ред.*

Е. И. ГОРЮНОВА

К ВОПРОСУ ОБ «ОСТЕОЛОГИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКЕ»

Советская археология, стремясь к конкретному и всестороннему изображению социально-экономической жизни древнейших исторических эпох, включила в круг своих источников один из наиболее массовых материалов, добываемых при раскопках,— костные остатки диких и домашних животных. Значение этого материала трудно переоценить, его определение и статистическая обработка открывают возможность осветить важнейшие стороны хозяйственной жизни древнего поселения, установить значение охоты, рыболовства, скотоводства, характер охотничьей добычи, состав стада, численность и породность его скота, приемы и методы охотничьего промысла и т. п.

Цифровые показатели остеологической статистики, как принято думать, отражают реальное численное соотношение костей домашних и диких охотничьих животных. Выводы этой статистики часто кладутся в основу ответственных исторических характеристик, во многом определяя и периодизацию древней истории СССР. Такие заключения мы можем встретить почти в каждом археологическом отчете, но мы ограничимся немногими примерами, взятыми по преимуществу из обобщающих трудов. Так, например, А. В. Арциховский пишет: «Самыми обильными находками на дьяковских городищах являются кости животных. При этом по остеологической статистике свыше 80 % этих костей неизменно принадлежит домашним породам». На этом основании автор делает далее вывод: «Итак, уже в первом тысячелетии до н. э. скотоводство имело в средней части СССР гораздо большее значение, нежели охота. Между тем некоторые историки обычно считают, что у нас только по прошествии нескольких веков летописной истории скотоводство добилось такого преобладания. Археологические раскопки здесь передвигают дату почти на 2 тысячи лет назад». ¹ Характеризуя хозяйство жителей селища III—V вв. Красный холм (Ярославское Поволжье), П. Н. Третьяков говорит: «Кости диких животных, как видим, составляют совершенно ничтожный процент по сравнению с костями домашних животных. Скотоводство решительно преобладало над охотой». ² Мы не собираемся здесь оспаривать приведенные интереснейшие положения, но законно задать вопрос — насколько объективны данные

¹ А. В. Арциховский. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях. Проблемы истории докапиталистического общества, 1934, № 11—12, стр. 36.

² П. Н. Третьяков. Работы на строительстве Ярославской гидроэлектростанции. Археол. работы АИМК на новостройках 1932—1933 гг. М.—Л., 1935, стр. 118.

остеологической статистики, насколько верно они отражают действительное положение вещей, и не допускаем ли мы ошибок в интерпретации костных остатков? Не следует ли нам уточнить и улучшить нашу методику в этой области? Нам кажется, что этот вопрос пора поставить.

Прежде всего, как собирается костный материал? Как правило — очень суммарно; в лучшем случае — послойно и почти никогда не учитывая его по квадратам, тогда как вертикальное и горизонтальное его расчленение позволило бы значительно уточнить подсчеты и наблюдения, дающие возможность делать выводы о развитии скотоводства или преобладании охоты. Далее следует помнить, что мы имеем дело с «кухонными остатками», т. е. с раздробленными костями по преимуществу (если не только) тех животных, мясо которых считалось съедобным и употреблялось в пищу. При этом из многих тысяч найденных обломков костей «определимыми», т. е. сохранившими эпифизарные части, оказываются далеко не все и часто лишь самый незначительный процент. Таким образом, совершенно очевидно, что результаты подсчета и соотношение зоологических видов всегда основываются на случайном подборе костей, годных для определения, а тысячи «неопределимых», которые могли бы это соотношение существенно изменить, не принимаются во внимание.

Между тем в самом процессе раскопок можно сделать интересные наблюдения: какие именно части скелета животных находят по преимуществу и в каком виде, нет ли специфических повреждений, которые могут дать указание на тот или иной охотничий прием, и т. д. Мы часто игнорируем эти интересные детали и всецело полагаемся на результаты остеологического изучения материала зоологом, которое, как правило, происходит в лабораторной обстановке, много времени спустя после извлечения костей из слоя.

При наших раскопках Тумовского селища X—XI вв. н. э. под Муромом кости животных составляли сравнительно небольшой процент находок, а годных для определения оказалось совсем незначительное количество. Если бы эти остатки были собраны суммарно по всему слою, то статистика дала бы очень малые и конкретно ничего не говорящие цифры костей разных видов животных. В процессе же раскопок можно было заметить, что места скопления мелких, сильно раздробленных костных остатков были локализованы в совершенно определенном участке с русским жилищем, с точно датированной керамикой XI в. Но и здесь из нескольких сотен мелких осколков выделялись лишь 40 «определимых» костей, которые принадлежали исключительно домашним породам, по преимуществу крупному рогатому скоту. Обращало внимание отсутствие здесь раздробленных костей лошади. В то же время на муромских участках селища костных остатков найдено сравнительно немного. При этом отмечено, что среди кухонных отбросов в культурном слое муромских жилищ кости лошади встречались наряду с костями крупного и мелкого рогатого скота, т. е. конское мясо употреблялось муромой в пищу.

Возвращаясь к количественному показателю находок «определимых» костей в славяно-русском жилище, приходится констатировать, что и в данном случае он не отражает (40 костей!) реального значения скотоводства и количества скота в хозяйстве этого дома русской семьи и не раскрывает в полной мере отличий этого хозяйства от хозяйства муромских односельчан. Все же можно сказать, что русский дом был значительно богаче скотом. Этот пример освещает как относительность показаний костного материала, так и пути ее определения посредством более точной фиксации в процессе раскопок.

На материале раскопок того же Тумовского селища мы коснемся особо острого и важного вопроса о соотношении количества костей домашних и

диких животных и его действительной научной значимости. Нам представляется, что в данной ответственной теме остеологическая статистика должна обязательно контролироваться, во-первых, этнографическим материалом, во-вторых, учетом всей совокупности исторических условий и, в-третьих, учетом конкретной естественной обстановки (среды), в которой развивалось хозяйство древнего поселения.

В результате трехлетних работ на Тумовском селище мы почти не имеем костей диких животных, если не считать единичных костей лося, зайца и бобра. По данным подсчета, 90 % костей принадлежало домашнему скоту. Из этого можно было бы сделать весьма парадоксальный вывод, что жители муромского поселка X в., расположенного в лесу, забыли об охоте или, как пишется постоянно в археологических отчетах, «охота отступила на задний план, а главное место в хозяйстве уже принадлежало скотоводству». Но правдоподобен ли такой вывод?

Среди вещевых находок с селища обращает на себя внимание большое количество обломков глиняной болгарской посуды, арабские диргемы X в., медь, олово, серебро, стеклянные и цветные пастовые бусы, т. е. масса привозных предметов, дающих представление об оживленной торговой деятельности муромы. О тесных торговых связях приокского муромского населения с булгарами говорят и письменные источники. Есть предположение даже о существовании здесь болгарской торговой фактории, о чем свидетельствуют богатые клады восточных монет и обилие в муромских слоях болгарской керамики. Повидимому, болгарских купцов влекли в эти далекие муромские земли пушные товары — одна из главных статей болгарской торговли с востоком. До заключения в 1006 г. Владимиром Святославичем известного торгового договора болгарские купцы, видимо, получали товар непосредственно от производителей, т. е. от сельского населения муромской округи. О количестве получаемого этим населением через болгар металла — меди и серебра — можно судить по обилию бронзовых и серебряных украшений, которые находят при раскопках муромских могильников, и по степени развития меделитейного и ювелирного дела, выразительные следы которого обнаружены при раскопках Тумовского селища.

Главным, если не единственным, товаром, на который выменивался металл и другие привозные вещи, была пушнина. Трудно представить, что охота в это время «отступила на задний план», что как будто вытекает из формулы соотношения количества костей домашних и диких животных (90 к 10 %). Среди этих немногочисленных костей дикой фауны из Тумовки совершенно отсутствуют кости таких пушных хищников, как лисы, куницы, соболя и других, шкурки которых представляли большую меновую ценность. Отсутствуют также кости главного врага домашнего скота — волка, на которого, очевидно, производились облавы. Волчьи шкуры, если и не имели меновой ценности, то, несомненно, использовались для своих нужд самим населением. Но почему же, в таком случае, отсутствуют кости этих животных, служивших объектом охотничьей добычи, если все косвенные показания свидетельствуют о значительной роли пушного промысла в хозяйстве муромского населения? Ответ на этот вопрос мы найдем, если обратимся к этнографии охотничьих народов нашего Севера. Дело в том, что тушки пушных зверей никогда не приносятся охотниками в поселок. Например, в Архангельском крае при длительном «лесовании» охотники сообща ставят в лесу промысловые избушки, так называемые «кушни», в которых хранят продовольственные припасы на время промысла, пережидают непогоду, складывают добычу, свежуют убитого зверя. Таким образом, домой приносят лишь снятые шкурки; тушки же и скелет зверя остаются в лесу или поедаются собаками. Этим объясняется, почему находимые

при раскопках кости охотничьих животных принадлежат, как правило, не пушному зверю, а почти одним и тем же видам мясной добычи, — лосю, медведю, зайцу, т. е. тем животным, мясо которых даже при наличии домашнего скота всегда и у всех народов было одним из обычных блюд. Мясо же волка, лисы и других хищников, которым, возможно, не брезговали в периоды голодовок, в обычное время в пищу не употреблялось.

Следует отметить и некоторые частности. Например, остается загадкой, почему из костей пушных зверей чаще других встречаются кости бобра. Возможно, что снятие шкурки с этого ценного зверя было сопряжено в условиях промысла с какими-то трудностями и его свеживали дома. Впрочем, не выяснено, как и где именно кости бобра встречаются при раскопках, и не указывают ли находки костей этого животного на способ разделки тушки зверя при свеживании. Здесь была бы важна точная полевая регистрация костей, а не их суммарный подсчет.

Таким образом, цифры остеологической статистики сами по себе ничего не обозначают. Количество костей охотничьих животных, найденных в данном поселке, отнюдь не определяет реального количества охотничьей добычи. Выводимое же из этого подсчета процентное соотношение числа костей диких и домашних животных не отражает действительного удельного веса охоты и скотоводства в хозяйстве. Механическое использование этих цифр может повести к глубочайшим заблуждениям. Часто с большей долей вероятности можно высказать предположение, обратное прямым данным этих цифр: чем меньше мы находим при раскопках данного поселения костей охотничьих животных (это не касается, конечно, ранних памятников), тем выше организация и экономическое значение охотничьего промысла и тем определеннее его направление.

А. В. Збруева, характеризуя костные находки с Пижемского городища¹ (вторая половина I тысячелетия н. э.), отмечает, что в верхнем слое число костей домашних животных составляет 66,5 %, в нижнем 50,5 %. При этом в верхнем слое среди костей диких животных преобладают медвежьи. Кости куницы встречаются в очень незначительном количестве (всего две особи, по одной в каждом слое). На основании этих данных автор делает правильный вывод, что скотоводство и охота были основами хозяйственной жизни городища во все время его существования; причем в раннюю пору они имели равное значение, а позже стало преобладать скотоводство. Встает, однако, вопрос, в чем же выражалось «равное» скотоводству значение охоты в раннюю пору жизни городища? Если она в это время являлась основным способом добывания мясной пищи, что при наличии домашнего скота сомнительно, то наибольшее количество костей медведя (21 особь) найдено как раз не в нижнем, а в верхнем слое городища. Не правильнее ли было бы подойти к оценке значения охоты как пушного промысла?

В итоге высказанных соображений мы считаем, что остеологическая статистика в том виде, в каком мы ее применяем до настоящего времени, не только не выясняет интересующих нас вопросов о характере и взаимоотношениях охоты и животноводства, в частности в хозяйстве населения лесной полосы Восточной Европы, но часто диктует неправильные выводы.

Не случайно А. В. Арциховский, опытный исследователь, в цитированной выше работе, отдав дань остеологической статистике, двумя страницами ниже пишет: «Накопление родового имущества выражалось при благоприятных хозяйственных обстоятельствах в увеличении стад, но лесная природа препятствовала этой тенденции (разрядка наша. — Е. Г.). В степных условиях, где подобных преград не было, развилось кочевое скотоводство. Здесь же отсутствие больших пастбищ не позволяло

¹ А. В. Збруева. Пижемское городище. ИГАИМК, вып. 106, 1935, стр. 278.

держат большие стада. Единственным выходом было развитие земледелия, бывшего в течение ряда тысячелетий подсобным и мотыжным. В данный второстепенный промысел и должно было бы перейти накопление, но это означало конец развития самих городищ». ¹ Можно было бы продолжить эту мысль и добавить, что в эпоху расцвета городищ лесной полосы Восточной Европы скотоводство в силу естественных условий не могло достигнуть крупных масштабов, а земледелие продолжало оставаться мотыжным и подсобным промыслом; закономерно было бы предположить, что источником накопления была пушная охота. Развивающаяся торговля стимулировала развитие пушной охоты, а избыток пушнины открывал возможности расширения торговых связей.

Было бы, однако, неправильным для ранних стадий общественного развития переоценивать значение охоты, как организованного пушного промысла, каким она стала лишь в условиях классового общества. Нельзя и умалять ее роль в экономике родового общества лесной полосы Восточной Европы, где при общем низком уровне производительных сил и сравнительно слабом развитии земледелия и скотоводства она была, несомненно, важнейшим источником добывания меновых ценностей, что, в свою очередь, способствовало родовому накоплению, рождало внутренние противоречия и ускоряло разложение родовых отношений. Это и выразилось в итоге в исчезновении укрепленных поселков-городищ и в появлении открытых поселений.

Определив наше отношение к данным остеологической статистики в решении вопроса о роли охоты и скотоводства в экономике изучаемых путем археологических раскопок поселений, нельзя не остановиться и на другом «статистическом» приеме, применяемом для освещения той же проблемы. Мы часто констатируем наличие или даже значение охоты на основании находок специализированных и обычных стрел, которые, кстати, не так часты и не так многочисленны в слоях наших древних поселений. Так, например, А. В. Ардиховский в цитированной выше работе говорит: «Охота, о характере и подсобном значении которой дает представление вышеприведенная статистика, производилась костяными стрелами». ² П. Н. Третьяков пишет: «Второстепенное значение охоты подчеркивает и то, что среди большого вещественного материала (селище у р. Попадьинки. — Е. Г.) имеется лишь один наконечник стрелы» ³. В другой своей работе он высказывается еще определеннее: «Ничтожную роль охоты как нельзя лучше подчеркивает вещественный материал. На селище (Красный холм. — Е. Г.) обнаружен всего лишь один наконечник стрелы». ⁴

Однако можно ли судить о роли охоты первобытнообщинной поры по количеству находимых стрел? Утверждение, что охота производилась преимущественно с помощью стрел и что их отсутствие в вещественном материале того или иного памятника указывает на ничтожное или второстепенное значение охоты в хозяйстве, основано на недостаточном знакомстве с наиболее распространенными в древности приемами охоты. Обращаясь к этнографии, мы не найдем примера, где бы лучная охота играла решающую роль.

Многие авторы справедливо отмечают, что охота в эпоху городищ имела по преимуществу пушную характер (исключительно мясной она в этот период, разумеется, быть не могла). В таком случае следовало бы обратиться к охотничьей практике наших северных народов, сохранившей до

¹ А. В. Збруева. Пижемское городище. ИГАИМК, вып. 106, 1935, стр. 39.

² Там же, стр. 37.

³ П. Н. Третьяков. Верхнее Поволжье в середине и второй половине I тысячелетия н. э. МИА СССР, вып. 5, стр. 70.

⁴ П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 118.

наших дней чрезвычайно древние приемы как наиболее эффективные. Характерно, что даже и теперь у этих народов ружейная охота не стоит на первом месте. Наиболее же распространенными являются разнообразные по устройству ловчие приспособления (пасти, плашки, кулемы, капканы, силки, петли, ловчие ямы и т. п.).¹

Современные ловчие орудия, исторически восходящие к глубокой древности, ныне значительно усовершенствованы, механизированы, но в принципе повторяют примитивную конструкцию древнейших самоловов, проверенную многовековым охотничьим опытом обитателей лесов средней и северной полосы Восточной Европы. Изготовленные заранее в достаточном количестве, самоловы требуют от охотников в период промысла сравнительно малой затраты труда. Установив десятки самоловов, один охотник может охватить промыслом большую территорию. Капканы и черканы удобны тем, что их можно легко переносить с места на место. Все эти приспособления очень эффективны и требуют от охотника лишь большой наблюдательности, сноровки, хорошего знания леса и повадок зверя. Кроме того, самоловы дают шкуру лучшего качества, не поврежденную ударом стрелы. Правда, среди археологического материала встречаются особого рода специализированные стрелы, с тупым бугорчатым наконечником, подобные тем, которые до сравнительно недавнего времени употребляли сибирские охотничьи народы при охоте на белку. Однако находки таких стрел при археологических раскопках единичны и не определяют ведущего значения лучной охоты в древности.

Подытоживая сказанное, нам представляется, что основным пороком наших статистических наблюдений над костным материалом является неправильное понимание цифровых данных как «объективных» критериев для определения роли охоты и скотоводства в экономике того или иного памятника или группы памятников. В. И. Ленин и И. В. Сталин, давшие блестящие образцы подлинно научного применения статистического метода в решении исторических и практических задач, не раз указывали, что этот метод только тогда способствует раскрытию действительных закономерностей исторического развития, когда он учитывает качественную сторону явлений и всю совокупность порождающих их конкретно-исторических условий.² Общие цифры анализа костных остатков без их расчленения по отдельным жилищно-хозяйственным комплексам, являются часто теми «общими и огульными» «средними», которые, — по словам В. И. Ленина, — «имеют совершенно фиктивное значение».³ Следовательно, необходимо в самом процессе раскопок весьма внимательно следить за распределением и характером костных остатков, внося тем самым существеннейшие поправки к статистическим подсчетам. Далее, анализируя эти подсчеты, необходимо постоянно корректировать этот анализ привлечением этнографического материала и учетом исторической обстановки и естественной среды изучаемого памятника или группы. Иными словами, нельзя забывать и в данном конкретном случае основного требования марксистского метода — рассматривать каждое явление в его диалектической взаимосвязи с другими и в особенности — в его зависимости от условий места и времени. Это устранит возможность поспешных формальных выводов и модернизации хозяйственного строя древних поселений, которая, на наш взгляд, угрожает научной объективности наших построений.

¹ А. А. Дунин-Горкович. *Тобольский Север*, т. III. Тобольск, 1911, стр. 101—107.

² В. И. Ленин. *Соч.*, т. 1, изд. 4-е, стр. 53; И. В. Сталин. *Вопросы ленинизма*, Изд. 11-е, стр. 256—257.

³ В. И. Ленин. *Соч.*, т. 4, изд. 4-е, стр. 120.

III. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

М. З. ПАНИЧКИНА

ДРЕВНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА САТАНИ-ДАР В АРМЕНИИ

Исследования последних лет в Армении, приведшие к открытию выдающихся местонахождений нижнепалеолитического возраста, замечательных по обилию и по характерности собранных на них орудий,— крупное событие в изучении культуры человека четвертичного периода.

Наиболее важный по своему значению памятник древнего палеолита на территории Армении находится на холме Сатани-Дар, доставивший впервые в пределах нашей страны орудия шелльского возраста, представленные многочисленными и выразительными образцами ручных рубил. Еще более обильны собранные здесь же серии разнообразных ашельских орудий. Три года (1947—1949) систематических исследований на Сатани-Даре доставили свыше 200 ручных рубил. Этот факт показывает исключительное значение стоянки Сатани-Дар.

Стоянка Сатани-Дар находится в районе горы Богутлу (ныне Артен), расположенной на юго-западном склоне Арагаца. В настоящее время на Богутлу известно всего пять местонахождений с остатками каменных орудий древнепалеолитического типа. Кроме того, известна одна мастерская по добыче и обработке обсидиана, начало разработки которого относится, повидимому, к ранненеолитическому времени, но использовавшегося и в более поздние эпохи.

Гора Богутлу, как и вся система Арагаца, вулканического происхождения. Со всех сторон Богутлу окружена широким плато, представляющим собой бесчисленные всхолмления, образовавшиеся вследствие неоднократных лавовых потоков. Высота Богутлу 2060 м над уровнем моря, а средняя высота плато свыше 1500 м. Породы, из которых сложена Богутлу, в основном базальты и диориты, содержащие многочисленные включения высококачественного обсидиана, который, повидимому, и привлекал сюда первобытного человека. Пологие склоны гор, сливающиеся незаметно с окружающим плато, видимо, были удобны для поселений человека. Все обнаруженные древнепалеолитические памятники приурочены главным образом к подножию горы Богутлу.

Стоянка Сатани-Дар расположена у северо-восточного склона Богутлу, в одном километре от сел. Пирмалак Талинского района, и была детально обследована мною в 1947—1949 гг. Эта стоянка получила название по холму Сатани-Дар, на котором она расположена.

Холм Сатани-Дар возвышается над плато на 45—50 м и в южной части отделен от Богутлу небольшой седловиной, идущей с востока на за-

пад. Протяженность Сатани-Дара с востока на запад 285 м, а от седловины до основания — около 265 м. На пологих склонах и небольшой уплощенной вершинке в результате интенсивного выветривания вскрыты коренные породы, слагающие холм. В этих породах включены в большом количестве куски обсидиана, величиной от горошины до крупных желваков в 30—35 см. Близ холма, на северо-восточном склоне Богутлу, — выходы обсидиана, залегающего здесь в большом количестве в виде крупных глыб. На поверхности холма, в наиболее укрытых от ветра местах, а главным образом в трещинах располагается пятнами скудная травянистая растительность. Вершина и прилегающая к ней часть склонов густо усыпаны обсидиановой щебенкой, образовавшейся здесь вследствие сильного разрушения поверхности. Ближе к основанию склоны холма покрыты слабым почвенным слоем, простирающимся не по всей поверхности, а пятнами, в естественных углублениях. Этот слой, по всей видимости, есть результат поздних оглождений, образовавшихся в углубленных местах вследствие намыва водой и наноса ветром мелких частиц грунта. На более возвышенных участках мощность слоя не превышает 10—15 см, ниже, в основании склона, он достигает 1,2—1,5 м.

Древнепалеолитическая стоянка приурочена к основанию холма и несколько заходит на прилегающее к нему плато. Она занимает площадь не свыше 1500 м². Каменные орудия залегают на поверхности холма и в почвенном слое. Культурных остатков в условиях первоначального залегания не установлено. Каменные орудия перемешаны на поверхности с большим количеством естественных осколков и желваков обсидиана. Вместе с изделиями архаичного, древнепалеолитического облика на холме попадаются в небольшом количестве поздние, неолитические поделки, главным образом очень узкие, длинные пластинки и призматические нуклеусы, снесенные сюда со склона Богутлу, где расположена была неолитическая мастерская. Неолитические изделия легко выделяются среди древнепалеолитических остатков формой и техникой их изготовления, а также почти полным отсутствием патины и окатанности на их поверхности.

Для выяснения площади распространения и условий залегания культурных остатков мною на Сатани-Даре был заложен ряд шурфов; они показали, что каменные изделия, содержащиеся в слое, находятся в переотложенном состоянии и что наслоения на Сатани-Даре накопились в результате постепенного смыва материала с вершины холма и со склонов Богутлу и являются молодыми образованиями, возникшими уже в геологически современную нам эпоху.

Хотя древнепалеолитические находки располагаются сейчас не на той площади, где они залегали первоначально, однако они концентрируются на очень ограниченном участке холма, за пределами которого почти не встречаются. Судя по концентрации на небольшом участке и группировке пятнами, древнейшие каменные изделия человека не претерпели сильного перемещения. В противном случае материал был бы рассеян на гораздо большей площади.

Материалом для изготовления орудий служил обсидиан и долеритовый базальт. Поверхность древнепалеолитических орудий покрыта очень интенсивной патиной. Особенно резко выражено изменение поверхности на обсидиане, покрытом во многих случаях беловато-серым или бархатисто-черным налетом, маскирующим натуральную окраску камня. Некоторые изделия сохранили корочку известкового налета, образовавшуюся за время длительного пребывания их в почве.

Степень интенсивности изменения поверхности не на всех орудиях одинакова. Имеется группа орудий, которая несет следы большей «изношенности», выражающейся в более глубокой патине и в многочисленности мелких

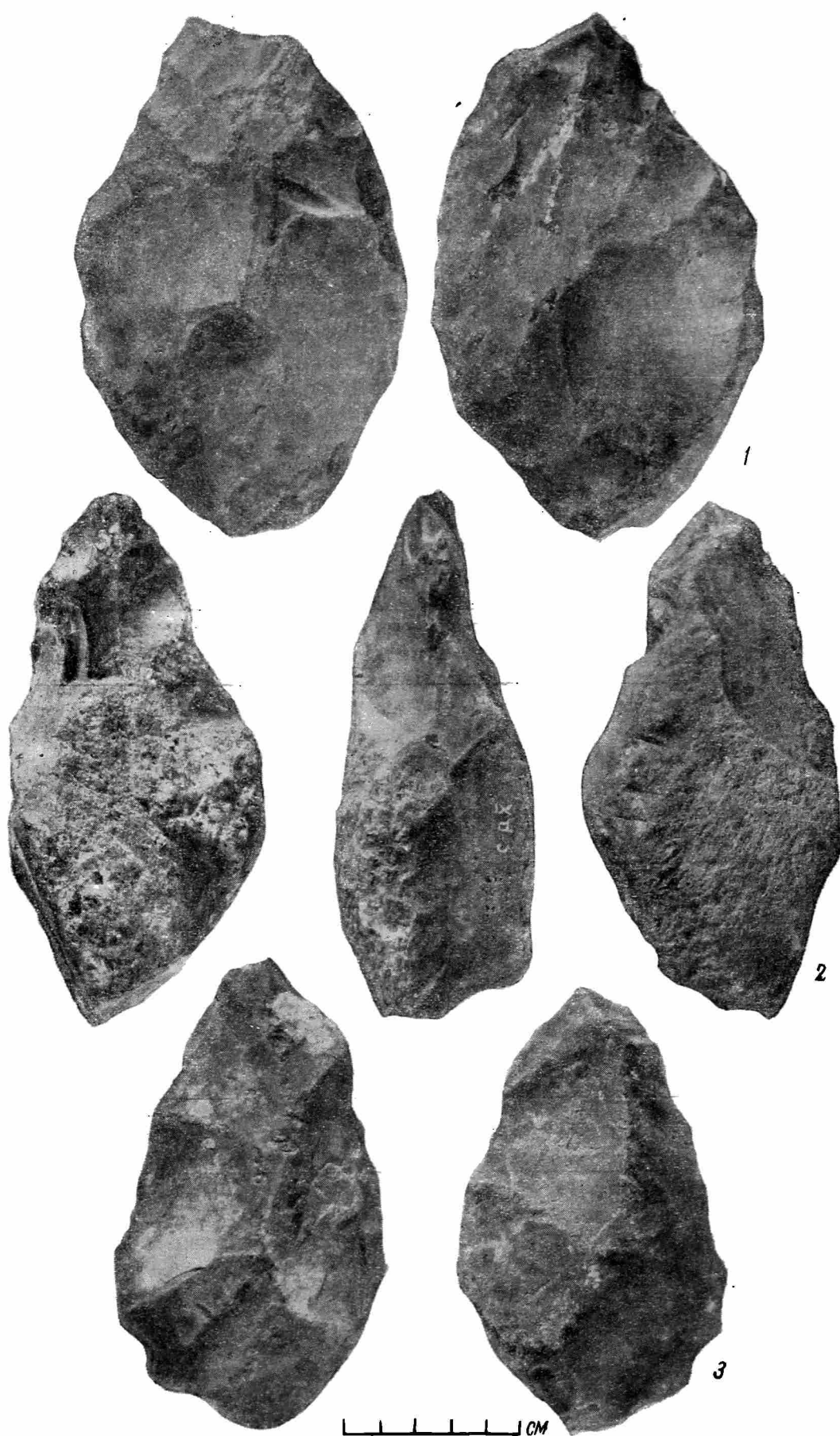

Рис. 11. Сатани-Дар. Шелльские ручные рубила

чъянцев, расположенных главным образом на ребрах и по краям изделий. Эти изменения поверхности произошли не только в результате передвижения изделий, но и вследствие интенсивного и длительного их выветривания. Глубокая патина объясняется возрастом этих находок, так как эта группа орудий состоит из более архаичных форм. Совокупность отмеченных признаков с несомненностью свидетельствует о большой древности некоторой части изделий и о существовании на стоянке двух разновременных комплексов культурных остатков, относящихся к различным эпохам древнего палеолита.

Как в более древнем, так и в позднейшем комплексе состав инвентаря в основном очень сходен и в целом характеризует древнейшие стадии палеолитической техники. Различие между двумя комплексами заключается лишь в характере оформления орудий. Естественно, наиболее архаичные изделия более грубы, массивны и обработаны примитивней; набор орудий несколько беднее. Этот комплекс характеризуется крупными ручными рубилами грушевидной и миндалевидной формы, с несколько утолщенной пяткой и извилистыми краями. По примитивной обработке и грубым очертаниям ручные рубила имеют типичный шелльский облик (рис. 11 и 12). Они представлены значительной и очень выдержанной серией.

Весь остальной инвентарь этой группы составляют: тяжелые, массивные, грубые рубящие орудия, приближающиеся функционально к ручным рубилам; отщепы с очень крупными бугорками, занимающими большую часть плоскости откола, и с площадками, образующими тупой угол с нижней плоскостью; широкие пластины, обычно подправленные грубыми сколами по краям; все это вполне соответствует набору архаичных ручных рубил и, несомненно, характеризует вместе с последними самый ранний этап человеческой культуры — шелльское время.¹ В данной группе

Объяснение к рисунку 11.

Рис. 11—1. Шелльское миндалевидное ручное рубило, оббитое по всей поверхности крупными сколами. Широкие фасетки весьма неравномерны, каждая занимает значительную площадь поверхности. Мелкие выбоины по краям, покрытые одинаковой с остальной поверхностью рубила патиной, являются следами работы. Ребра и выпуклые части рубила сильно стертые и имеют многочисленные мелкие выбоины. Чрезвычайно интенсивная патина, совершенно изменявшая естественную поверхность обсидиана и придавшая последней тусклый вид, указывает на глубокую древность орудия.

Рис. 11—2. Второе шелльское ручное рубило также имеет миндалевидную форму. Орудие изготовлено из массивного куска обсидиана. Грубые сколы на краях располагаются поочередно с обеих сторон и придают лезвию вид очень ломаной линии. Нижний конец орудия сильно утолщен и в значительной части сохраняет естественную корку желвака. Вся поверхность сильно выветрена и приобрела пористость, напоминающую структуру губки. Как и в первом случае, края орудия сильно смяты и притуплены. Натуральный цвет обсидиана черный; глубокая патина придала поверхности серый оттенок.

Рис. 11—3. Третье ручное рубило миндалевидной формы. Несмотря на оббивку всей поверхности, оно сохранило характерную для шелльских орудий этого типа массивную пятку. Края представляют собой зигзагообразную линию и так же, как и на других экземплярах, не подправлялись вторично ретушью. Ребра чрезвычайно заглажены. Патина на рубиле неоднородна: на одной стороне она глубокого черного цвета и придает поверхности бархатистость; вторая сторона совершенно матовая, покрыта очень интенсивным серовато-коричневым налетом и местами сохранила корочку известкового налета, образовавшуюся на орудии во время залегания его в слое.

¹ За три года работ шелльский комплекс, первоначально представленный сравнительно немногими экземплярами, выступил отчётливо и мог быть характеризован многочисленными сериями. В январе 1948 г. в докладе на Сессии ИИМК и Гос. Эрмитажа,

особенно типичны, наряду с ручными рубилами, отщепы клектонского облика, с характерными для них очень крупными изъязнениями на бугорке и мелкими трещинами, расходящимися пучками от точки удара.

Второй, более богатый находками комплекс орудий содержит весьма тонко изготовленные ручные рубила с тщательной ретушью по краям, придающей ровность лезвиям. На многих экземплярах орудий, главным образом базальтовых, края обработаны занозистой ретушью, характерной для поздней стадии древнего палеолита. Формы рубил в этой группе более разнообразны; наряду с миндалевидными, характерны овальные, круглые, треугольные, сердцевидные, удлинённо-ланцетовидные (рис. 13). Для треугольных рубил характерно изготовление большинства из них на массивных широких отщепах, ударная площадка которых помещается сбоку орудия под очень тупым углом к нижней плоскости отщепа. По оформлению к ручным рубилам чрезвычайно близки остроконечники. Техника обработки их характеризуется также тонкой тщательной ретушью. Некоторые экземпляры представляют собой как бы ручные рубила в миниатюре.

К этому же комплексу тяготеет и большая часть так называемого «сопровождающего инвентаря» — отщепы, пластины, нуклеусы. Эти группы орудий, представленные также значительными сериями, по характеру обработки, патине и отсутствию «изношенности» на поверхности связаны со второй, более молодой группой ручных рубил. По общему облику и по характеру скалывания отщепы и пластины часто несут типичные признаки леваллуазской техники. Более тонкие в поперечном сечении пластины и отщепы имеют в большинстве случаев площадки, обработанные на нуклеусе. Большая часть отщепов превращена вторичной обработкой в скребла, чаще всего с полукруглым или прямым лезвием. Очень крупной серией представлены диски, характеризующиеся тонким поперечным сечением и тщательной подправкой краев. На дисковидных нуклеусах имеются следы сильной сработанности.

Таким образом, более поздний комплекс отличается от предыдущего несколько расширенным набором орудий и главным образом более тонкой и тщательной отделкой их, а также разнообразием форм внутри каждой группы изделий. Большая часть орудий этого комплекса имеет только патину; следов же сильной выветренности и разрушения поверхности мелкими выбоинами, а также сглаженности острых ребер, как на шельских орудиях, здесь не встречено. Сочетание всех признаков позволяет отнести этот комплекс орудий ко второй половине ашельской эпохи. Наличие остроконечников и скребел — орудий, наиболее распространенных в мустьерскую эпоху, — не противоречит этой датировке, так как известный процент этих тщательно сделанных орудий на тонких отщепах или пластинах всегда имеется в ашельских комплексах.

Наличие двух древнепалеолитических комплексов на Сатани-Даре указывает на длительность существования этой стоянки: это объясняется, повидимому, богатыми залежами обсидиана в районе Богутлу. Обилием и хорошим качеством обсидиана и базальта обусловлены также крупные размеры орудий.

Большое количество находок, концентрация их на очень ограниченной площади, расположение их пятнами, — все это свидетельствует о слабом перемещении изделий, дает возможность воссоздать, хотя и приблизительно, характер древнего памятника на Сатани-Даре. Соотношение количества орудий и отбросов, выражающееся в очень большом проценте законченных

посвященной археологии Закавказья, я останавливала внимание главным образом на более обильно представленном орудиями ашельском комплексе, воздерживаясь от уточнения возраста группы находок более архаичного облика. Лишь сборы последних лет позволяли мне высказаться категорически.

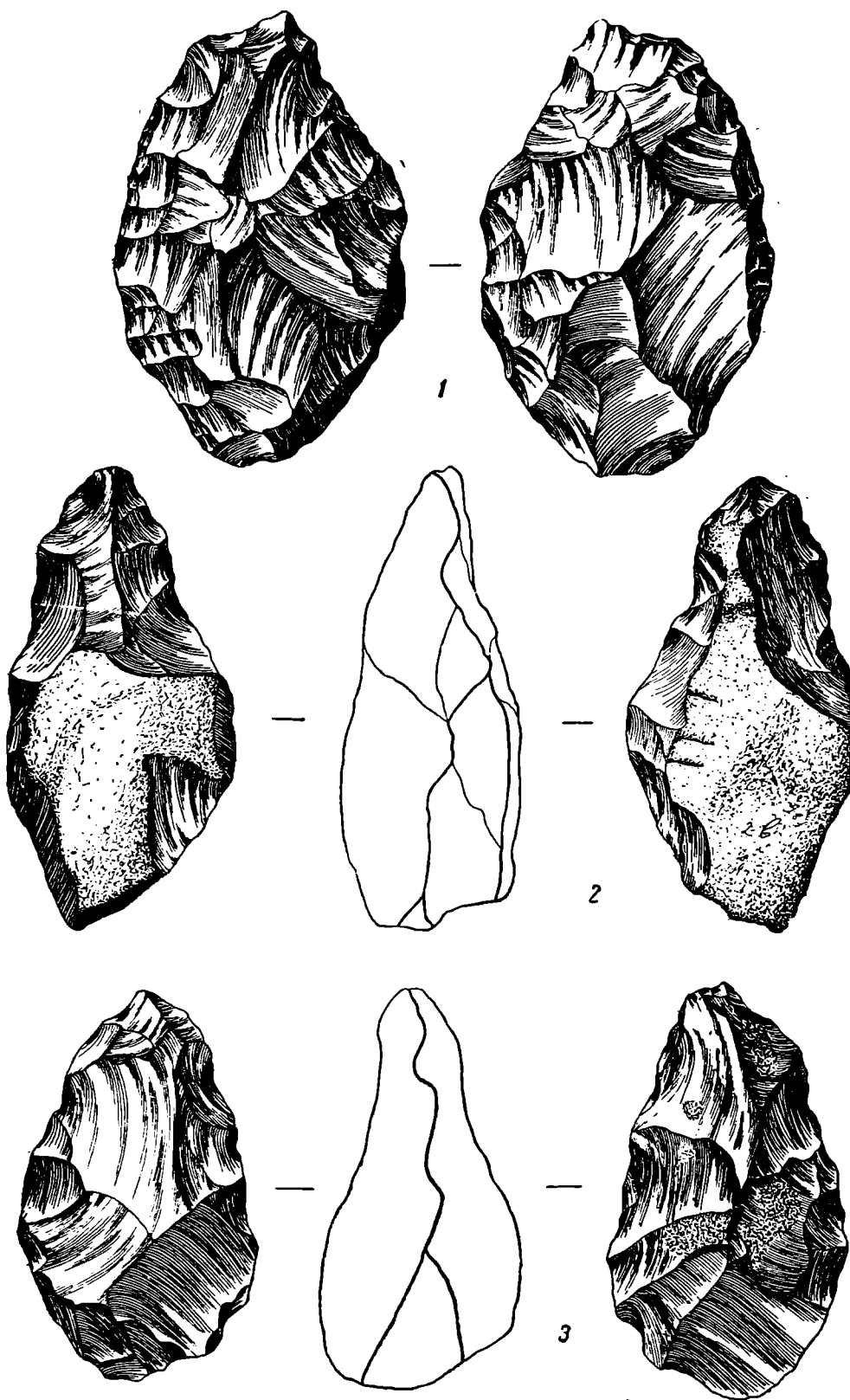

Рис. 12. Прорись ручных рубил, изображенных на рис. 11

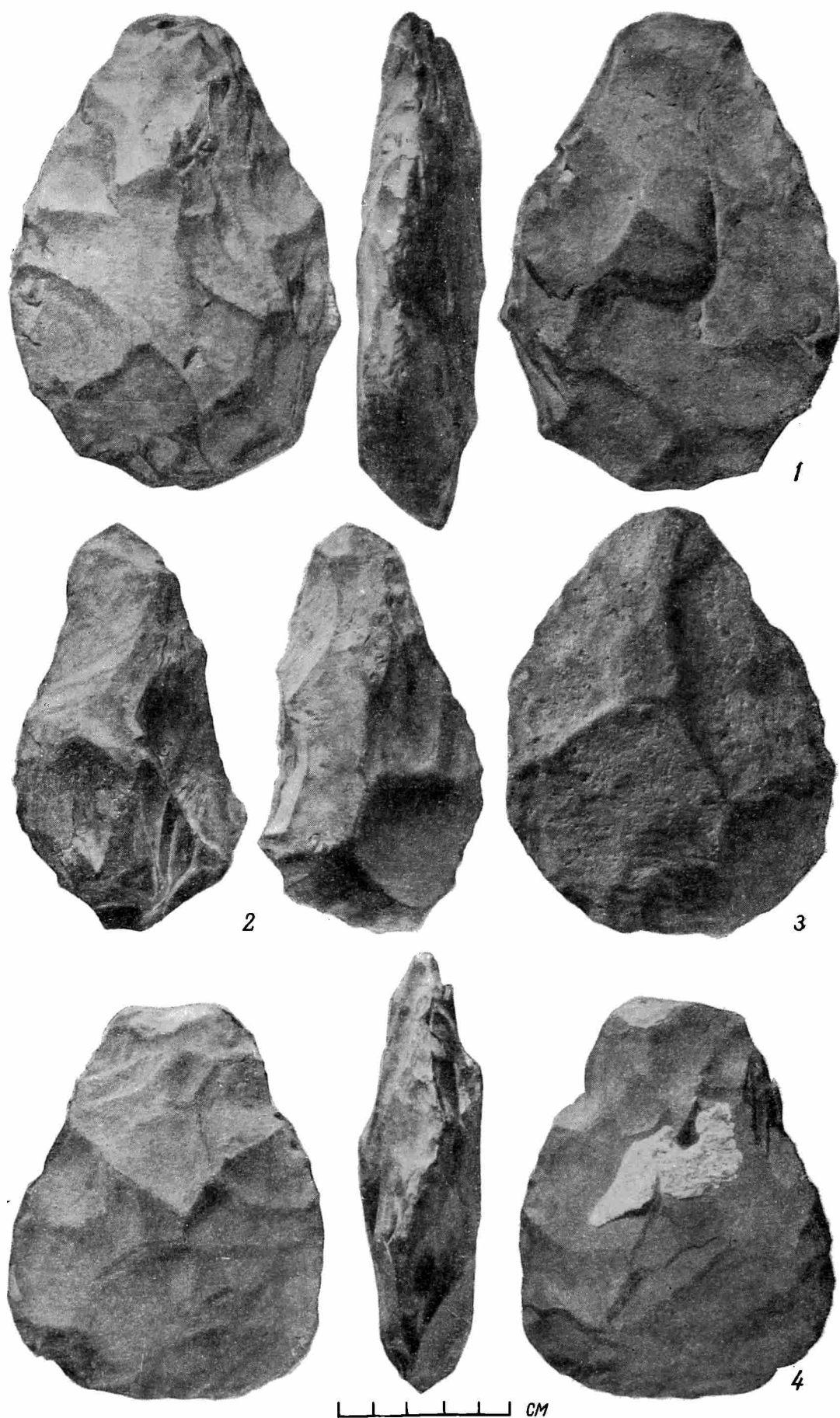

Рис. 13. Сатани-Дар. Ашельские ручные рубила. Изготовлены из долеритового базальта

форм по отношению к заготовкам и осколкам, позволяет считать этот памятник палеолитическим поселением. Подтверждением этому служит также и наличие на Сатани-Даре богатого набора орудий из базальта, при почти полном отсутствии осколков и заготовок из этой породы. Последний факт указывает на приготовление заготовок, а может быть и орудий, где-то в другом месте и на то, что они приносились на стоянку уже в готовом виде. Во всяком случае, отсутствие базальтовых осколков на Сатани-Даре исключает возможность предположения существования на этом месте мастерской.

Отсутствие других культурных остатков — костей животных, очагов, зола и т. д. — не уменьшает значения этого древнейшего памятника ранне-четвертичного периода. Условия нахождения орудий на Сатани-Даре характерны для огромного большинства памятников этой эпохи. Стоянка Сатани-Дар доставила богатые серии древнепалеолитических изделий наиболее раннего возраста. Это обстоятельство, а также географическое положение стоянки ставит Сатани-Дар в один ряд с наиболее важными местонахождениями этой древнейшей эпохи.

Культурные остатки Сатани-Дара, представленные типичными сериями шельских и ашельских орудий, дают возможность советским археологам вести изучение начальных этапов исторического развития первобытного общества по открытому на территории нашей Родины весьма выразительному и обильному материалу. В этом отношении значение Сатани-Дара трудно переоценить.

Объяснение к рисунку 13

Рис. 13—1. Ручное рубило правильной миндалевидной формы. Тщательно оббитое по всей поверхности крупными сколами, рубило дополнительно подправлено по краям ретушью, придающей лезвию вид довольно ровной линии. Отсутствие пятки придает орудию тонкий профиль.

Рис. 13—2. Исключительно редкой формой среди ашельских рубил Сатани-Дара являются ланцетовидные ручные рубила. Воспроизведенный здесь экземпляр напоминает своим обликом ручные рубила из стоянки Микок. Наряду с вытянутыми пропорциями и сравнительно узким основанием — характерными признаками ручных рубил стоянки Микок, представленное здесь рубило имеет утолщенную пятку и значительную толщину в поперечном разрезе.

Рис. 13—3. Сердцевидное ручное рубило; оно также имеет очень правильные очертания, тонкий профиль и ровные края.

Рис. 13—4. Треугольное ручное рубило; характерна оббивка всей поверхности сравнительно мелкими сколами. По краю нанесена мелкая приостряющая ретушь. Эта форма рубила представлена очень крупной серией образцов, замечательных по приемам изготовления.

С. Н. БИБИКОВ

ЖИЛИЩА РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ
В ЛУКЕ-ВРУБЛЕВЕЦКОЙ НА ДНЕСТРЕ

Четыре летних сезона раскопок на поселении Луки-Врублевецкой дали богатейший археологический материал, позволяющий осветить многие вопросы из истории раннеземледельческих племен юго-запада нашей страны. Разнообразие собранных здесь остатков материальной культуры дает возможность полного рассмотрения многих разделов, связанных с изучением истории ранних земледельцев.

Многих вопросов мне уже приходилось касаться в одной из предшествующих статей, поэтому в настоящем сообщении я возвращаться к ним не буду. Скажу только, что некоторые дискуссионные положения, которые были выдвинуты в докладе на пленуме ИИМК в 1947 г. и частично опубликованные,¹ нашли опору в новом археологическом материале и в этнографических источниках.

Таким образом, не возвращаясь пока к теоретическим вопросам, связанным с развернутым обоснованием датировки поселения Луки-Врублевецкой, в настоящем сообщении изложим лишь один весьма важный раздел работы экспедиции, относящийся к жилищам поселения Луки-Врублевецкой.

В 20 км к ЮЮВ от Каменец-Подольска на мысу, образованном крутым изгибом левого берега Днестра, на самой южной его оконечности расположено поселение Лука-Врублевецкая. Оно занимает первую надпойменную террасу, или высокую пойму, представляющую собой почти ровную площадку (рис. 14). Вся площадка с северо-востока замыкается высоким скалистым обнажением. Современное селение стоит на высоте 11—12 м над летним уровнем Днестра. Раннетрипольское поселение было выше уровня реки на 5—5,5 м. Таким образом, древнее поселение, как и современное село, подвергалось затоплениям, что наложило свой отпечаток на сохранность и общий вид культурных остатков.

Стратиграфически разрез на одном из участков раскопа выглядит следующим образом: 1) темный пахотный слой; 2) серо-желтый суглинок средней плотности; 3) желтый суглинок, плотный, с редким включением аллювиальных отложений; 4) речной галечник. Залегание слоев на всей площади почти горизонтальное.

¹ С. Н. Биби́ков. Дотрипольское поселение Лука-Врублевецкая. КСИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 60—64; его же — «Поселение Лука-Врублевецкая и его значение для истории раннеземледельческих племен юга», СА, т. XI, 1949, стр. 127.

Приведенный разрез характерен для всех участков раскопанной площади и если иногда и варьирует, то только в мощности напластований.

Культурные остатки располагаются в первых двух слоях и в нижнем отделе суглинка. В этих слоях отмечаются находки, относящиеся ко времени бытования культуры полей погребений и средневековой славянской культуры.

На срезе обнажения особенно выделяется третий раннетрипольский слой. В некоторых пунктах легко прослеживаются корытообразные углубления, заполненные углем, золой, створками речных моллюсков, керамикой, костями животных и т. д. На наиболее угрожаемых размывом участках в первую очередь и были сосредоточены раскопки.

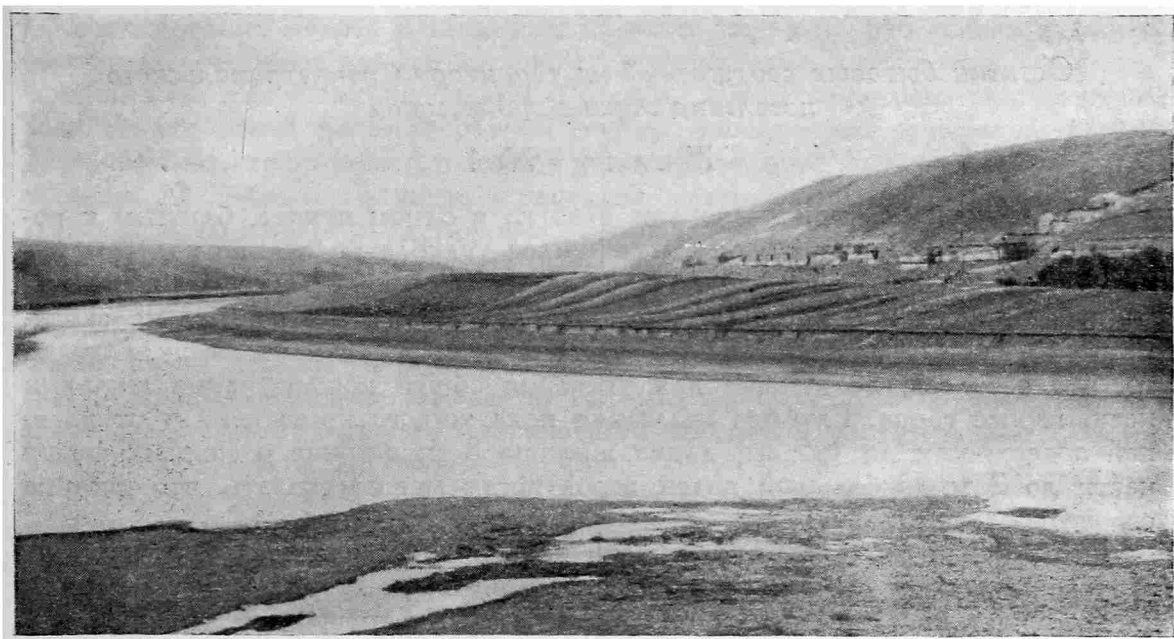

Рис. 14. Вид на площадку с правого берега Днестра. Лука-Врублевская.

Раскопками и разведочными шурфами были установлены примерные границы раннетрипольского поселения. Жилые комплексы располагались на самом берегу Днестра, видимо в один ряд, на протяжении около 200 м. В глубине площадки кое-где встречаются отдельные находки, но скоплений остатков, как и углублений в слоях, не замечено.

Само поселение занимало бровку невысокого берегового уступа; жилища, как правило, продольной осью были обращены вглубь площадки, занятой, вероятно, в древности, как и сейчас, огородами.

За четыре сезона раскопок в Луке-Врублевской раскрыто более 700 м² площади. В результате раскопок удалось установить наличие четырех жилищ полуземляночного типа, по конструктивным особенностям отличающихся одно от другого, но имеющих и сходные черты. Обнаруженные комплексы ям тоже рассматриваются нами как остатки жилищ или хозяйственных сооружений, отличных от жилищ полуземляночного типа. Сопоставление материала из разных раскопок не выявляет достаточно заметных различий в комплексах. Распределение коллекций по горизонтам наслоений тоже не дает оснований к разграничению их во времени по каким-либо устойчивым признакам. Следовательно, с достаточной долей вероятности мы вправе отнести все находки из нижнего раннетрипольского слоя к одному возрасту.

В жилых углублениях на I, II, III и V раскопах нетрудно было установить два-три цикла заселения жилища, что четко прослеживалось по вертикальному распределению материала и включениям речных отложений.

Древняя дневная поверхность проходила ниже уровня современного берегового уступа до 2 м и ежегодно сейчас заливается водой во время весенних и летних разливов. Казалось бы, что столь низкое положение древнего берега исключало возможность заселения прибрежной полосы. Однако при ответе на вопрос — почему поселение располагалось именно у самой воды — нельзя не считаться с очень существенными различиями в режиме реки в древнее и наше время. Приходится думать, на основании многих фактов, что значительно бóльшая облесенность Поднепровья в до-трипольское время уравнивала режим Днестра и являлась стойким защитительным средством против наводнений.

Остатки бытовых сооружений на территории раннетрипольского поселения Луки-Врублевецкой

Ж и л и щ е № 1

Как выяснилось при раскопках 1945 г., в одном пункте, близком к восточной границе поселения, имелось жилое углубление в виде полуземлянки с печью, предназначенной для обжига посуды. Эта полуземлянка, в отличие от других жилищ, была вытянута вдоль берега с востока на запад. Воды Днестра смыли жилье по продольной оси почти наполовину. Однако то, что осталось, достаточно для уяснения общей конфигурации жилья и печи, вернее горна. Глубина залегания пола жилого помещения — от древней поверхности до 145 см; длина жилища 8 м; ширина в сохранившейся части до 2 м. С большой долей вероятности можно сказать, что ширина его не превышала 4 м.

Печь, как и жилище, сохранилась наполовину по продольной оси, что дает возможность полной ее реконструкции. В целом виде печь состояла из трех частей: 1) устья; 2) топочной камеры, окружавшей «целик», где происходил интенсивный процесс сгорания топлива; 3) верхней загрузочной камеры, в которой устанавливалась приготовленная для обжига посуда. Устье печи конструктивно не отделяется от нижнего топочного помещения. Последнее же отделено от верхней камеры, где происходил обжиг глиняных изделий, площадкой с жаровыми отверстиями. Верхняя камера скорее всего была перекрыта временным плоским или купольным сводом, в котором имелся дымоход.

Из приведенного описания видно, что по конструктивным особенностям печь имеет аналогии в печах античного времени и раннего средневековья, весьма широко распространенных в Европе, в том числе и в Северном Причерноморье. Но печь из Луки-Врублевецкой не имеет аналогий в синхронных памятниках раннеземледельческих культур юга и юго-запада нашей страны и южной и юго-восточной Европы. В связи с этим следует обратить внимание на сказанное М. Я. Рудинским о раскопках в Кадиевцах. Здесь при раскопках трипольских комплексов им были также встречены обломки печины с отверстиями и совершенно правильно интерпретированы как детали обжигательной печи. В известном раннеземледельческом поселении Ленгилье имела место находка обломка жаровой площадки от горна, снабженной отверстиями — «продухами». Если наши наблюдения, наблюдения М. Я. Рудинского в Кадиевцах и находку в Ленгилье принять как археологически засвидетельствованный факт, то выводы из него приобретают немаловажное значение.

Дело, конечно, не только в том, что традицию устройства гончарных обжигательных печей можно будет относить к значительно более отдален-

ным временам, чем античность. Благодаря раскрытию гончарной печи в Луке-Врублевцевкой мы получаем возможность технологического объяснения процесса изготовления керамики у раннеземледельческих племен. В самом деле, разве не вызывает удивления раннетрипольская керамика из Луки-Врублевцевкой или керамика из любого трипольского поселения, прочностью и равномерностью обжига доходящая иногда до степени закаливания фаянса? Думается, что прежние взгляды об использовании в трипольское время только огня костра при обжиге керамических изделий едва ли сейчас могут удовлетворить археолога.

Жилище № 2

В нескольких метрах к западу от первого жилья в 1946 г. был заложен раскоп II. В этом пункте на срезе обнажились культурные остатки, вымываемые высокими паводками Днестра. Здесь отчетливо вырисовывалась темная линза корытообразной формы, заполненная керамикой, костями животных, кремнем и створками *Ulio*. В отличие от первого жилища, жилище № 2 было вытянуто с юга на север, перпендикулярно берегу Днестра. Оно также представляло собой длинное овальное углубление. Южный конец жилья вследствие паводков был размыт и утрачен, однако не настолько, чтобы не восстановить его, пользуясь нивелировочными данными. Длина жилого углубления 11 м, с реконструируемыми частями — около 12 м; ширина до 6 м. Толщина очажного слоя с находками достигает в южной половине жилья 90 см, что соответствует глубине жилья. Высота пола углубления не одинакова: в восточной части высота пола на 45 см выше, чем в западной.

Жилище представляло собой помещение площадью не менее 66 м², с полом, слегка повышающимся с юга на север (рис. 15). Углы жилища были сильно сглажены, что придавало ему вид, близкий к овалу или, скорее, подчетыреугольную форму. В отличие от первого жилища, здесь можно было установить некоторые конструктивные детали. В полу жилища встретились два округлых углубления, представлявшие собой скорее всего ямки для больших опорных столбов. Края обеих ямок расположены почти в одной плоскости и на одной линии, на расстоянии 220 см одна от другой. На жилой площадке обнаружено два очага. Места их отмечены наибольшим включением в слой заполнения жилища угля и золы, а также сильной прокаленностью суглинка под очагами.

Как видно из приведенного описания, общая картина планировки этого жилища напоминает первое. Несмотря на наличие ямок от столбов — опоры крыши, полностью реконструировать наземную часть жилища все же затруднительно. Можно, однако, предположить, что жилище имело вид полуземлянки с невысокой двухскатной кровлей, покоящейся по главной оси на столбах и подпираемой боковыми жердями. Вход в жилище определить не удалось. Быть может, он был в южной части и выходил к реке.

Жилой комплекс № 3

Раскоп, в котором был открыт жилой комплекс № 3, располагается почти против впадения в Днестр р. Сурши и представляет собой крайний западный пункт раскопок. Древняя жилая поверхность располагается в раскопе по верхней границе потемнения, выражающего культурный слой. Ее фиксирует также открытый очажок, обнаруженный на глубине 140—150 см от

современной поверхности. Мощность отложений, содержащих культурные остатки, заключенные в корытообразном углублении, или линзе, доходит до 110 см.

Жилое углубление в раскопе I значительно отличается от жилища № 2, более всего в пропорциях сооружений. Достаточно сказать, что третье жилище имеет в длину 43 м. Ширина жилой западины колеблется от 2,5 до 3,5 м. Таким образом, третье жилище имеет вид длинного и узкого коридора, идущего в направлении с юга на север, т. е. перпендикулярно Днестру.

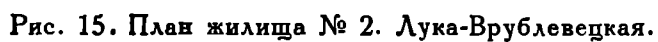
Размещение материала по горизонтам напластований позволило сделать заключение о цикличности заселения жилища в связи с паводками Днестра, заставлявшими обитателей на время покидать обжитые места. Два таких цикла мы установили по густоте расположения материала в слоях и наличию следов речного наноса, переслаивающего горизонты с материалом. Третий цикл, представленный самым верхним горизонтом, являлся заключительным этапом жизни на поселении; конец его опять-таки, быть может, связан с особенно сильным неожиданным паводком, заставившим уйти отсюда население, но уже навсегда. Таким путем легче всего объяснить находки у очага жилищ целых, но раздавленных сосудов.

Конструкцию частей жилища, расположенных на древней жилой поверхности, по полученным в результате раскопок данным представить вполне определенно трудно. Однако можно с достаточным основанием предположить, что это было легкое наземное жилье небольших размеров, с открытым очагом внутри, может быть представляющее собой прообраз глинобитных жилищ эпохи Триполья.

При расчистке заполнявших жилище культурных отложений сначала обнаруживались очень редкие и невыразительные находки. Тонкая прослойка раковин *Unio* составляла как бы границу между очень слабым и интенсивным насыщением заполнения линзы археологическими остатками. Ниже этой прослойки отмечалось постепенное нарастание количества находок, достигающее наибольшей численности в горизонте, соприкасающемся со следующим толстым слоем раковин *Unio*. Можно с уверенностью сказать, что поверхность этого слоя составляла вторую, более древнюю жилую поверхность. Ниже следовало дно или пол жилого углубления, которое имеет некоторые особенности, обращающие на себя серьезное внимание. Главная из них заключается в том, что продольный разрез жилища дает кривую, позволяющую определить жилище как трехчастное сооружение.

Этому заключению не противоречит и размещение находок. Замечено, что преобладающее количество археологических остатков встречается обычно в наиболее углубленных частях жилища. На перегибах профиля пола и на боковых скатах жилого углубления количество находок заметно убывает. Но одновременны ли все три выявленные части жилища? Первоначально можно было искать объяснения трехчастности жилища в разновременности построения его отсеков. Искусственность такого предположения стала очевидной при внимательной оценке фактов. Прежде всего нужно иметь в виду, что при относительно ровной древней дневной поверхности перенос жилища на несколько десятков метров от берега не мог предохранить от высокого паводка. К тому же характер отложений в жилом углублении вполне аналогичен во всех трех частях его. Наконец, конструктивная связанность всех трех частей жилья и последовательности их расположения не дает оснований к расчленению сооружения на разновременные жилые комплексы.

Резюмируя наблюдения над планировкой длинного жилища в раскопе I, можно с уверенностью сказать, что жилище было трехчленным большим домом, вполне соответствующим социальной организации родового

1 — граница жилого углубления; 2 — граница ракушника; 3 — очаги; 4 — обожженная глина; 5 — камни;
6 — ямы от столбов; 7 — статуэтки; 8 — бронза

общества. Высказанные соображения подкрепляются наблюдениями над размещением очагов на полу длинного жилища. По длинной оси жилого углубления располагалось 11 очагов разной величины и сохранности, но с более или менее равномерными интервалами.

Нужно сказать об одной детали, раскрытой при раскопках длинного жилища, безусловно связанной с его конструктивными особенностями. В восточной части жилья встречен боковой ход, идущий почти перпендикулярно длинной оси жилища. Он представляет собой углубление, прослеженное на расстоянии немногим более 2 м и уходящее в нераскопанную часть площадки. Если судить по резкому уменьшению количества находок в восточной части этого бокового углубления, то можно надеяться на близкое окончание его на первых же участках нераскопанной площади. Нет никаких данных считать это сооружение входом в длинное жилище. Этому противоречит и ориентация его на восток, т. е. в сторону холодных ветров, и сам характер заполнения, составляющего в общем богатый находками культурный слой. В северной части бокового углубления помещались три крупных камня, быть может оставшихся от какого-то крепления на периферии сооружения.

В скоплениях камней в жилище можно выделить очажные камни, камни хозяйственного назначения, упавшие с кровли жилища, и камни, извлеченные при рытье жилого углубления и сложенные в кучу на периферии жилища. Интересное наблюдение было сделано на участке, примыкающем к большому скоплению камней. Здесь оказалось место, где изготавливались кремневые орудия. Находки, сделанные на этом месте, состоят из пяти призматических нуклеусов, из множества кремневых отщепов и осколков, грубых пластинок и мелких чешуек кремня.

Заканчивая описание жилого комплекса, обнаруженного в раскопе I, подведем краткий итог.

1. Жилище представляло собой длинное сооружение из трех частей, разделенных, может быть, тонкими перегородками. В таком виде жилище существовало в те два периода обитания человека, находки от которых сохранились на III и II горизонтах наслоений. В I горизонте остатки жилища, хотя и совпадают в своих границах с нижней частью длинного жилого трехчленного углубления, но остатки жилья I горизонта следует рассматривать изолированно от предыдущих, как самостоятельный комплекс.

2. Форма трехчленного жилища, его размеры и характер расположения в нем очагов вполне соответствует родовой организации коллектива, обитавшего в таком жилище.

3. Можно считать достоверными три цикла заселения береговой площадки, соответствующие трем рассмотренным горизонтам культурных напластований. Мне представляется, что жилище имело в длину не более 45 м (размер его сейчас 43 м). Южная его часть (не более 2—3 м) смыта всдами Днестра. Эта трехметровая прибавка вполне оправдывается линией современного очертания берега, обрисованной на участке работ почти прямой, идущей в виде берегового среза с запада на восток. Наши подсчеты в известной мере могут контролироваться и средними величинами — длина центральной и северной частей длинного жилища.

4. Кровля жилища состояла, вероятнее всего, из ветвей и соломы и не требовала слишком прочной конструкции для опоры. Может быть, крыша была двухскатной. Место входа в жилище не определено. Едва ли в таком длинном жилье мог быть только один вход.

При описании западной периферии второго жилого углубления (раскоп II) мы обратили уже внимание на неодинаковую высоту боковых краев (крыльев) жилища; то же самое нами отмечалось и в третьем помещении (раскоп I). В обоих случаях пониженными оказались западные сто-

роны краев жилищ. Кажалось бы, что хотя и слабое, но общее понижение отложений, слагающих береговой уступ, с запада на восток должно отмечаться обратными соотношениями в высоте боковых краев помещений. Можно высказать предположение, что восточные стороны жилищ представляли собой участки, закрытые наглухо скатом кровли. Западные же стороны не перекрывались полностью ее противоположным скатом. Крыша не доходила до древней поверхности и вместе с пониженным краем жилищ составляла невысокий лаз (щель) с западной стороны, простиравшийся, может быть, не во всю длину жилья. Едва ли описанные жилища использовались в летнее время, они слишком тесны и на значительной своей площади заняты очагами. В зимнее же время они могли служить надежным укрытием от холода.

Жилой комплекс № 4

Вблизи раскопа I в 1946 г. мы заложили раскоп III, к которому затем прирезали раскоп V. Площадь обоих раскопов составила около 123 м² (рис. 16).

Здесь в аналогичных условиях залегания был обнаружен ряд ям, вытянутый вдоль берега. Мы можем выделить среди этих ям совершенно определенные

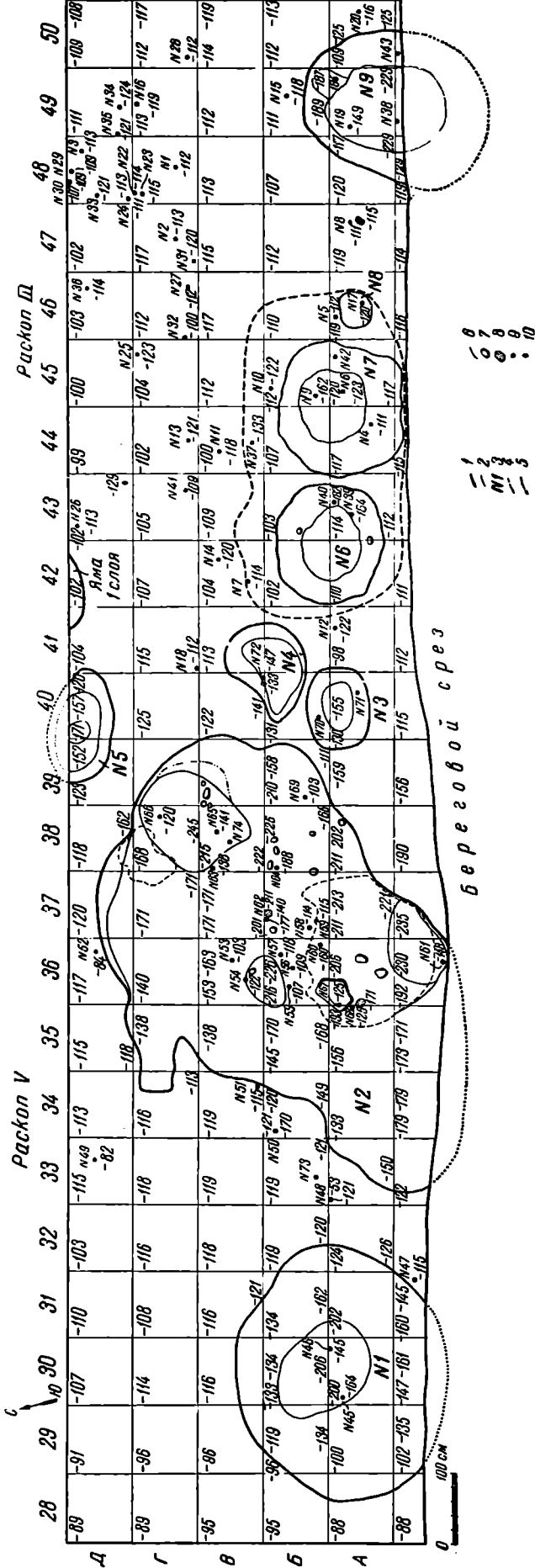

Рис. 16. Сводный план III и V раскопов. Лука-Врублевская.

1 — край углубления; 2 — дно углубления; 3 — номер углубления; 4 — граница очага; 5 — граница потемнения культурного слоя; 6 — ниша; 7 — камень; 8 — зернотерка; 9 — статуэтка; 10 — бронза

остатки жилых комплексов. Крайняя западная яма (№ 1) была заполнена золистыми включениями, содержащими большое количество находок. Яма эта была диаметром около 3,5 м и глубиной около 1,20 м. Соседняя яма сохранила принцип полуземлянки размером 5 × 5 м, при наибольшей глубине 1,50 м. Около ямы № 2 находились три небольшие ямы (№№ 3, 4, 5). Далее по бровке берегового уступа размещались две большие ямы диаметром 118—185 см, глубиной до 70—80 см (№№ 6 и 7) и небольшая ямка (№ 8). Эти три ямы были как бы вписаны в очажное потемнение поверхности слоя, выделявшееся на более светлом фоне суглинка своими близкими к овалу очертаниями. Наконец, в восточном краю раскопа была еще одна яма (№ 9), поврежденная подмывом реки. Диаметр ее, видимо, был не менее 3 м, глубина более 1 м. Нет сомнений, что яма № 2 представляет собой остаток полуземляночного жилища, сохранившего очень важные черты, сближающие ее с жилищами культуры линейно-ленточной керамики. Это прежде всего устройство пола. Пол жилья весь изрыт ямами и находится в разных плоскостях. Одна из внутренних ям имеет нишу. С этим жильем, видимо, следует связывать три другие неглубокие ямы.

Вторую группу составляют три ямы (№№ 6, 7, 8), заключенные в овальное потемнение слоя. Находившийся здесь жилой комплекс отличался от предыдущего. Скорее всего, здесь было наземное сооружение с внутренними ямами. Крайняя западная и крайняя восточная ямы (№№ 1 и 9) сохранились, быть может, от самостоятельных жилищ второго типа.

Реконструируя типы жилищ в их наземном виде, приходится считаться с трудностями, связанными с отсутствием конструктивных деталей (ям от столбов, обмазки, следов обшивки стен и т. д.); восстановление истинной картины жилищ возможно на основании прямых и косвенных фактов. В отношении полуземлянки, внутреннего устройства ямы (№ 2), контуры которой вполне отчетливо выяснились после раскопок, можно предположить в качестве аналогии известную реконструкцию жилища из Кельн-Линденталя.

Углубленная в землю часть большого жилища, пол которого сплошь был изрыт, соединялась здесь с легким плетеным каркасом стен, составлявших наземную часть жилья. Прутья стен вплетались в тонкие, вертикально стоящие жерди, не требовавшие больших опорных углублений. Жилище перекрывала легкая, может быть, двухскатная кровля, подпиравшаяся тоже жердями, на развилках которых горизонтально помещалась центральная жердь. Наземные стены жилища были, вероятно, промазаны глиной, крыша была из соломы, сухой травы или из шкур животных. Так, вероятнее всего, выглядело жилище полуземляночного типа на раскопе V (яма № 2). Следы легкой опорной конструкции стен и крыши полуземлянки не дошли до нас. Между тем нет оснований оспаривать наличие их уже потому, что среднеевропейские и южноевропейские неолитические жилища полуземляночного типа, в деталях повторяющие полуземлянку из Луки-Врублевцевкой, эти следы сохранили и поэтому дают возможность оправдать предложенную реконструкцию. Кажется вполне вероятным видеть в полуземлянке Луки-Врублевцевкой зимнее жилище. Это подтверждается тем, что жилье углублено в землю, а также наличием мощных очажных скоплений.

Несколько иначе может быть решен вопрос о комплексе ям №№ 6, 7 и 8. Можно предположить, что они представляют собой остатки жилища иного типа, имевшего вид наземного сооружения, в полу которого были сделаны два глубоких очажных углубления и небольшая ямка хозяйственного назначения. Возможно, что к такому типу жилья принадлежали летние постройки, не нуждавшиеся в углублении в землю и располагавшие еще более легким наземным каркасом, обвитым прутьями.

Итак, мы рассмотрели, правда очень схематично, жилые и хозяйственные сооружения, раскопанные на поселении Луки-Врублевцевкой (рис. 17). Уже из произведенного беглого обзора нетрудно было убедиться в том, что жилища на поселении имеют черты, встречающиеся и в жилищах культуры раннего и развитого Триполья. В раннетрипольских памятниках, таких как Борисовка, и в более поздних, как Городск, можно проследить древнюю традицию домостроительства, предполагающую сооружение внутри жилищ углублений, или ям. Больше того, на поселении Владимировка Т. С. Пассек раскрыла даже небольшую землянку, построенную в трехчастном плане. Таким образом, какие-то раннетрипольские элементы домостроительства, выявленные нами, вошли и в трипольскую культуру, правда, в достаточно редуцированном виде.

Рис. 17. Вид раскопок. Луки-Врублевцевка

Не задаваясь целью дать сейчас развернутую аргументацию по вопросу о временной близости раннетрипольских комплексов Луки-Врублевцевкой к памятникам раннеземледельческих племен Европы, укажу на некоторые факты, подчеркивающие поразительную близость жилищ из Луки-Врублевцевкой к жилищам культуры линейно-ленточной керамики. Как известно, в западной, центральной и юго-восточной Европе исследованы многочисленные поселения с линейно-ленточной керамикой; ареал распространения этой культуры на юго-западе не переходит границы р. Эбруч. Для культуры ленточной керамики характерны большие дома-полуземлянки с очень типичным комплексом вырытых в полу ям.

В нижних слоях Винчи Васичем раскрыт ряд жилых ям, которые не только в пропорциях, но и в деталях (наличие ниш — яма № 2) совпадают с ямами жилого комплекса № 4; землянка из Модиничи (близ Кракова), большой дом на горе Клин у Иванович, на западе Украины, и т. д. — не только напоминают по конструктивным особенностям жилища-ямы Луки-Врублевцевкой, но даже совпадают с ними в деталях. Не слишком

разнятся и размеры домов. Например, большой дом у Штуцхейма (Эльзас) длиной 30 м, при ширине 2,5 м, был, следовательно, вытянутым и узким, как и дом в Луке-Врублевецкой, раскрытый в I раскопе.

Приведенные примеры убеждают в полной идентичности домов, принадлежащих по инвентарю к культуре линейно-ленточной керамики, с домами Луки-Врублевецкой. Уже эти доводы, устанавливающие прочные связи культуры Луки-Врублевецкой с культурами линейно-ленточной керамики, дают основание если не синхронизировать, то во всяком случае сблизить эти культуры во времени и рассматривать их как предшествующие, а может быть и современные трипольской культуре.

В дополнение к сказанному можно привести и другие аргументы, в том числе и стратиграфические, сближающие археологические материалы из Луки-Врублевецкой с материалами других неолитических памятников. Обращаясь, например, к керамике, мы можем отметить в ней развитую антропоморфизацию в различных вариантах, применение бородавчатого орнамента по всей поверхности сосудов и т. п. Однако линейно-ленточная керамика этих стоянок по качеству исполнения и по формам значительно беднее, чем керамика из Луки-Врублевецкой. Сосуды линейно-ленточной керамики, особенно ранней, круглодонные и довольно однообразные. Орнамента их отличается атектоничностью построений, т. е. орнаментация не подчинена плоскости сосудов и свободно располагается по всей поверхности. Это отмечается некоторыми авторами, в том числе Гернесом и Кричевским. Керамика же в Луке-Врублевецкой весьма разнообразна, и элементы ее орнамента не только располагаются на сосудах ритмично, но часто следуют закономерной зональности распространения орнамента по отдельным частям сосудов.

Е. Ю. Кричевский предполагал, что круглодонность сосудов линейно-ленточной керамики подчинена удобствам пользования ими в жилищах, в которых «пол не имеет ни одного ровного места». Однако именно в таком жилище поселка Луки-Врублевецкой не встречено ни одного круглодонного сосуда, если не считать миниатюрных сосудиков, имеющих свое особое назначение. Чем же объяснить близость форм домостроительства, доходящих иногда в рассматриваемых культурах до степеней полных аналогий, и существенные различия в других элементах культуры? Не проявляется ли в этом неравномерное развитие человеческих обществ. Этот вопрос требует специального исследования, и решить его предстоит в будущем.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В НИЗОВЬЯХ РЕКИ
СЕЛЕНГИ*(Предварительное сообщение о раскопках, произведенных в 1948 г.)*

Полевые исследования Бурят-Монгольской археологической экспедиции ИИМК в 1948 г. были начаты нами в районе г. Улан-Удэ и продолжены вниз по берегам р. Селенги, вплоть до с. Кабанска и дер. Фофаново.¹ В этом районе обнаружены ранее неизвестные палеолитические стоянки, давшие характерный материал: нуклеусы, нуклеидные орудия, большие овальные скребла, ножевидные пластины и отщепы из черного кремнисто-г сланца.

Самый северный пункт распространения этих стоянок — район дер. Фофаново, где еще в 1927 г. были обнаружены изделия палеолитического облика.² Особый интерес новых находок в низовьях Селенги определяется тем, что, в отличие от подавляющего большинства палеолитических стоянок Забайкалья, они находятся в непо потревоженном состоянии, не на котловинах выдувания, а в отложениях древних речных террас.

Не менее интересны и следы неолитической культуры в низовьях Селенги, представленные поселениями и погребениями. Среди первых в толщах нижних надпойменных террас выделяются многослойные памятники (рис. 18), давшие камянные и костяные изделия, остатки фауны и достаточно обильную керамику. Изучение этих стоянок позволит, с одной стороны, точнее и детальнее расчленить неолит Забайкалья на определенные частные этапы; с другой — впервые подойти к датировке нижних террас Селенги по археологическим данным. Из числа позднейших поселений такого рода одно из первых мест по богатству, обилию и разнообразию находок принадлежит стоянке на реке Нижней Березовке. На этой стоянке, относящейся по всем признакам ко II тысячелетию до н. э., скорее всего к

¹ Полевые исследования Бурят-Монгольской археологической экспедиции ИИМК и Института культуры Бурят-Монгольской АССР в 1948 г. и прежде (А. П. Окладников. Археологические исследования в Бурят-Монголии в 1947 г. ВДИ, 1948, № 3), велись при участии местных музеев — Кяхтинского в лице его директора Р. Ф. Тугутова и Республиканского краеведческого — в лице директора Д. Г. Бажеева и С. П. Костарева. От ИИМК в работах, кроме начальника экспедиции А. П. Окладникова, участвовала В. Д. Запорожская и студенты-практиканты Ленингр. гос. ун-та: Э. Абрамова, Б. Черномордик, Н. Диков, Е. Сазонова. Кроме того, на месте были привлечены студенты улан-удэнских вузов Э. Шгейнберг, Даши Ракшаев, В. и С. Комкины.

² А. П. Окладников. Следы древних культур на севере Селенгинской Даурии. Советская Азия, 1928, № 1.

его второй половине, вместе с различными каменными, костяными изделиями и керамикой поздненеолитического типа впервые для Нижней Селенги *in situ* встречен фрагмент полый ножки глиняного сосуда — трипода типа дин. Сосуды типа дин — «символ древнекитайской земледельческой цивилизации», абсолютно чуждые остальным странам Старого Света и относящиеся к столь древней эпохе, так далеко на севере не встречались.

Таким образом устанавливается, что жившие по Селенге во II тысячелетии до н. э. древние скотоводы, всецело еще стоявшие на уровне камен-

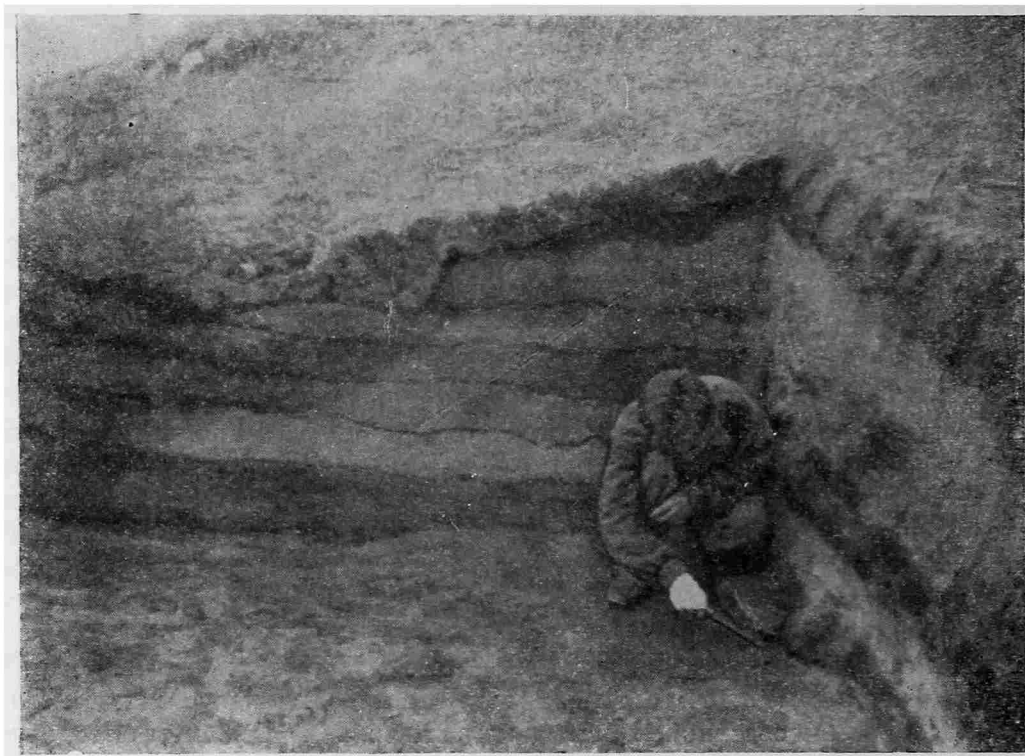

Рис. 18. Многослойное неолитическое поселение с р. Селенги (разрез раскопа)

ного века, уже находились в определенных культурных связях с Китаем, или, во всяком случае, с ближайшими к нему районами, где непосредственно ощущалось влияние Китая.

Это обстоятельство показывает в новом свете культуру и связи с внешним миром древнейших неолитических племен Забайкалья.

Вместе с тем, новые материалы, собранные на поселениях неолитического типа в низовьях Селенги выше Кабанска, свидетельствуют, что во II тысячелетии до н. э. здесь существовала иная, чем в Прибайкалье, культура неолитического типа. Это существенно меняет и уточняет наши прежние представления о культурно-этнической карте Сибири во II тысячелетии. Вновь выделенная селенгинская культура позднего неолита, как показывают другие памятники, не ограничивается в своем распространении одной лишь нижней частью долины р. Селенги, но уходит значительно южнее, повидимому и в пределы Монгольской Народной Республики.

Не меньший интерес для древней истории Забайкалья представляют погребения эпохи неолита и ранней бронзы, обнаруженные в 1948 г. в низовьях Селенги. Первая такая находка была отмечена в 3 км выше с. Острога, на левом берегу Селенги. Погребение оказалось разрушенным, но на месте уцелели куски красной охры и половина сосуда полуяйцевидной

формы с характерным орнаментом, выполненным оттисками штампа-лопаточки (рис. 19).

У с. Никольского было обнаружено второе погребение, где оказался

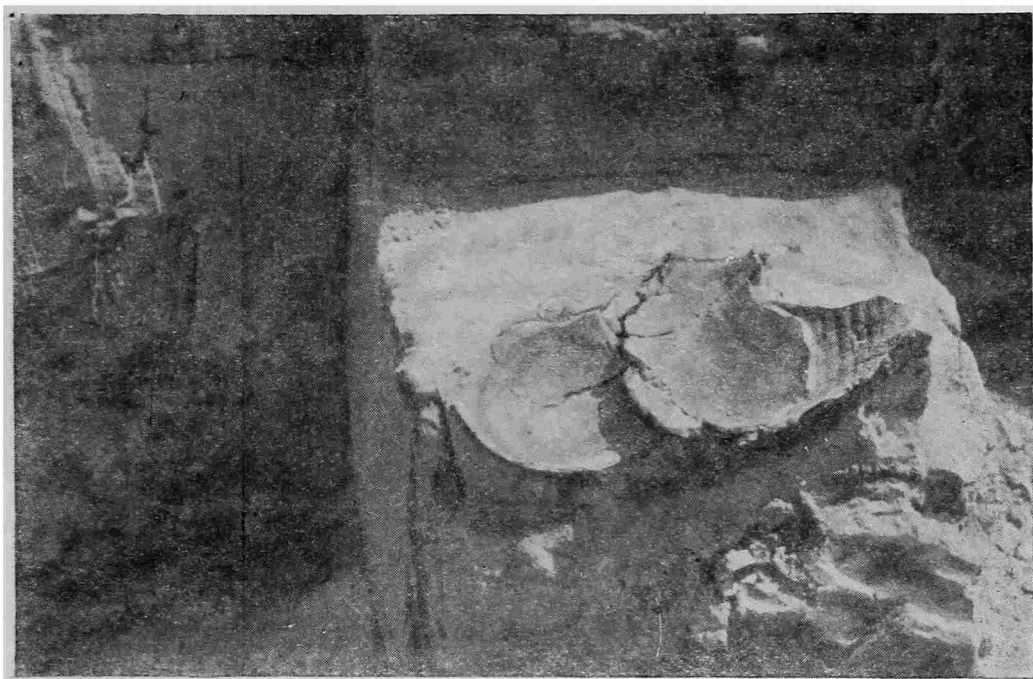

Рис. 19. Сосуд неолитического времени из погребения с р. Селенги

Рис. 20. Костяк из неолитического погребения с р. Селенги

сильно скорченный костяк; на черепе лежали орнаментированные костяные кружки, расположенные в виде диадемы (рис. 20).

Исключительные по ценности материалы дал древний могильник около дер. Фофаново, где еще в 1927 г. мною были обнаружены разновремен-

ные захоронения с выразительным инвентарем эпохи неолита, бронзового и железного веков.¹

В 1934 г. М. М. Герасимов раскопал у дер. Фофаново ряд большей частью нарушенных погребений с инвентарем глазковского типа.²

Работами 1948 г. установлено, что здесь находился обширный по прибайкальским масштабам могильник, содержащий захоронения различного возраста (рис. 21).

Рис. 21. Плиточная могила с р. Уды

В 1948 г. нами было обнаружено погребение пока наиболее древней для низовьев Селенги стадии неолита, с превосходным инвентарем типично серовского характера. Покойник лежал вытянуто на спине; в могиле обнаружены украшения в виде целых клыков кабана, костяные гарпуны, такие же наконечники стрел и два больших плоских кинжала с вкладными лезвиями из двусторонне-ретушированных каменных пластин.

Некоторые погребения Фофановской горы, к сожалению, разрушенные при сползании и развевании рыхлых песчано-глинистых толщ, по наличию красной охры могут быть условно отнесены к следующей китойской стадии. Но самая многочисленная группа фофановских погребений относится к глазковскому времени. В инвентаре их имеются нефритовые топоры, типичные для глазковской стадии (двусторонне-выпуклые, с суженным обушком), украшения из перламутра, мраморные кружки и характерные глазковские плоские ножи листовидной формы из меди или бронзы, а также другие изделия, обычные в погребениях глазковского типа на Ангаре и Лене.

Замечательной чертой в ритуале этих погребений является абсолютное преобладание костяков с подогнутыми ногами, чем они сильно отличаются

¹ А. П. Окладников. Указ, соч.; его же. Предварительное сообщение об археологических разведках в окрестностях с. Кабанска. Бурятоведческий сборник, № 3, Иркутск, 1927.

² М. М. Герасимов. Реки Селенга и Белая. Археологические исследования в РСФСР. 1934—1936. Краткие отчеты и сведения. Под ред. В. В. Гольмстен. М.—Л., 1941.

от глазковских погребений на Ангаре и Лене, где скорченных костяков не так много.

Любопытно, что люди этого времени с особой заботливостью хоронили малолетних детей, наделяя их не менее богатым погребальным инвентарем, чем взрослых покойников.

Характерная особенность фофановских погребений глазковского времени — это наличие в них намеренно испорченных орудий. Почти все нефритовые топоры, найденные в этих погребениях, превосходной отделки и тщательно отшлифованы, но лезвия их грубо выломаны ударами какого-то тяжелого предмета.

Судя по аналогичным случаям, зарегистрированным при раскопках глазковских погребений Прибайкалья, здесь имело место стремление предохранить живых от опасности, грозившей им со стороны умерших сородичей. Не исключено, что с этими представлениями связан был и обряд захоронения умерших в скорченном положении, т. е. связанными, или с подогнутыми ногами.

Особенно интересно, что раскопки 1948 г. вскрыли на Фофановской горе, кроме погребений глазковского времени, и более поздние захоронения. Самое же интересное из них по ритуалу и наиболее обильное по сопровождающим вещам было детское погребение. Это был костяк ребенка 4—5 лет, положенный в сумку из бересты, густо окрашенной в темномалиновый цвет, повидимому, киноварью. Костяк был завернут в шкуру. Сверху его покрывали тщательно уложенные в ряд тонкие прутки, может быть соединенные когда-то таким же способом, какой применен для скифских щитов из Пазырыкских курганов. При костяке младенца находился бронзовый или медный кинжал карасукского типа. Это одно из самых архаических изделий этого рода, известных в настоящее время, и вообще первый карасукский кинжал, найденный археологами в могилах Восточной Сибири. По всем признакам этот кинжал не может быть моложе XII—XIII вв. до н. э. Вместе с кинжалом столь же неожиданно оказались два миниатюрных топорика или, вернее, тесла из нефрита изумрудно-зеленого цвета. На костяке уцелели и украшения в виде обычных для Прибайкалья грушевидных бус из атрофированных клыков благородного оленя (марала).

К одному времени с этим погребением следует отнести остатки другого, сильно нарушенного, при котором обнаружены фрагменты сосуда совершенно нового типа — с узким уплощенным, а не яйцевидно-округлым дном, обычным для более ранних сосудов глазковской стадии. Еще интереснее, что вся внешняя поверхность этого сосуда покрыта «шахматными», или «ложнотекстильными», оттисками, произведенными ударами лопаточки с врезанными линиями в виде шахматной сетки. Как оригинальная форма сосуда, так и его «ложнотекстильная» орнаментация чрезвычайно близко напоминают керамику времени иньской или шаньской династии в Китае. Совершенно такие же сосуды встречены при раскопках древнего поселения в Чэн Цзы-йяй.

Отсюда следует, что, как и поселение на р. Березовке, эти находки снова свидетельствуют о связях населения Селенгинского края в послеглазковское время с древнейшим населением Северного Китая и соседних с ним районов Дальнего Востока.

Особо следует отметить неожиданные находки в двух небольших пещерах на правом берегу р. Селенги, ниже с. Острог (бывший Итандинский острог XVII—XVIII вв.).

В одной из них найдены фрагменты неолитической керамики, отщепы, кремневый нуклеус и заготовка для большого наконечника копья или ножа из черного шиферного сланца. В другой, более обширной пещере оказа-

лись остатки, повидимому, сравнительно позднего погребения и более древние следы пребывания человека. В верхнем слое рыхлых пещерных отложений найдены изделия из кости, в том числе наконечники стрел скифского типа. Один из них был трехгранным наконечником со «спрятанной» втулкой, без шипов; остальные принадлежали к числу обычных в Сибири наконечников с расщепленным насадом. К этому же времени следует отнести, очевидно, и костяной гребень, найденный в свое время Н. Д. Черским в Итанцинской пещере.

Вторая группа находок в Итанцинской пещере несравненно старше отмеченных костяных вещей. К ней относятся кремневые отщепы и превосходно выполненное крупное изображение рыбы из белого мелкозернистого мрамора; это — один из лучших образцов изделий такого рода, известных в Восточной Сибири. В нижней части отложений пещеры сохранились кости животных более древнего времени, чем остальные, в том числе находки второй группы — обломки рога быка, повидимому, бизона.

В низовьях Селенги найдены также новые наскальные изображения, выполненные красной охрой, в одном случае в виде рисунков летящих птиц с луновидными крыльями, во втором — в виде фигур животных, а также стилизованное изображение, представляющее собой три вертикальные линии, соединенные посередине поперечной горизонтальной линией. Обращает на себя внимание, что совершенно аналогичные рисунки, выполненные такой же красной краской, имеются и на ленских складах в пределах Якутии.

Исследованиями 1948 г. в долине Селенги, от г. Улан-Удэ до Кабанска, было, таким образом, в общих чертах завершено предварительное обследование археологических памятников на всем протяжении этой реки в пределах Бурят-Монгольской АССР, начатое в 1947 г.; установлены основные виды этих памятников и констатировано их своеобразие, отражающее особый конкретно-исторический процесс, протекавший здесь в течение ряда тысячелетий.

Дальнейшие детальные исследования археологических памятников в низовьях Селенги, несомненно, сделают существенный вклад в древнюю историю не только населения местного края, но и всей Восточной Сибири, так как судьба селенгинских племен всегда была тесно связана с судьбами населения других областей и стран, в том числе не только Монголии, Китая или соседних таежных районов, но и несравненно более отдаленных областей, расположенных к западу от Байкала.

К. В. САЛЬНИКОВ

ПАМЯТНИК АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ БЛИЗ
МАГНИТОГОРСКА

Летом 1948 г. было обследовано место находки известного Верхне-Кизылского клада бронзовых предметов.¹ По словам жителей Верхне-Кизылского поселка, клад был найден на берегу р. Малый Кизыл, в 6 км

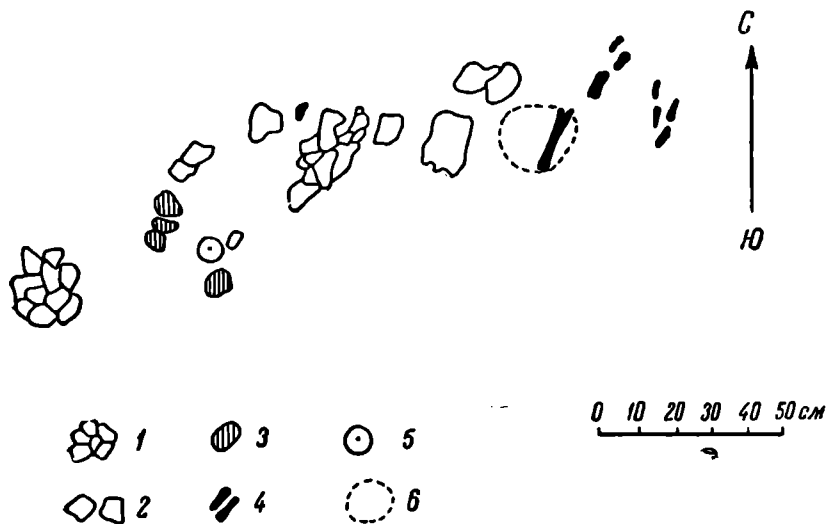

Рис. 22. Абашевский памятник близ Магнитогорска

1 — раздавленный сосуд; 2 — черепки; 3 — камни; 4 — кости; 5 — целый сосуд; 6 — береста

вверх от поселка, на территории некогда существовавшей там мельницы. На месте мельницы была построена усадьба Е. Левина. По обе стороны ее вдоль реки тянутся огороды поселка, на которых на протяжении 300 м встречаются отдельные мелкие черепки, а также найден кусок обожженной глины, осколок кремня, клиновидный бронзовый топор, или тесло, с асимметричным лезвием, большой кусок толстой бронзовой кованой проволоки.

Через территорию огородов проходила оросительная канава, ныне засыпанная и засаженная картофелем, но след ее ясно виден.

¹ В 15 км к СЗ от Магнитогорска. Обследование произведено археологической экспедицией Магнитогорского музея в составе К. В. Сальникова (начальник экспедиции) и В. П. Бирюкова, при участии директора музея Д. В. Петкова и сотрудника М. Р. Уфимцева.

В разведочном шурфе «А» размером 2×1 м, заложенном на краю канавы, обнаружен на глубине 0,90 м от современной поверхности углисто-черный сажистый культурный слой, залегающий на материке (рис. 22). В краю канавы была найдена грудка черепков раздавленного сосуда; рядом с ним между очажными камнями — целый небольшой сосудик и черепки еще одного сосуда, кости животных, кусок бересты, на котором лежали кости ноги крупного животного (коровы?) в сочлененном состоянии.

В 55 м к востоку от шурфа на незасаженном участке была заложена разведочная траншея размером $7,5 \times 2$ м. На западном конце траншеи, на глубине 0,60 м найден очаг площадью $0,90 \times 0,70$ м, состоящий из камней

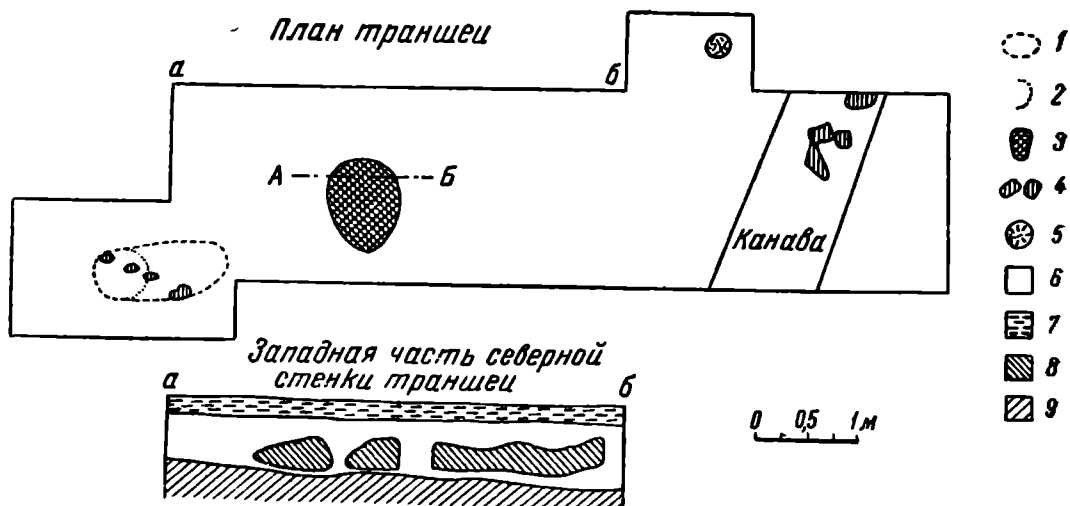

Рис. 23. Абашевский памятник близ Магнитогорска. План и профиль траншеи

1 — скопления костей; 2 — граница распространения жеванных костей; 3 — очаг; 4 — камни; 5 — зольное пятно; 6 — гумус; 7 — пашотный слой; 8 — волистый слой; 9 — грунт

и золы; возле него лежало несколько костей животных и черепок. В 1 м к западу от очага оказалось скопление костей животных, состоящее из 140 осколков, частично пережженных.

Культурный слой, вскрытый траншеей, залегал на глубине 0,40—0,70 м; здесь найдено лишь два черепка и отдельные кости (если не считать скопления). В стенке траншеи культурный слой обрисовывается в виде крупных золистых пятен. На дне траншеи была круглая ямка диаметром 20 см; она углублялась в материк на 15 см и была заполнена золой, которая проникла из культурного слоя. Ямка является, повидимому, следом столба (рис. 23).

Наиболее интересные находки оказались в шурфе «А», а также вблизи него; они, повидимому, были выброшены при рытье оросительной канавы.

На поверхности найден бронзовый топор и кусок толстой бронзовой проволоки, а в шурфе — целый маленький сосуд и два крупных неполных раздавленных сосуда.

Бронзовое плоское орудие длиной 14,2 см и толщиной 0,7 см, со слегка расширенным, несколько асимметричным лезвием, обычно именуемое топором, употреблялось, вероятно, и для других целей. Так заставляет думать асимметричность лезвия и расплюснутость противоположного конца (рис. 24). Это орудие аналогично входившему в Верхне-Кизылский клад.

Целый сосуд имеет слегка отогнутый наружу венчик, низкое горло, сильно расширенные плечики, которые через резкое ребро на половине высоты сосуда переходят в суживающееся книзу тулово полусферической

формы и уплощенное дно. Орнаментирован сосуд гребенчатым штампом: на венчике — косые оттиски, на горле — тройной поясok, на плечиках — зигзаг из крутых высоких арочек из четырех параллельных линий; ниже ребра — тройной зигзаг, на дне — правильная шестиугольная звезда с заштрихованными концами. Высота сосуда 7 см, максимальный диаметр 10 см; диаметр горла 8 см. На горле два круглых отверстия для подвешивания (рис. 25). Формой и размерами сосудик вполне аналогичен сосуду, входившему в состав Верхне-Кизылского клада, и очень близок сосуду из кургана № 9 погребения № 1 Абашевского могильника.¹

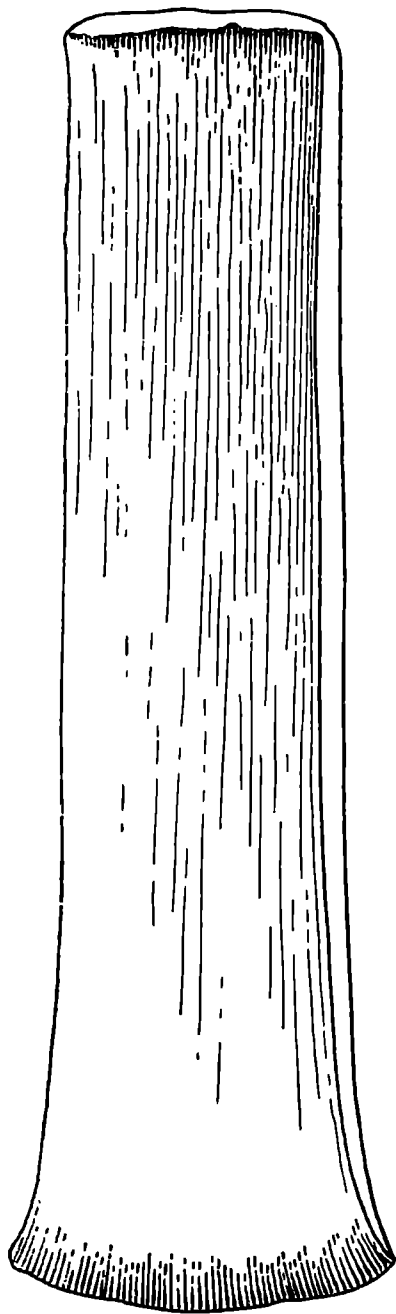

Рис. 24. Абашевский памятник близ Магнитогорска. Топор (нат. вел.)

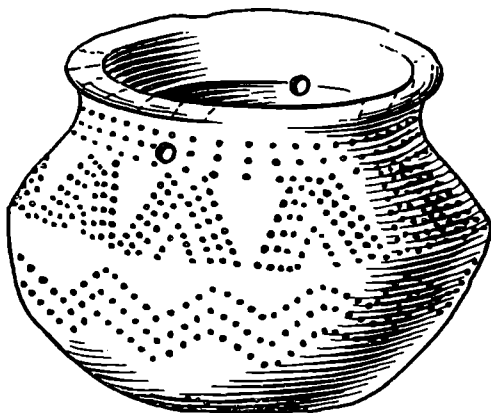
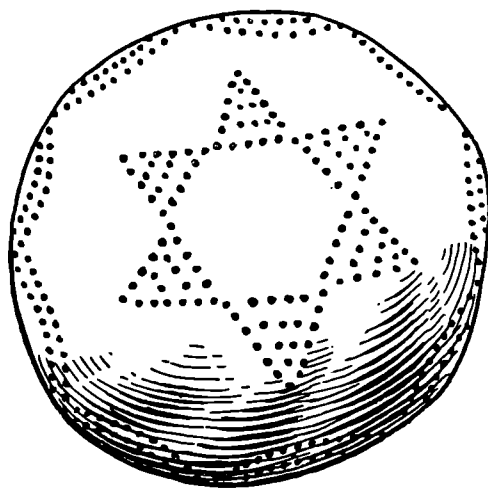

Рис. 25. Абашевский памятник близ Магнитогорска. Глиняный сосуд ($\frac{1}{2}$ нат. вел.)

Два неполно сохранившихся раздавленных сосуда отличаются от описанного своими крупными размерами, формой и орнаментом. Диаметр горла одного из них 35 см; высота сохранившейся части 40 см. Он имеет форму крупной корчаги с несколько отогнутым венчиком и слегка взду-

¹ О. А. Кривцова-Гракова. Абашевский могильник. КСИИМК, вып. XVII, рис. 38.

тыми боками; горло и плечики слабо выражены. Дно, повидимому, было плоским. Верхняя половина сосуда орнаментирована зигзагом, который образован восемью рядами гребенчатых оттисков, разделенных в середине и ограниченных с краев рядами мелких круглых вдавлений. Вся эта полоса обрамлена горизонтальными поясками из гребенчатых «гусениц» (рис. 26).

Второй сосуд такой же формы, как предыдущий; диаметр горла его 33 см. Орнамент также покрывает лишь верхнюю половину. Он состоит из полосы горизонтальных гребенчатых, сильно вдавленных поясков, которая заканчивается снизу треугольниками, заполненными горизонтальными

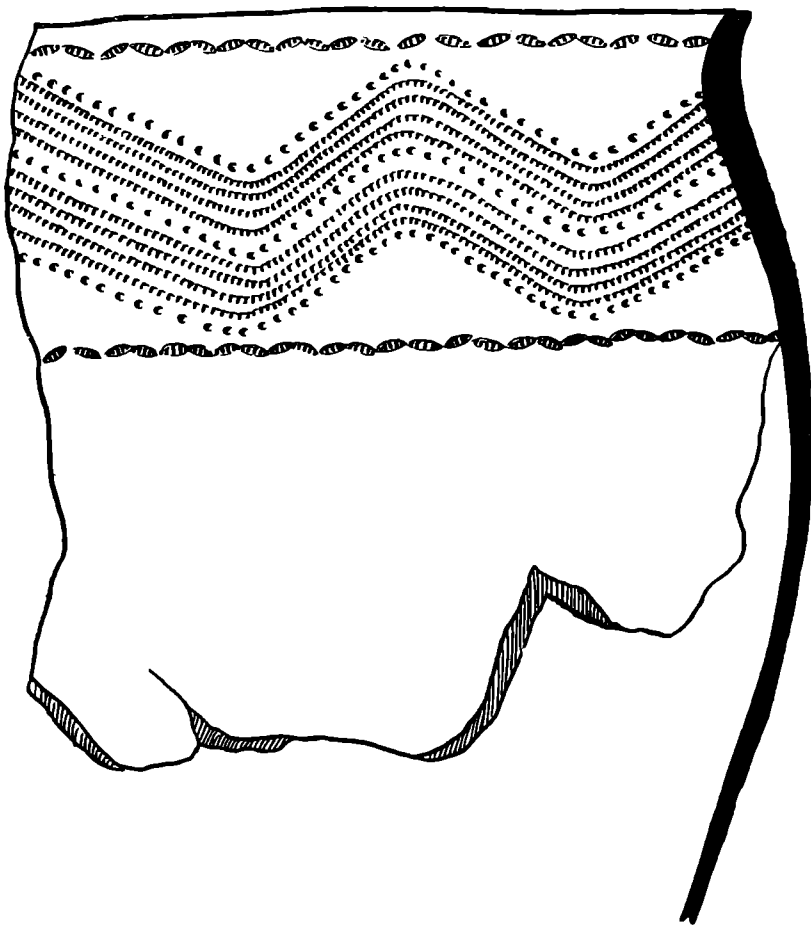

Рис. 26. Абашевский памятник близ Магнитогорска. Профиль и орнамент сосуда ($1/2$ нат. вел.)

гребенчатыми линиями. Вся орнаментированная полоса обрамлена, как и у предыдущего сосуда, поясками «гусениц» (рис. 27).

Керамика описываемого памятника связывается многими чертами с керамикой абашевской культуры. Орнамент сосудов с р. Малый Кизыл находит аналогию по ту сторону Уральского хребта, в керамике Башкирии и еще далее — в Чувашии. Зигзаг из крутых арочек встречается на керамике с селища Баланбаш на р. Белой, близ г. Стерлитамака.¹ Ряды круглых мелких вдавлений, обрамляющие обычно, как и на наших сосудах,

¹ П. А. Дмитриев и К. В. Сальников. Раскопки на линии Уфа — Ишимбай. Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936, табл. XX, рис. 7; табл. XXI, рис. 2, 3.

орнамент, составленный из других элементов, встречается и на керамике селища Баланбаш¹ и на сосудах Абашевского могильника.²

Как выяснилось из беседы с находчиком Верхне-Кизылского клада М. В. Бутаковым, клад был им найден в обрыве берега в 40—50 м от нашего шурфа «А» вверх по реке. Вещи найдены на глубине 1,5 м в кожаной сумке; рядом оказался горшочек и комок тлена, видимо, ткани. Часть вещей не дошла до музея, в частности, бронзовый топор и тесло.

На основании изложенного можно сделать вывод, что находки 1948 г. на р. Малый Кизыл и Верхне-Кизылский клад принадлежат к одному памятнику и относятся к абашевской культуре.

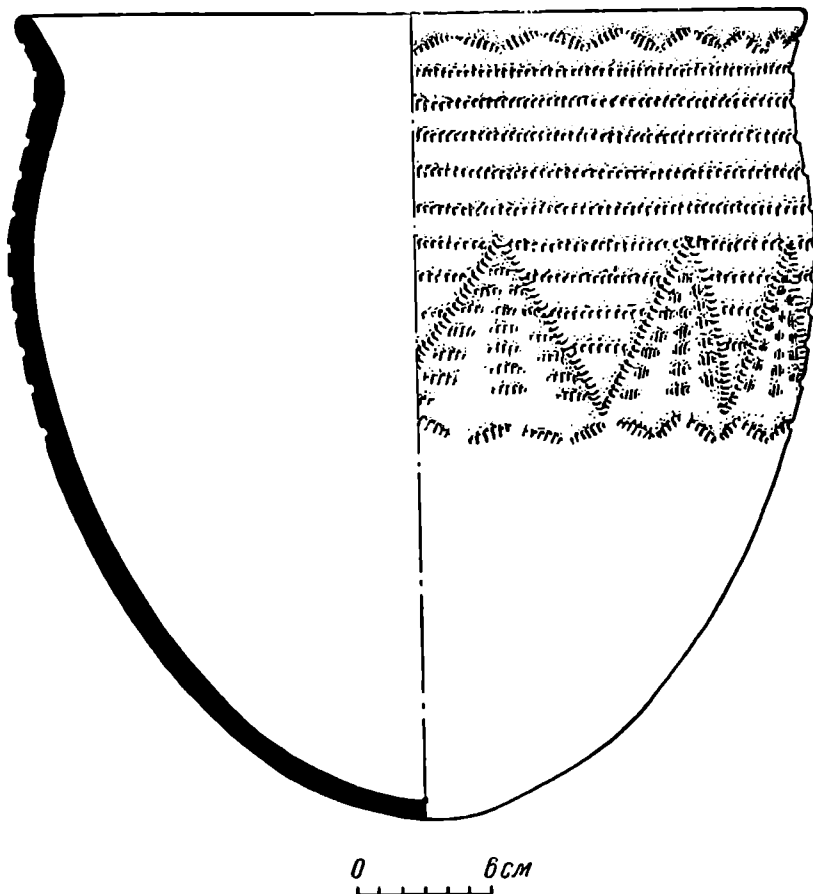

Рис. 27. Абашевский памятник близ Магнитогорска. Профиль и орнамент сосуда ($1/2$ нат. вел.)

Более сложным является вопрос о характере описанного памятника. В наличии здесь селища сомневаться не приходится, поскольку на пашне найдены фрагменты сосудов, а в траншее оказались золистые пятна и ямка от столба.

Что касается основного скопления находок в шурфе «А» и возле него, то его происхождение может быть двояко. Или это часть пола жилища с очагом и раздавленными возле него сосудами, или мы здесь должны видеть остатки поминальных тризн, которые отмечает О. А. Кривцова-Гра-

¹ П. А. Дмитриев и К. В. Сальников. Указ. соч., табл. XX, рис. 2, 3; табл. XXI, рис 9.

² Сосуды из погребений №№ 1 и 8 кургана № 9; раскопка О. А. Кривцовой-Граковой.

кова в курганах №№ 3 и 9 Абашевского могильника.¹ Тогда поблизости надо искать могильник. Но последнему предположению противоречит отсутствие костей человека. О находке горшков упоминает Н. Н. Бортвин в своей статье о Верхне-Кизыльском кладе, а также Е. Левин, которому они попадались при обработке огорода, но никто не указывает на находки костей.

Несмотря на эти неясности, находки на р. Малый Кизыл представляют огромный интерес. Они показывают, что Верхне-Кизыльский клад не обособленный памятник, а входит в состав крупного комплекса; что племена абашевской культуры обитали не только в Приуралье (Баланбаш), но и на Урале и в Зауралье, не удаляясь, впрочем, далеко от хребта. Вместе с тем эта находка ставит важный вопрос о взаимоотношении племен абашевской, андроновской и срубно-хвалынской культур. В 100 м к северу от описанного памятника расположен курганный могильник из девяти насыпей. Раскопанные нами три кургана дали 16 погребений срубно-хвалынского типа, с примесью в керамике андроновских элементов.

Для разрешения всех этих вопросов необходима постановка широких раскопок памятника на р. Малый Кизыл.

¹ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 94.

Т. Н. КНИПОВИЧ

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ОЛЬВИЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Как и все ольвийские экспедиции последних лет, ольвийская экспедиция 1948 г. отличалась большой сложностью и по своей организации, и тем, что работами было охвачено значительное количество объектов не только в самой Ольвии, но и в ближайшем к Ольвии районе. Экспедиция была организована ольвийским заповедником. Начальником экспедиции был Л. М. Славин; в число сотрудников входили работники украинских учреждений, ленинградский отряд ИИМК¹ и трое научных сотрудников Государственного Эрмитажа.²

Работы производились в семи пунктах городища и одновременно в поселениях по обоим берегам лимана Буга. В силу такого характера работ экспедиции я не имею возможности в настоящей статье сколько-нибудь полно рассказать о ходе и результатах исследований каждого из изучавшихся объектов; я постараюсь дать лишь представление о том новом, что внесла экспедиция 1948 г. в изучение Ольвии. Эти новые черты определяются не только тем, что открыто в результате проведенных исследований, но также направлением работ, которые в настоящее время идут несколько иными путями и ставят иные задачи, чем это было раньше.

Как уже отмечалось, на городище работы проводились в семи пунктах. Основные работы были сосредоточены в центральной части города, где исследованию подверглись четыре участка. Три из них (участки А, А^Ю, Д) расположены у Зевсова кургана и к западу от него; в этом районе работы были начаты уже в первые годы систематических исследований Б. В. Фармаковского, продолжены были и позже, в советское время. Четвертый участок (Е) находится к югу от Зевсова кургана, над склоном к лиману Буга; здесь в последние два года велись работы по исследованию строительного комплекса с находками культового характера. Продолжались также работы на северо-восточной окраине городища, на участке И, являвшемся в советский период одним из главных объектов изучения. Небольшие, но, как мы увидим, очень плодотворные работы были проведены на территории цитадели, в районе оборонительных сооружений, открытых еще в 1904 г. в юго-западной части городища, над склоном к Заячьей

¹ Состав ленинградского отряда: Т. Н. Книпович (начальник отряда и заместитель начальника экспедиции), А. Н. Карасев, Е. И. Леви и С. И. Капошина (заведующие участками).

² Из сотрудников Гос. Эрмитажа в экспедиции участвовали А. П. Манцевич (руководитель работ по исследованию поселений левого берега Буга) и научные сотрудники экспедиции А. И. Воинина и К. И. Зайцева.

балке; наконец, в Нижнем городе, близ городской стены, была произведена расчистка и исследование обнаруженной здесь раньше большой керамической печи.

Я начну с основных итогов работ в центральной части города и прежде всего — с участка *Е*, где работами уже третий год руководит Е. И. Леви.

Работы 1946 и особенно 1947 г. выяснили, что этот участок представляет большой интерес. Здесь, на территории, имевшей очень неглубокий культурный слой, содержащий необычайно мало для Ольвии строительных остатков, был открыт весьма своеобразный комплекс, представлявший углубленный в материк подвальный этаж здания IV—III вв. до н. э.; он состоял из ряда смежных и не сообщающихся между собой помещений, вытянутых по одной линии с севера на юг. Своеобразный по своему устройству, плану, положению, этот комплекс дал очень интересные находки, в состав которых входит большое количество предметов культового характера; постоянно обращали на себя внимание исключительно обильные находки монет. Впечатление о культовом характере открываемого здания подтвердилось при исследовании наслоений, находившихся ниже уровня пола; здесь был обнаружен ряд ям в материке с предметами, не допускающими сомнений в культовом характере данной территории еще до построения расследуемого здания.¹

Изложенные наблюдения привели к естественному предположению о том, что открываемый комплекс представляет остатки святилища. В дальнейшем выяснилась необходимость более осторожной формулировки. Не подлежит сомнению, что мы здесь имеем дело не с обычным жилым домом; не подлежит сомнению и связь открываемого сооружения с культом. Но данных, позволяющих считать его частью святилища, пока не обнаружено. Более вероятно, что сам по себе этот комплекс не представляет святилища, но входит в состав «священной окрестности», *τέμενος*. В этом случае храм или святилище должен находиться где-то недалеко от расследовавшегося места.

Уже в итоге работ 1947 г. стало ясно, что правильно подойти к выяснению открываемого комплекса можно будет только в результате ознакомления со всем его окружением, со всей вообще данной частью города. Этот вывод и был учтен при составлении плана раскопок 1948 г.

На 1948 г. для участка *Е* были намечены следующие задачи: 1) окончательное исследование открытого комплекса; 2) начало работ по выяснению его окружения. В связи с обеими задачами раскоп был расширен на юг, на запад, отчасти и на восток; проведен также небольшой, не выходящий за пределы разведки, раскоп на севере.

В результате расширения к югу было открыто еще одно помещение, примыкавшее с юга к последнему, т. е. самому южному из открытых в 1947 г.; размеры помещения: 3,80—3,90 × 2,80 м. По ориентировке, размерам, характеру кладок стен, а также по обнаруженным в помещении вещественным находкам оно совершенно сходно с соседними, открытыми в 1947 г. помещениями; отличается оно только тем, что южная его стена не является одновременно северной стеной примыкающего с севера помещения; это — особая стена, расположенная параллельно северной стене соседнего помещения и отделенная от него материковой перемычкой. Отмеченная особенность объясняется, как предполагает Е. И. Леви, скорее всего тем, что недостаточная прочность северной стены соседнего помещения для несения нагрузки наземного этажа вызвала необходимость расширить в этом месте площадь основания фундамента.

¹ Подробнее о данном комплексе см. КСИИМК, вып. XXVII, стр. 22 сл.

Вновь открытым помещением подвальный этаж кончается; план и размеры этого этажа вполне ясны: он состоит из семи смежных помещений и имеет общую протяженность (с севера на юг) 38 м, ширину 4—5 м.

Как уже отмечалось, обнаруженный во вновь открытом помещении вещественный материал имел тот же характер, что и прежние находки в данном комплексе. Только в самых верхних наслоениях встречались обломки керамики II в. до н. э.; основная же масса заполняющих помещение культурных остатков принадлежит концу IV и III вв. до н. э. Встречалось, особенно на уровне глинобитного пола, значительное количество монет; вновь найдены были предметы культового характера — костяной амулет в виде пластинки с греческими буквами и каким-то неясным изображением, характерные терракоты, из которых следует особо отметить статуэтку, воспроизводящую известный тип Аполлона-Кифареда. Ниже уровня пола оказался ряд вырытых в материке ям, содержавших более ранний материал (по большей части V в. до н. э.) и совершенно сходных с ямами, ранее открытыми под полом других помещений.

Расширение раскопа в западном направлении было с самого начала связано не с задачей исследования здания, а с выяснением его ближайшего окружения. Уже в 1947 г. было замечено присутствие здесь вымосток, начинавшихся сразу же за стенами открытого подвала и продолжавшихся в западном направлении, что указывало на существование здесь улицы или площади. Для проверки сделанных наблюдений раскоп был продолжен на запад полосой в 2,5 м. Эти работы показали, во-первых, что к западу действительно нет частей каких-либо построек, примыкавших к открытому комплексу; во-вторых, что обнаруженные в 1947 г. вымостки продолжают-ся на значительное пространство, — пробный раскоп был здесь проведен на 14 м к западу, причем вымостки идут, повидимому, и дальше. В большей своей части они сложены из черепков, но встречаются также и плитняные; в одном месте открыта часть вымостки из цветной гальки. Прослежено три горизонта вымосток; по обнаруженным в них находкам вымостки нижних напластований принадлежат V в. до н. э., самые поздние — III и началу II в. до н. э. Основным местом, где производились указанные работы, была средняя часть комплекса; но присутствие вымосток было прослежено и в других местах, особенно у северной части расследованного подвала. Итак, предположение о существовании улицы или площади рядом с открытым зданием безусловно подтвердилось; из двух возможностей (улица или площадь) предпочтения заслуживает вторая — улица оказалась бы имеющей слишком уж большую ширину.

При углублении западной части раскопа ниже уровня вымосток здесь был обнаружен слой с находками конца VI и начала V в. до н. э.; среди них были хорошие образцы ионийской и раннеаттической керамики. Исключительный интерес представляет найденная в этом же месте электрова протома позднеархаического времени, прикреплявшаяся, очевидно, к какой-то культовой статуэтке, деревянной или костяной. Здесь же была исследована открытая еще в 1947 г. яма с значительным количеством ранних амфор.

Работы, проведенные на территории, прилегавшей с востока к расследуемому зданию, были по своему масштабу незначительны и каких-либо цельных строительных остатков не дали. Интерес этих работ — в обнаружении медных монет и, повидимому, заготовок для монет в количестве настолько обильном, что вновь является предположение о вероятном нахождении здесь монетного производства. В этом отношении, конечно, особенно важно исследование всех найденных здесь монет.

В связи с уже отмечавшейся задачей тщательного исследования всего окружения открытого на данном участке комплекса стоят также небольшие

работы на северо-восточной оконечности участка, на расстоянии около 25 м от северного конца подвала. Проведенные в самом конце экспедиции, на площади 10×5 м, эти работы пока больше ставят задачи дальнейших исследований, чем дают что-либо конкретное. Отметим следует громадную насыщенность данного участка строительными остатками; среди них интересно сооружение прямоугольной формы, размерами $2,75 \times 2,08$ м; оно ориентировано с северо-востока на юго-запад; стенки сложены из прекрасно обработанных крупных плит. Находящаяся в северо-западном углу этого сооружения каменная плита с жолобом, направленным внутрь сооружения, делает вероятным, что здесь мы имеем дело с водоемом.

Среди многочисленных обнаруженных здесь находок особого внимания заслуживают 20 обломков большого краснофигурного кратера конца V в. с изображениями греческих богов — предмет для Ольвии совершенно уникальный.

Подведем итоги работам на данном участке.

1. Сделаны наблюдения, связанные с окончательным выяснением размеров, границ и плана открытого в 1946—1948 гг. подвального этажа.

2. Сделаны первые и, несомненно, важные шаги в переходе от изучения одного отдельного комплекса к исследованию всей данной части города. Совершенно правильно было осознано, что только в связи с изучением окружения данного комплекса можно прийти к окончательным выводам. Исследование всего ближайшего района — центрального района Ольвии, несомненно, войдет в число первоочередных задач следующей экспедиции.

Успеху работ, имеющих целью выяснение центрального района Ольвии, содействует и то, что вблизи, к северу и северо-западу от только что рассматривавшегося участка, так же идут большие работы; это — раскопы А, Д и между ними — небольшой раскоп А^Ю; первостепенный интерес имеет среди них участок А, где работами все последние годы руководит С. И. Капошина.

Работами 1947 г. на участке А была обнаружена улица и два дома — один с северной, другой — с южной стороны ее. В 1948 г. было продолжено исследование северного дома. В результате было раскопано еще одно помещение, больших размеров ($4,55 \times 5,57$ м), чем открытое ранее, и вымощенный дворик (последний вскрыт не полностью); выяснены также границы комплекса — западная, определяемая водостоком, идущая по западному краю вымостки двора, и восточная, где у восточной стенки дома обнаружены остатки мощеной улицы. Присоединяя сюда уже известную нам южную границу комплекса, которую дает открытая в 1947 г. улица, мы получаем представление о его границах — западной, южной и восточной; требуется исследование северной границы, поскольку внешняя сторона северной стены еще не найдена.

Сделанные наблюдения, несомненно, имеют существенное значение в связи с общей задачей выяснения планировки данной части города, прослеживания уличных магистралей и установления городских кварталов, о чем мне уже приходилось писать в отчете о работах 1947 г.

В северо-восточной части раскопа был прорезан подстилавший здание глиняный массив, что дало возможность проводить работы в лежащих ниже наслоениях. Работы дали интересные результаты. На значительной глубине (уровень верхней части кладки от современной поверхности 3,15 м) были обнаружены остатки постройки с возведенными на каменном фундаменте сырцовыми стенами; фундамент был построен на материке. Вполне показательные находки, встречавшиеся при открытии этого строения, дают возможность датировать его позднеархаическим или раннеклассическим временем.

В одном месте кладка фундамента сильно прогнулась вниз. Под

фундаментом оказалась вырытая в материке яма, с неправильными сверху очертаниями; ниже, с глубины 1,40 м, она приобретает правильную круглую в поперечном сечении форму. Глубина ямы 5,12 м, диаметр 1,20 м. Верхняя часть ее, до глубины 2,50 м, была заполнена выбросом отходов медеплавильного производства, о чем говорят обнаруженные здесь в большом количестве куски шлака, обломки тиглей и сопел вперемешку с углями и золой. Несомненно, что поблизости должна была находиться производственная мастерская, вырабатывающая медные изделия. На глубине 2,50 м от стенки ямы к западу ведет в горизонтальном направлении ход, пока исследованию не подвергавшийся.

Помещение с сырцовыми стенками и яма с остатками медеплавильного производства остались в связи с наступлением конца работ экспедиции недоследованными. Их исследование должно, безусловно, войти в число основных задач работ 1949 г. Помимо интереса, который представляют всякого рода производственные сооружения, следует учесть важность самого по себе исследования остатков города раннего периода, очень слабо известного по прежним раскопкам.

Остановлюсь кратко на работах двух последних исследовавшихся в 1948 г. участках центрального района — участка *A^Ю* (зав. участком Т. И. Фармаковская) и *Д* (зав. участком Б. М. Рабичкин). Значение изучения обоих этих участков не вызывает сомнений. Однако работы 1948 г. не могут рассматриваться здесь как имеющие самостоятельное значение даже в той мере, в какой можно было рассматривать работы на участках *Е* и *А*: они могут быть осмыслены и оценены лишь в общей связи с работами предшествующих лет и безусловно — в связи с дальнейшими исследованиями обоих этих участков.

Участок *Д* в течение трех последних экспедиций дал исключительно большое количество остатков всевозможных построек и сооружений, свидетельствующих об интенсивной жизни данного района в период с конца VI по начало II в. до н. э. Здесь в 1946—1947 гг. были обнаружены и исследованы многочисленные ямы, в том числе ямы, заполненные амфорами, обширная оцementeиpованная цистерна, части домов эллинистического периода и много более фрагментарно сохранившихся или лишь частично выявленных городских остатков.

В 1948 г. было закончено исследование северной части большого эллинистического здания, в котором было открыто подвальное помещение второй половины IV в. до н. э., размерами 3,50 × 3,20 м. В другом здании также было открыто подвальное помещение, размерами 3,40 × 4,55 м. Кроме того, расчищались две ямы. Большая часть открытых в 1948 г. остатков требует, как уже отмечалось, дальнейшего исследования. Следует отметить значительное количество интересных находок, принадлежащих архаическому, классическому и эллинистическому периодам. Среди них первостепенный интерес представляет костяной щиток большого перстня эллинистического времени, с прекрасно выполненным изображением женской головы в профиль.

Интересные находки сделаны были и на участке *A^Ю*, расположенном между участками *А* и *Д*. Здесь в 1948 г. производились небольшие работы по исследованию открытых еще в 1928 г. строительных остатков и большой глубокой ямы. Из находок на этом участке наиболее интересны предметы архаического и раннеклассического времени, в состав которых входят привозные изделия греческих центров и очень своеобразные и характерные образцы местного производства.

Перехожу к следующему участку — близ западной границы городища, над Заячьей балкой, в том месте, где еще в 1904 г. раскопками Б. В. Фармаковского были открыты мощные оборонительные сооружения.

В 1948 г. эти работы по масштабу были незначительны, но дали важные результаты, которые сводятся, с одной стороны, к новому пониманию ранее открытых здесь оборонительных сооружений, с другой — к открытию некоторых новых объектов. Главное, к чему привели работы 1948 г., состоит в следующем:

1. Произведено исследование ранней городской стены, открытой Б. В. Фармаковским. Изучение техники кладки, условий ее залегания и большого и очень показательного сопровождающего материала делает возможным считать установленной принадлежность стены V в. до н. э. Таким образом, мы впервые получаем подтверждение известия Геродота о том,

Рис. 28. Угол помещения с сырцовыми стенами (V в. до н. э.) и находящаяся за помещением подпорная стена (III в. до н. э.)

что уже в V в. до н. э. Ольвия была обнесена мощными стенами. Эти стены стоят на материке, не на субструкциях, как более поздние; они представляют, бесспорно, один из прекрасных образцов греческого строительного искусства V в. до н. э.

2. Открыт ряд сооружений, расположенных вблизи упомянутой стены. Особый интерес представляет обнаруженное здесь помещение с сырцовыми стенами исключительной сохранности, образующими угол (рис. 28); местами сохранившаяся часть стены достигает высоты 1,5 м. По весьма показательным находкам это строение датируется V в. до н. э.

3. Открыта монументальная стена, проходившая за указанным сооружением, параллельно городской стене, и игравшая, вероятно, роль «подпорной», поддерживавшей наслоения, служившие основанием для сооружений лежащей выше террасы. Стена относится к III в. до н. э.

4. Исследование оборонительной стены V в. дало возможность сделать интереснейшие наблюдения о применяемых в строительстве Ольвии технических приемах и существенно дополнить наше представление о строительстве Ольвии.

При незначительном масштабе перечисленных работ их большое значение бесспорно. Мы впервые получаем представление о ранних ольвийских стенах, до сих пор известных только из письменных источников. Мы в

первый раз встречаем так хорошо сохранившуюся часть строения с сырцовыми стенами, к тому же поддающегося вполне надежной датировке V в. до н. э. Доследование открытых остатков должно также войти в число первоочередных задач следующей кампании.

О результатах работ 1948 г. на участке И, в северо-восточной части «верхнего города», подробно говорить в настоящем отчете едва ли целесообразно; как и на участках Д и А^Ю, ясное представление о большей части открытых сооружений можно будет получить только после их исследования. Как и в предыдущие годы, работы шли на верхней террасе, в юго-западной части раскопа. Основными задачами работ 1948 г. было исследование здания с подвалом, в котором в 1947 г. была обнаружена цистерна, и продолжение расследования той части раскопа, где была открыта яма с 59 амфорами. Первая из указанных задач оказалась выполненной очень скоро: углубление на соседних квадратах показало, что продолжения здания ни на запад, ни на север нет.

Основной интерес сделанных здесь работ представляли наблюдения над техникой возведения субструкций, на которых стояли стены надподвального этажа. Остатки верхнего горизонта, частично открытые уже в 1947 г. (часть печи, камни кладок стен верхнего этажа), оказались в крайне фрагментарном состоянии. Более интересные работы были произведены в другой, восточной части участка. Здесь были обнаружены остатки большого здания, стоявшего у самого края верхней террасы, над спуском к средней террасе. Открыта часть полуподвального впущенного в материк помещения больших размеров, с кладками исключительной для данного участка работы. Здесь также представилась возможность обследовать укрепления стен впущенного в материк помещения. Поскольку открыта только часть его, дальнейшая работа переходит на следующий год.

Доследован был другой подвал, расположенный к западу от упомянутого и отделенный от него узенькой материковой перемычкой. Этот подвал, вернее его западная часть, был обнаружен еще в 1940 г. Доследование выяснило его значительные размеры — $8,98 \times 5,80$ м; это — размеры выемки в материке; от кладок осталось очень мало. Оба подвала имели глинобитные полы.

За северной кладкой в материке было обнаружено погребение конца VI в. до н. э., содержавшее кольцеобразный ионийский аск и чернофигурный лекиф. Могила ориентирована на восток. Верхняя часть костяка производит впечатление лежащей *in situ*; не сохранилась правая рука. Обе ноги в согнутом в коленях положении оказались, вместе с костями таза и нижними позвонками, под черепом костяка и выше его. То, что кости ног не распались, а сохранили правильное положение, соответствующее положению костей согнутых ног, со всеми сочленениями, с лежащими на месте костями таза и позвоночника, заставляет предположить, что мы встречаемся здесь не с потревоженным костяком, а с перерубленным телом. Погребение интересно найденным в нем чернофигурным лекифом, на котором изображена сцена борьбы Геракла с Антеем в присутствии Афины и другой богини (рис. 29).

В северной части раскапывавшейся площади был прослежен (пока лишь на небольшом пространстве) крутой уступчатый обрыв материка вниз, к средней террасе.

Из работ на городище остается упомянуть о исследовании керамической печи первых веков нашей эры, произведенном под руководством сотрудника Киевского института археологии Р. И. Ветштейн.

Печь находится на расстоянии 2 м к северу от городской стены и приблизительно на 20—25 м к западу от исследованной в 1938—1940 гг. керамической мастерской. Значительное расстояние от указанной мастер-

ской говорит против принадлежности печи тому же производственному комплексу; естественнее предположить существование в районе, прилегающем к новой печи, еще одного керамического предприятия.

Печь хорошо сохранилась в пределах нижнего, топочного отделения; верхнее, обжигательное отделение разрушено. Сохранился высокий кольцевой

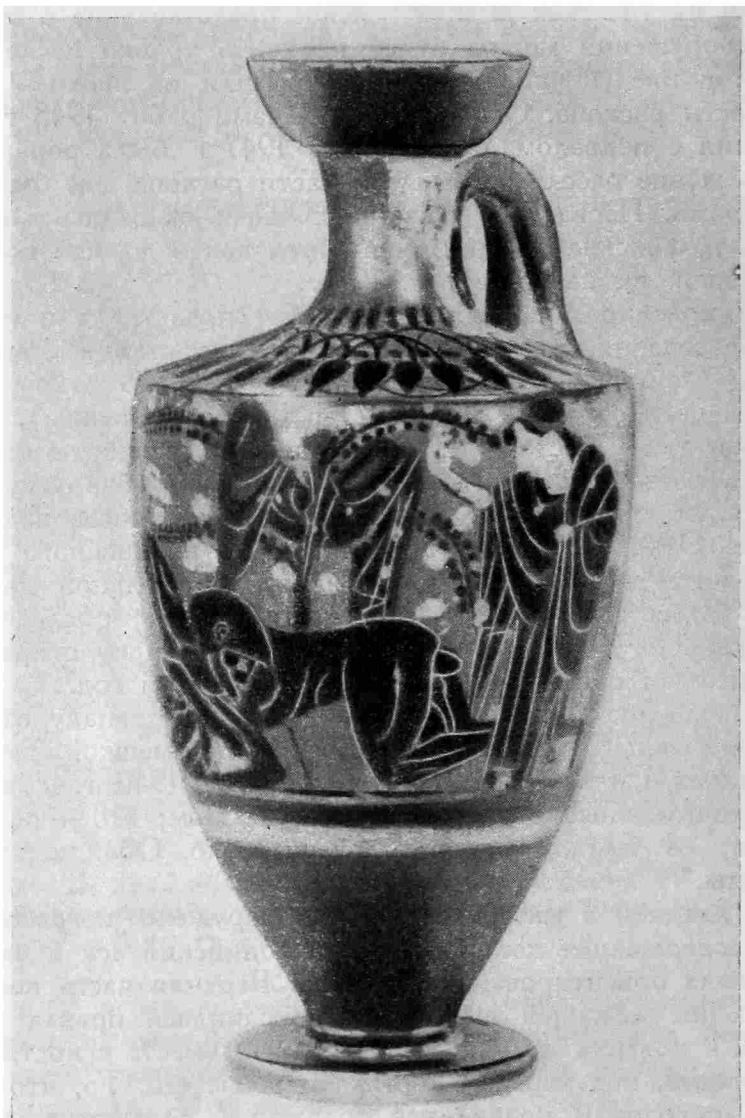

Рис. 29. Чернофигурный лекиф с изображением сцены борьбы Геракла с Антеем из погребения на участке И

корпус печи с подпорным столбом в центре, высотой 1 м, и длинным устьем; столб служил, очевидно, опорой для решетки обжигательной камеры. Высота сохранившейся части 1,40 м; диаметр топочного отделения 2 м. Вся внутренняя поверхность стенок покрыта рядом слоев твердой огнеупорной обмазки. В западной части имеется проем, служивший, может быть, для загрузки печи.

Вопрос о продукции печи не вполне ясен. Как внутри печи, так и вокруг нее встречалось большое количество обломков черепиц, а также глиняных болванок для выделки их. На основании этих находок Р. И. Ветштейн предполагает, что печь служила для обжига черепиц. Вопрос этот требует еще проверки.

В заключение отчета я останавлиюсь на работах по исследованию поселений соседнего с Ольвией района. Работы по изучению этих поселений велись неоднократно, в том числе и ольвийскими экспедициями прошлых лет: расследовались поселения у Петухова, у так называемой Чертоватой балки, у Варваровки; производились осмотр и обследование и других поселений по обоим берегам лимана и нижнего течения Буга. К сожалению, результаты этих работ, за единичными исключениями, до сих пор не опубликованы.¹ В 1947 г. работы были поставлены более широко, чем в предыдущие годы — обследованию подвергались все подряд поселения территории левого берега лимана р. Буга, вверх от Станислава. В 1948 г., наряду с продолжением исследования левобережных поселений, в план экс-

Рис. 30. Поселение у Закисовой балки. Ольвия. Кладки, вымостки, зерновые ямы. Вид с СВ.

педиции было включено также и изучение поселений по правому берегу, на юг от Ольвии.

Останавлиюсь на работах по исследованию поселений по правому берегу лимана р. Буга.

Работы проводились здесь под руководством Ф. М. Штительман. Была обследована территория береговой полосы лимана р. Буга, от Ольвии до поселения у с. Сары-Камыши, в 8 км от Ольвии. Здесь были обнаружены следующие поселения: 1) у Широкой балки; 2) севернее Закисовой балки; 3) у Закисовой балки; 4) южнее Закисовой балки; 5) у с. Сары-Камыши.

Большинство поселений относится к V—II вв. до н. э. Исключение представляет поселение у Сары-Камыши, содержащее культурные остатки более позднего времени. Поселение у Широкой балки интересно значительным количеством обнаруженного в нем позднеархаического материала.

Изучение указанных поселений в большей их части не шло дальше первоначального обследования, сбора подъемного материала и проведения небольших шурфов или разведочных раскопов. Более длительным и углуб-

¹ Исключением является статья П. Н. Шульца «Ямы-жилища в скифском поселении близ г. Николаева». КСИИМК, вып. V, стр. 71 и сл.

ленным исследованиям было подвергнуто поселение у Закисовой балки, где на одном из выступающих к Бугу мысов была вскрыта площадь в 200 м². Поселение выделяется прежде всего густой застройкой. Обнаружены остатки четырех строений с каменными фундаментами, вымостки, принадлежащие частью дворикам домов, частью, может быть, мощеным улицам; открыты два водостока. Три большие зерновые ямы — из них одна интересна каменной обкладкой верхней части и закрывавшей ее устье каменной плитой — с обнаруженными в них зернами злаков свидетельствуют о сельскохозяйственном характере поселения (рис. 30).

Встречавшиеся здесь вещественные находки включали как привозные из Греции или изготовленные в Ольвии предметы греческого типа, так и местную лепную керамику скифского типа.

* * *

Представленная сводка основных результатов работ ольвийской экспедиции 1948 г. позволяет проследить ряд бесспорных достижений в деле изучения Ольвии. Они сводятся к следующему:

1. В работах экспедиции наметилось начало перехода от изучения отдельных объектов к изучению целых районов города, причем те или иные объекты должны получить правильное освещение на общем фоне изучения данной части поселения. Это особенно относится к центральной части Ольвии.

2. Впервые установлено, что часть открытых оборонительных сооружений Ольвии является оборонительными сооружениями V в. до н. э.

3. В двух местах обнаружены остатки ранних построек Ольвии, частью исключительной сохранности; это очень важно в связи со слабой изученностью города первых веков его существования.

4. Исследованы важные производственные остатки, как керамическая печь в Нижнем городе; есть основание ожидать обнаружения остатков раннего медеплавильного производства на участке А.

5. В более широких масштабах, чем до сих пор, произведено исследование поселений ближайшего к Ольвии района. К перечисленному следует прибавить ряд интересных, частью совершенно уникальных, вещественных находок. Все это дает нам право считать экспедицию 1948 г. бесспорно богатой результатами.

А. Л. ЯКОБСОН

РАСКОПКИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СЛОЕВ ХЕРСОНЕСА

(Предварительное сообщение о раскопках в 1941, 1947 и 1948 гг.)

Участок, на котором в 1941 г. были начаты раскопки, охватил южную часть большого приморского квартала и примыкал к участку раскопок 1940 г.¹ Работы были прерваны войной и возобновлены в 1947 г. Раскоп 1941—1948 гг. с юго-восточной стороны ограничен I продольной улицей, а с юго-западной стороны — X поперечной улицей, спускающейся к морю (рис. 31)².

Вся западная и юго-западная часть участка была сильно нарушена еще во времена Крымской войны, когда верхние слои были сняты для установки располагавшейся рядом французской батареи; поэтому позднесредневековый слой здесь не сохранился. Но это же обстоятельство облегчило исследование ранних средневековых слоев, помехой чему обычно являются вышележащие стены позднесредневековых построек. Эти ранние слои дали наиболее интересные материалы. В некоторых пунктах удалось расчлнить нижний средневековый слой на отдельные слои, выделив, кроме слоя IX — X вв. (обычно хорошо выраженного), слой раннесредневековый (V — VI вв.) и слой XI — XII вв.

Особенно интересными в этом отношении были помещения 6 и 16, где стратиграфия средневековых слоев оказалась хорошо выраженной, что наблюдается в Херсонесе довольно редко.

В помещении 6 под позднесредневековыми стенами открыты были стены предыдущего строительного периода (а, б), составляющие юго-западную часть более раннего помещения (рис. 32) и служившие основанием стен позднесредневекового помещения, как это обычно бывает в Херсонесе.

Стены более раннего помещения, так же как и позднесредневековые, полубутовой кладки, но сложенные из сравнительно более крупных и лучше тесаных камней, погребены в мусорной засыпи, обильно насыщенной материалом IX — X вв. (кувшины с плоскими ручками, масса битой черепицы темнокрасного обжига, с плохо отмученным тестом и характерным низким бортиком, а также монеты X в.). Засыпь идет на глубину 1,25 м — до основания этих стен, и может служить *terminus post quem*. Стены этого более раннего помещения должны быть отнесены ко времени до IX — X вв.

¹ См. план в КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 58.

² Раскопки вели: в 1941 г. — А. Л. Якобсон и В. П. Лисин; в 1947 г. — Г. Д. Белов, С. Ф. Стрелецкий и А. Л. Якобсон; в 1948 г. — те же лица, а также А. В. Банк.

Предшествующий строительный период представлен стенкой д, идущей по оси помещения с СЗ на ЮВ и поворачивающей затем на СВ. Эта стена относится к раннему средневековью (рис. 33); она прошла над винодельческими ваннами римского времени. При разборке ее обнаружен материал типично раннесредневековый: фрагменты сосудов с глубоким и частым рифлением (зигзагообразным в сечении), характерным для керамики V—VI вв., обломки черепиц с высоким бортиком; фрагментов поливной керамики не

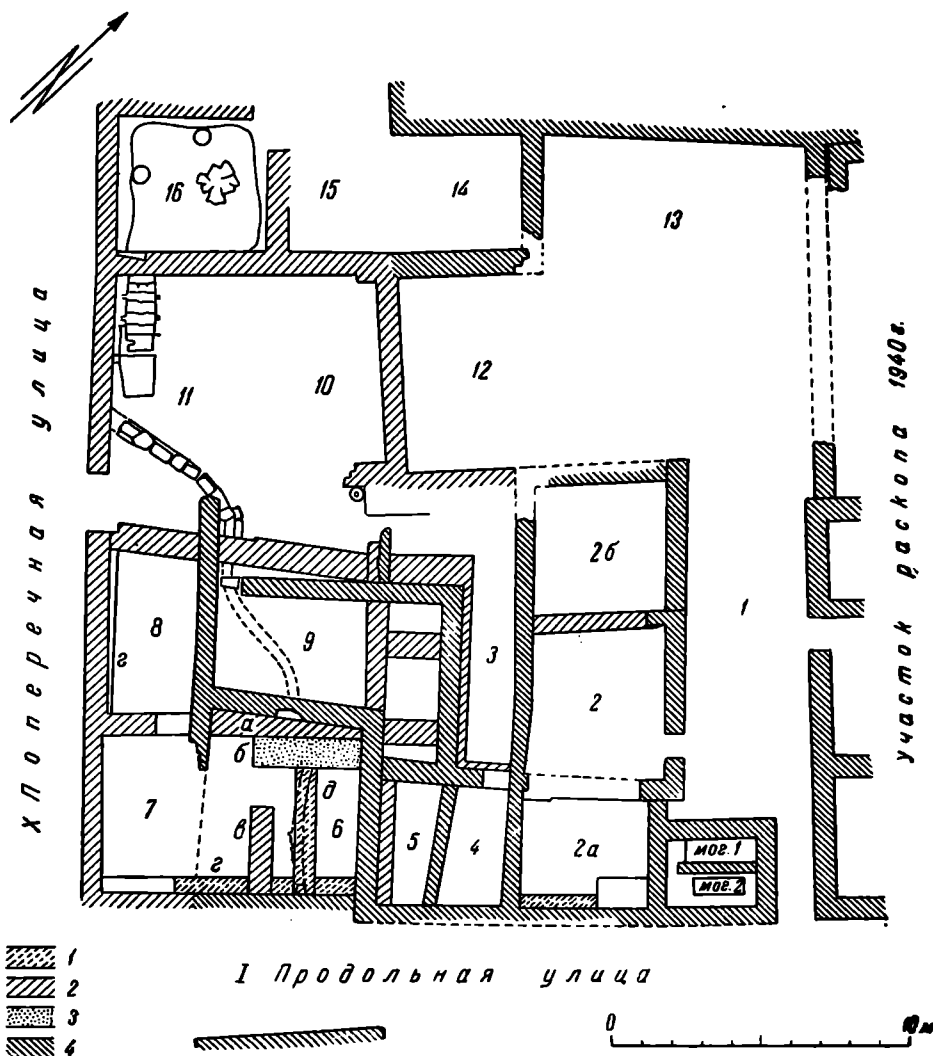

Рис. 31. Херсонес. План раскопа

1 — V — VII вв.; 2 — IX — X вв.; 3 — XI — XII вв.; 4 — XIII — XIV вв.

встречалось. Стена залегает в засыпи также раннесредневекового времени, на что указывают найденные здесь монеты конца IV и V вв. (Зинона) и VI в. (Юстиниана I), а также керамика. В частности, найдены фрагменты сосудов с глубоким рифлением и целая амфора палевого цвета, высотой 49,5 см (рис. 34, 1); по форме эта амфора является предшественницей амфор типа, распространившегося в IX—X вв., но с более вытянутым яйцевидным корпусом. Находка эта очень важна для выяснения формообразования средневековых амфор в Северном Причерноморье; аналогичные амфоры неоднократно встречались в раннесредневековом слое боспорских

городов Тиритаки и Мирмекия,¹ где издатель датирует их VII—VIII вв. и на Тамани.²

К стене *a* в более позднее время была примкнута толстая стена *б*, относящаяся к периоду между X в. и поздним средневековьем (когда стена

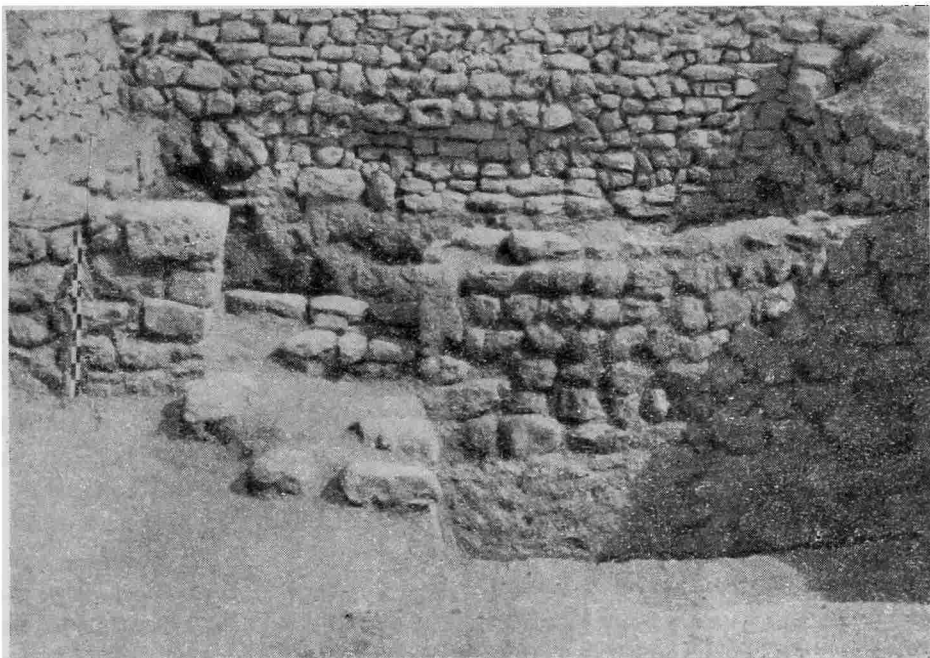

Рис. 32. Херсонес. Помещения 6 и 7 (вид с СЗ)

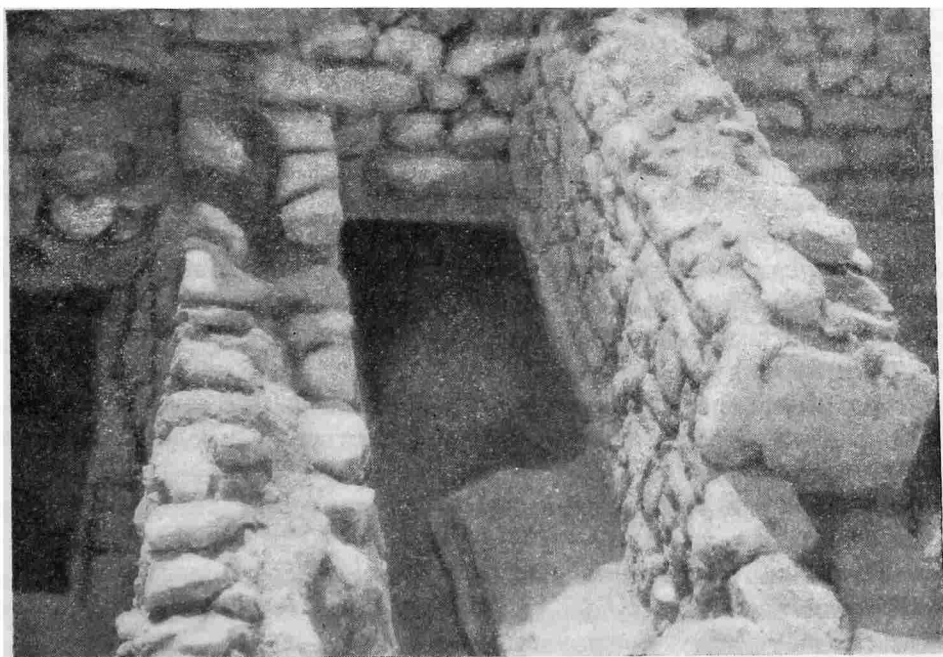

Рис. 33. Херсонес. Помещение 6. Раннесредневековая стена (*д*)

¹ Изданы материалы лишь из раскопок 1932—1934 гг. См. МИА СССР, вып. 4, 1941, стр. 56, рис. 81; СА, № 6, 1940, стр. 203, рис. 14.

² Найдена в 1931 г., раскоп II, № 145—234 и 276—297 (хранится в ГМИИ в Москве).

была засыпана). На такую дату указывает то, что стена б прикрыла вымостку, на которой найдена керамика IX—X вв., датирующая эту вымостку.¹ К тому же промежуточному периоду следует отнести заполнение ямы в западном углу помещения, где среди мелких обломков посуды и черепиц найдены фрагменты красноглиняных блюд, покрытых темноватожелтой поливой и украшенных врезной линией в виде волны; такого рода поливная керамика датируется преимущественно XI в.

Таким образом, раскопки помещения б дали следующую последовательность остатков строений (они перечислены в обратном хронологическом порядке):

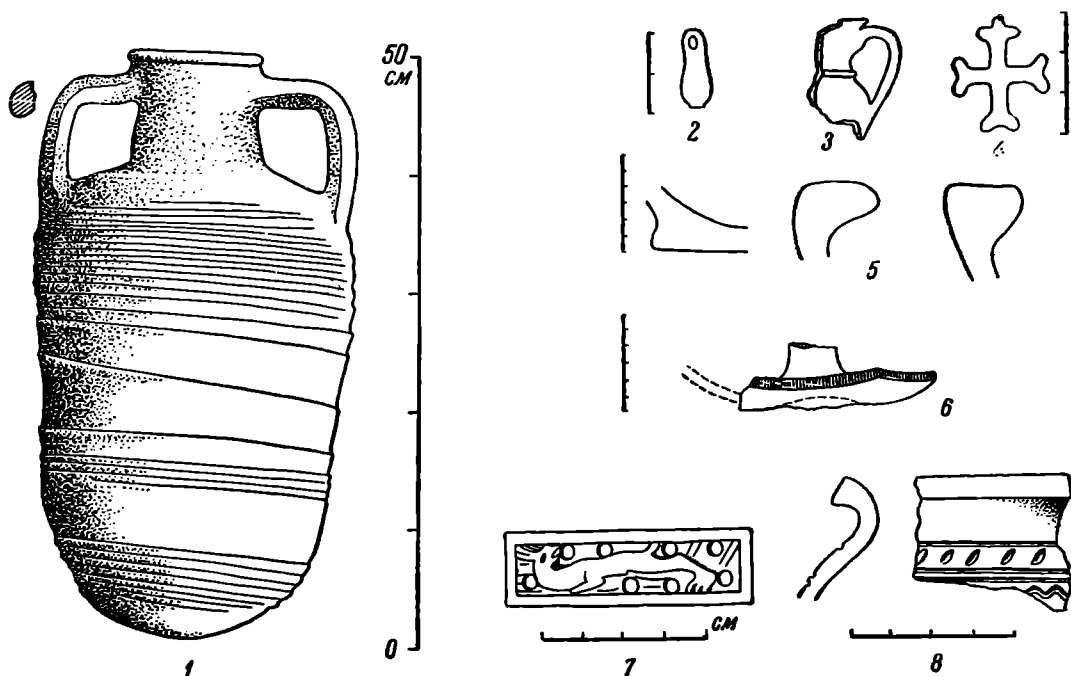

Рис. 34. Вещи из раскопок в Херсонесе

1 — раннесредневековая амфора из помещ. 6; веши из помещ. 7: 2 — подвеска стеклянная; 3 — фрагмент кувшина; 4 — нательный крест; 5 — профили днища и венчиков пифосов; 6 — фрагмент красноглиняного светильника; 7 — костяная пластинка с изображением зверя; 8 — фрагмент горшка из помещ. 9.

1) позднесредневековое помещение, построенное, возможно, еще в XI—XII вв., когда была засыпана яма в западном его углу;

2) стена б, примыкающая к стене а (IX—X вв.) и относящаяся к промежуточному периоду — XI—XII вв.;

3) жилое помещение, образованное стенами а и б, погребенными в засыпи IX—X вв. и относящееся к непосредственно предшествующему времени;

4) раннесредневековые стены д (прошедшие над винодельческими ванами римского времени) и з.

Такого полного членения средневековых слоев, представленных строительными остатками, в Херсонесе за последнее время не приходилось наблюдать.

В смежных помещениях (7, 8 и 9) прослежено продолжение тех же стен.

В помещении 7 в южном углу открыты остатки каменной лестницы; перед входом в помещение 6 — вымостки из плит, положенных на тонкий слой угля. На всю глубину помещения до пола (1,25 м от дневной поверхности) шла однородная засыпь с материалом IX—X вв.; на это указывают

¹ На ручке одной яйцевидной амфоры процарапано имя владельца: Λιτγαρί.

характерной формы черепицы, фрагменты высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, яйцевидных бороздчатых амфор, горшка с вдавленными полосами (имитирующими металлическую посуду), немногочисленные фрагменты белоглиняной поливной керамики с рельефными штампованными украшениями; на одном из них — изображение орла.

Эта сравнительно редкая в Херсонесе белоглиняная поливная посуда IX—X вв. является, вероятно, сплошь привозной; однако, уже в то время можно предполагать зарождение и местного производства такого рода поливной керамики; на это указывают находки сходной посуды, выполненной, однако, не из белой, а из местной глины, получающей при обжиге красный цвет. Фрагменты такой керамики найдены были в слое IX—X вв. помещения 7. Не менее интересно, что, наряду с такой местной керамикой, встретился и фрагмент розового блюда с рисунком, выполненным врезной линией, какие не встречаются среди византийской белоглиняной посуды того времени, зато известны среди близкой по характеру изготовления керамики Самарры (IX в.),¹ характерной для всего Ближнего Востока того же времени. Это обстоятельство наводит на мысль, что появление в Херсонесе белоглиняной поливной керамики с рельефными и штампованными украшениями не столько связано с Византией, сколько со странами Ближнего Востока, причем торговый путь лежал через прибрежные области Малой Азии, с которыми Херсонес в то время продолжал оставаться в теснейшей связи.

Не мало было найдено здесь и изделий из стекла (подвески, браслеты); из других предметов следует отметить медный нательный крестик и костяную пластинку (1,8 × 6,1 см) с рельефным изображением бегущего зверя. Резчик мастерски передал движение хищника и хорошо вписал его в удлиненное поле пластинки. Восемью отверстиями она прикреплялась к какому-то предмету. Найдена была и другая пластинка тех же размеров, но украшенная лишь пятью гравированными кружками (некоторые из находок см. на рис. 34—2—7). Дату засыпи, содержащей указанные находки, подтверждают и найденные здесь монеты IX—X вв. (Василия I и Романа II).

К раннесредневековым остаткам в помещении 7 следует отнести стену 2, на которой частично покоится вышележащая стена IX—X вв.; в западном углу помещения ясно было видно, что стена 2 лежит на засыпи римского времени, заполняющей выруб в скале, предназначенный для установки пифоса.

Помещение 8, соединявшееся с помещением 7 проходом, впоследствии заложенным, дало совершенно ту же картину средневековых напластований; слой IX—X вв. здесь еще толще (2,10 м) и содержал хронологически однородный материал, в частности, как и в помещении 7, найдена белоглиняная поливная тарелка с рисунком, выполненным врезной линией. Из других находок отмечу девять смятых пластинок, куски свинцового изделия и два свинцовых же кольцевидных грузила. Близ подошвы слоя найдена монета Никифора Фоки (963—969). Сама подошва слоя хорошо выражена и представляла собой слежавшуюся плотную землю, насыщенную мелким углем.

На глубине 0,25 м ниже подошвы слоя обнаружена стена е, выступающая на 0,27 м из-под юго-восточной стены помещения и сложенная из крупных каменных блоков, более или менее правильно отесанных. Стратиграфически эта стена связана со стеной 2 помещения 7 и со стеной д помещения 6. Соответственно этому стена е может быть отнесена к раннему средневековью, что подтверждается и характером культурного слоя, начинавшегося приблизительно на уровне верхнего края стены е. Здесь поливная керамика совершенно отсутствует; встречены фрагменты черных горшков с лошением,

¹ F. Sarré. Die Keramik von Samarra. Berlin, 1923.

остродонные днища амфор, железная кольцевидная пряжка, монета Анастасия (395—408), которой указанный материал, вероятно, и соответствует.

В помещении 9 наблюдались совершенно те же напластования: как и в помещении 7, здесь ясно выделялся слой XI—XII вв., определяемый типичной для этого времени поливной керамикой — красноглиняной с орнаментацией, выполненной врезной линией, и белоглиняной с росписью. Важно отметить находку фрагмента горшка с сильно отогнутым и утолщенным краем венчика. Фрагмент украшен волной и насечками, напоминающими по орнаментации славянские горшки XI—XII вв. (рис. 34—8). Ниже идет ясно выраженный слой IX—X вв. Погребенные в нем поперечные стенки следует отнести к раннесредневековому периоду.

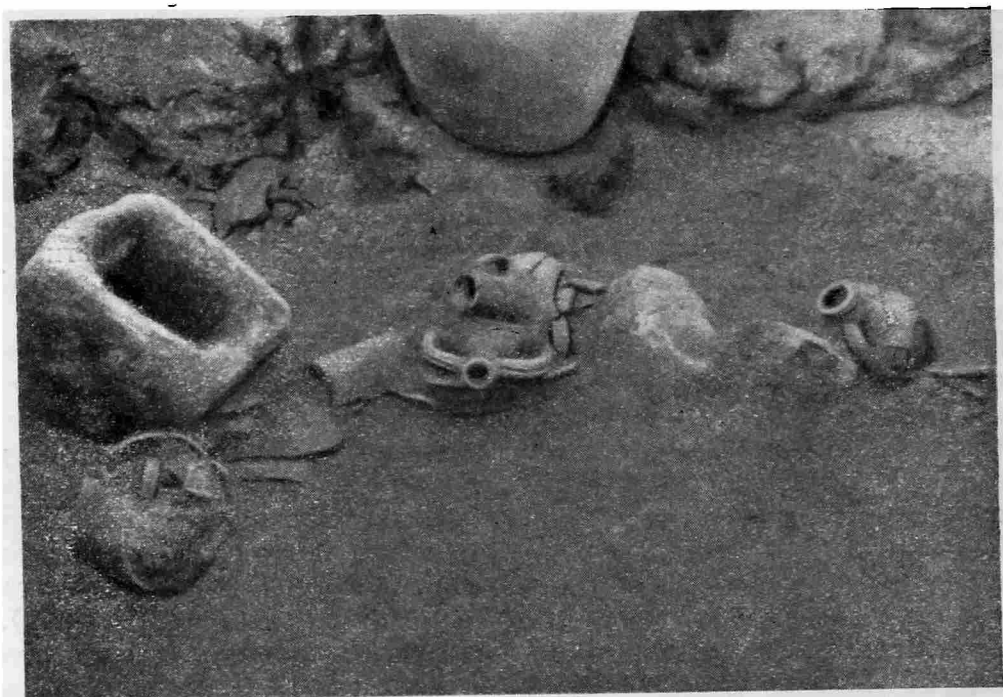

Рис. 35. Херсонес. Амфоры из раннесредневекового слоя в помещ. 16

Наконец, та же стратиграфия выявлена в помещениях 3 и 5, причем в первом позднесредневековый (верхний) слой залегал непосредственно на слое с керамикой IX—X вв.

Исключительно ценный материал дали раскопки хозяйственной кладовой в западном углу раскопа (помещение 16), исследованной в 1948 г. Для устройства этой кладовой (5,08 × 4,50 м) был использован выруб в скале, относящийся к более раннему времени. Здесь раннесредневековый слой достигал толщины 0,60 м, а в южном углу, куда понижался уровень подошвы, — 0,75 м. Слой этот хорошо датируется многочисленными монетами, большинство которых относятся к IV—нач. VI вв. (Константин Великий, Валент, Феодосий I, Лев I, Зинон, Анастасий).¹ Эту дату подтверждают и находки фрагментов краснолаковых блюд, на одном из которых вдавленный штампом равноконечный крест. В слое найдено множество (до 15) раздавленных амфор, лежавших в беспорядке, некоторые — одна на другой (рис. 35). Находка такого количества сравнительно хорошо датированных амфор приобретает большое значение, так как раннесредневековая херсонесская керамика вообще крайне слабо изучена. Находка эта,

¹ Определены Л. Н. Беловой.

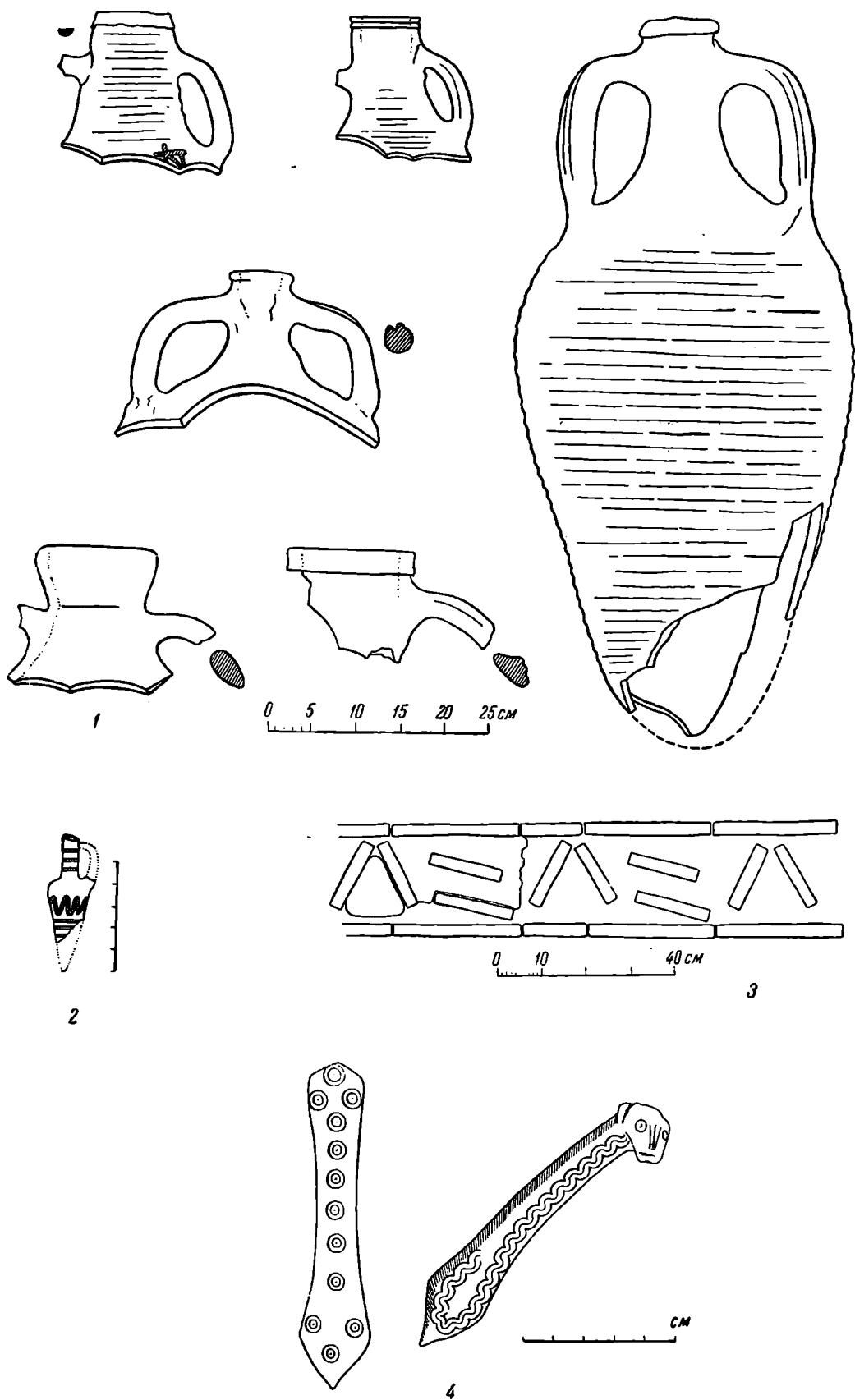

Рис. 36. Вещи из раскопок в Херсовесе

1 — раннесредневековые амфоры из помещ. 16; 2 — стеклянный кувшинчик из помещ. 10; 3 — реконструкция узорчатой выкладки юго-западной стены помещ. 11 (двора); 4 — костяная пластинка с изображением змеи из помещ. 2а

несомненно, существенно облегчит в дальнейшем выявление раннесредневекового слоя херсонесского городища и тем самым поможет изучению материальной культуры не только Херсонеса, но Тавриды в целом.

Наблюдаются два типа амфор (рис. 36—1). Большинство амфор первого типа — небольшие (высота до 60 см), красноглиняные, с бороздчатыми стенками — имеют сравнительно высокое горло, слегка суживающееся кверху, распластаный венчик, небольшие ручки, слегка изогнутые дугой (в сечении овальные с выпуклым ребром); все эти амфоры остродонные, но без утолщения на конце (как на римских амфорах). Аналогичные амфоры были найдены в 1948 г. в нижнем слое с тыльной стороны западных оборонительных стен (на стыке 1 и 2 куртин); стратиграфически слой связан с кладкой этих стен, датируемых, по типу квадратной кладки, концом V — первой половиной VI в. Некоторую аналогию таким амфорам представляют амфоры из Кераяона на острове Самосе, относящиеся к раннему средневековью.¹

Другой тип — амфоры с грушевидным корпусом, также красноглиняные и бороздчатые; они больше по размеру (высота до 80 см), имеют более высокое горло и широкий, напоминающий в сечении овал, венчик, высокие ручки, вертикально поднимающиеся от плеч и горизонтально примыкающие к верхней части горла; ручки в сечении круглые, с глубоким желобком; днище — округлое. Сравнительно близкую параллель дает изображение амфоры на мозаике Большого дворца в Константинополе, датируемой V в.²

Оба типа амфор в основном удерживают непосредственно предшествующие формы позднеимперского времени, известные по находкам на Боспоре и Ай-Тодоре.³ Все эти амфоры бороздчатые; они имеют яйцевидный корпус, заостренное днище, венчик в виде валика, вытянутое горло, ручки вертикально вытянутые (как у амфор второго типа) или небольшие дуговидные (как у первого типа); существенным отличием вновь найденных амфор V в. из помещения 16 является прямое сужение днища (амфоры первого типа), грушевидность корпуса и круглое дно (амфоры второго типа). Таким образом, эти типы амфор представляют звено дальнейшего развития формы позднеантичной амфоры, но уже в средневековый период.

Мы наблюдаем и последующие звенья этого развития. Сюда относится амфора из помещения 6, о которой говорилось выше. Ее корпус, в сравнении с описанным, укоротился, укоротилось и горло.

Следующие звенья характеризуются амфорами, часто встречающимися в слое с монетами IX—X вв. Они также круглодонные, но еще более приземистые; корпус имеет яйцевидную форму; размер еще сильнее уменьшился, а массивные ручки приобрели дуговидность. Такие амфоры повсеместны в Тавриде, а за ее пределами находят близкие аналогии среди амфор IX—X вв. из дворца в квартале Манганы в Константинополе.⁴

Раннесредневековый слой выделяется и в соседнем помещении (10—11), представлявшем собой, вероятно, двор, каковым это помещение, несомненно, являлось и в следующий период (IX—X вв.). Ясно ощущается пол IX—X вв. в виде плотно утрамбованной земли, а над ним — прослойка желтой глины (толщиной 5—6 см) с крупнотолченой керамикой. Ниже этого пола

¹ Mitteilungen des Deutsch. Archäol. Instituts, Athenische Abteilung, LIV, 1929, табл. XLVIII.

² The Great Palace of the byzantine emperors. London, 1947, табл. 30.

³ См. В. Д. Блаватский. ВДИ, 1938, № 2(3), стр. 327; В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи. Л., 1934, стр. 48; О. Э. Ланговая. СА, № 7, 1941, стр. 290.

⁴ R. Demangel et E. Mamboury. Le quartier des Manges et la première région de Constantinople. Paris, 1939, рис. 198, № 4 и стр. 46, 148—149.

поливная керамика полностью отсутствует, зато встречены находки, типичные именно для раннего средневековья: фрагменты амфор с глубоким, резким и частым рифлением; глиняная лампочка, украшенная виноградной лозой (мотив, столь характерный для византийского Востока V—VI вв.); днища остродонных амфор, аналогичные днищам амфор первого типа, найденным в помещении 16, и фрагмент амфоры с ленточной фактурой корпуса, как у амфоры из помещения 6. Из остальных находок отмечу фрагменты черных тонкостенных горшков со слабо отогнутым наружу профилированным венчиком и немного расширяющимся корпусом, а также миниатюрный стеклянный кувшинчик (рис. 36—2; сохранившаяся высота 5 см) с прямым высоким горлом в виде трубочки, украшенный волной и крутами. Полную аналогию представляет памятник V в.—изображение металлического (?) кувшина на мозаике из Большого дворца в Константинополе.¹

С этим слоем стратиграфически связаны нижние стены двора, служащие основанием для вышележащих стен, выступая немного вперед и образуя цоколь.

Значительно ярче представлен во дворе (помещения 10—11) вышележащий культурный слой IX—X вв., хорошо датируемый множеством найденных здесь монет второй половины IX и X вв. Подошва слоя — на глубине 1,60 м от современной дневной поверхности и 0,80 м от верхнего края стены. С X поперечной улицы во двор вел широкий вход. Юго-западная часть двора была вымощена плитками неправильной формы, положенными на цементажном с толченым кирпичом основании; над вымосткой найдена каменная форма для отливки рыболовных грузил (в виде колец). Южный угол двора пересекал водосток, направлявшийся из помещения 6 (через помещение 9) и уходивший под стену на улицу. Близ восточного угла стояла кормушка, выделанная из блока античной каннелированной колонны.

Черепиц и простой керамики (обломков высокороглых кувшинов с плоскими ручками и бороздчатых амфор) найдено немного; полнее представлена поливная белоглиняная керамика со штампованными украшениями, а также украшенная марганцевыми мазками, хорошо датируемая не только стратиграфически, но и византийскими аналогиями,² подтверждающими, что эта керамика привозная. Однако и здесь, как и в помещении 7, встречены фрагменты такого рода местной керамики, окрашенной в изломе в розовый цвет.

Особый интерес вызвал у нас сплошной завал известковой облицовки и плоского кирпича, шедший вдоль всей юго-западной стены двора. Толщина этой облицовки 10—12 см; она состоит из известки с примесью морского песка; с лицевой стороны она тщательно сглажена; другой стороной она соприкасалась со стеной, поэтому имеет неровную поверхность; в эту известковую массу были заложены плоские кирпичи (24—25 × 10,5 см; 28—29 × 14—15,5 см; толщина 2,5—3 см). Форма известковых обломков и положение заложенных в раствор кирпичей позволили установить, что выкладка была узорчатой (реконструкцию узорчатого пояса см. на рис. 36—3). Пояс с такой выкладкой был включен в каменную кладку, которая продолжалась и вверх и вниз, что было ясно видно по расположению камней, упавших со стены. Количество таких узорчатых поясов в стене осталось невыясненным.

Завал узорчатой кладки находился выше завала черепицы; следовательно, стратиграфически он связан с слоем IX—X вв. и относится к тому же периоду.

¹ The Great Palace of the byzantine emperors. London, 1947, табл. 31 и 52.

² Там же, табл. 16, 17, рис. 1—10; 21, рис. 8—19.

Строительный принцип чередования кирпича и камня уводит нас в античность и известен в архитектуре I и II вв. н. э. (например, в вилле Адриана). В дальнейшем, в византийской строительной технике этот принцип, как известно, господствует (в частности, хорошо представлен и в раннесредневековых постройках Херсонеса). С течением времени кирпичная выкладка приобрела и декоративное значение, особенно в позднем средневековье, получив широкое распространение в южнославянском и византийском зодчестве XIII—XIV вв.

Рис. 37. Херсонес. Лестница со двора в кладовую (помещ. 16)

В Херсонесе такая узорчатая кладка встречена впервые.

В западном углу двора находится спуск в подвальную кладовую (помещение 16) в виде каменной лестницы в шесть ступеней, небрежно сложенных (рис. 37). Со стороны двора спуск закрывался деревянной дверью (что ясно из того, что первая сверху ступень представляет собой крупный блок с вырубом для установки дверного полотна), а сверху прикрывался массивной плитой (1,08×0,95 м); найдена она в сильно наклонном положении (как бы провалившейся одним краем вниз). С северо-западной стороны плиты лежал большой запас смолы. Создалось впечатление, что смола находилась в каком-томестилище (деревянной бочке?), стоявшем на плите, затем, когда плита накренилась, смола сползла вниз. Эту находку запасов смолы нельзя не сопоставить с находкой в

соседней кладовой (помещение 16) обломков железного якоря и орудий рыболовства. Смола скорее всего была связана с тем же рыболовным хозяйством владельца усадьбы.

В рыхлой земле, заполнявшей лестницу, было найдено много простой посуды, типичной для слоя IX—X вв.

Лестница доходила до верхнего уровня выруба в скале, т. е. до пола помещения 16 IX—X вв., что косвенно подтверждает и дату лестницы. Пол этот хорошо выражен (плотная земля, на ней прослойка желтой глины, выше — прослойка угля) и находится на глубине 1,25 м от верхнего края северо-восточной стены; пол очень неровный и датируется множеством (более 30) монет IX—X вв. (начиная с Василия I, кончая Василием II). Пол является подошвой мощного однородного слоя, состоящего из завала бутового камня от обрушившихся стен; под полом — битая черепица, а в нижней части слоя — огромное скопление простой керамики — тары и монет: найдено до 50 плоскодонных высокогорлых кувшинов с плоскими ручками (считая по доньям), причем основная масса их была сосредоточена в западной части кладовой; в некоторых кувшинах сохранились остат-

ки перепревшей хамсы. Меньше найдено амфор, обычных в слое этого времени (круглодонные, слегка грушевидные, бороздчатые).

Среди фрагментов выделяется одно горло желтоглиняной амфоры с плоскими ручками редкого в Херсонесе типа — с очень широким корпусом и круглым дном; фрагмент интересен наличием вдавленного клейма на ручке с буквами АВ (рис. 38—5). Надо заметить, что ремесленные клейма на средневековых амфорах — явление вообще редкое и наблюдается только в период IX—X вв.; вместе с вновь найденным известно всего девять

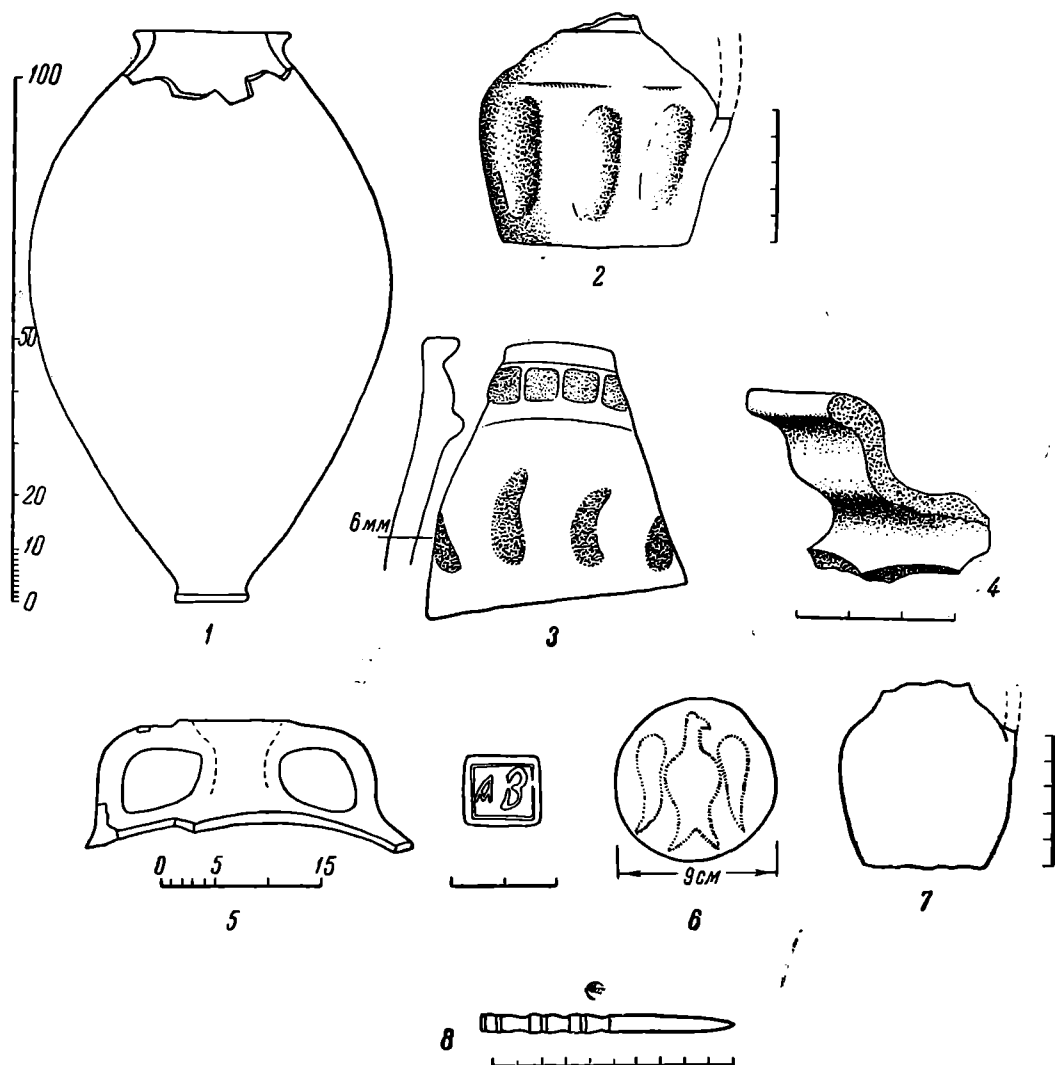

Рис. 38. Херсонес. Вещи IX—X вв. из кладовой (помещ. 16)

1 — малый пифос; 2 — кувшинчик с вдавлениями; 3 — фрагмент белоглиняного поливного блюда, украшенного марганцевыми мазками; 4 — фрагмент белоглиняной поливной вазочки; 5 — фрагмент желтоглиняной амфоры с клеймом на ручке; 6 — днище белоглиняного поливного блюда с рельефным штампованным изображением орла; 7 — красноглиняный кувшинчик; 8 — костяная проколка

клеям, представляющих очень важный материал для изучения ремесла того времени в Херсонесе.

В кладовой стояло семь пифосов, из которых три найдены *in situ*. В центре стоял большой пифос, у северо-западных и юго-западных стен — по одному малому (высота одного из них — 1,08 м); они имеют яйцевидный корпус и узкое днище. Пифосы были частично вкопаны в землю, а большой пифос, помимо того, был обложен внизу камнями. В нем хранилось мелкое зерно. Кроме того, внутри его оказались упавшие сверху кусок узкой свинцовой трубы (диаметром 6 см) со швом скрепления, железные гвозди и скоба (очевидно, скреплявшие кровлю), целая черепица и разби-

тый кувшин; отсюда ясно, что такие кувшины хранились не только в кладовой, но и на втором этаже постройки.

Важны находки предметов, связанных с рыболовством: фрагментов железного якоря (кольцо диаметром 15 см и часть стержня), рыболовных крючков (10), бронзовой иглы для вязанья сетей (длина 14 см). Сюда, вероятно, относится и массивный свинцовый стержень (длина 23 см), треугольный в сечении (сторона 37 мм), являвшийся, возможно, заготовкой для выделки свинцовых рыболовных грузил. Форма для отливки таких колец была найдена на соседнем дворе, о чем упомянуто выше. Очевидно, выделкой таких колец занимался сам рыбак — владелец усадьбы.

Раскоп соседнего помещения (12), представлявшего собой, несомненно, также двор, но соседней усадьбы, не дал ничего существенного; здесь сохранился тонкий слой с материалом IX—X вв., лежащий непосредственно на скале.

Средневековые слои в помещениях 14 и 15 оказались также незначительными и маловыразительными (наслоения здесь были, вероятно, уничтожены при возведении французских батарей времен Крымской войны).

Верхний позднесредневековый слой (XIII—XIV вв.) сохранился только в восточной и юго-восточной частях квартала, потому полного представления о жилых усадьбах этого периода получить нельзя. Все же раскопки позднесредневекового слоя и здесь дали очень ценный материал.

Особенно важным было открытие широкого проулка-тупика (обозначен на плане под № 1), соединенного с улицей узким (шириной 1,35 м) проходом-спуском. По обе стороны проулка были расположены жилые усадьбы, сообщавшиеся через него с улицей. Помещение 12—13 (надо полагать, двор) отделено было от проулка, вероятно, деревянной изгородью, ибо никаких следов каменной стены здесь не обнаружено. Завалы черепицы в проулке наблюдались только вдоль стен помещения 2а—2б; черепица принадлежала, очевидно, кровле именно этих помещений. Среди меток на черепицах преобладала одна — с изображением собаки и буквенными знаками. Ясно, что владелец усадьбы для постройки дома покупал черепицу в одной гончарной мастерской, а другие метки принадлежат черепицам, использованным при последующих ремонтах кровли. Это явление постоянно наблюдается при раскопках позднесредневековых усадеб.

Вещи, найденные в проулке, также принадлежат соседним постройкам, откуда они упали. Среди вещей особенно интересно блюдо, покрытое поливой, с изображением врезной линией девы-птицы (сирина; рис. 39). Памятник этот очень важен для понимания художественной культуры позднесредневекового Херсонеса и вместе с другими фактами указывает на усилившееся значение Малой Азии как проводника в Херсонес закавказских культурных течений, а также на резкое ослабление и прекращение культурных связей с Византией, для которой и сам образ священной девы-птицы (сирина) был абсолютно чужд.

Перед проулком, выходя на I продольную улицу, расположена усыпальница, представляющая собой небольшую камеру (внутренние размеры 3,1 × 2,3 м) с двумя гробницами, разделенными тонкой перегородкой (рис. 40); гробницы перекрыты плитами. В погребении № 1 лежал детский костяк, головой на ЮЗ; кости от другого погребенного лежали в беспорядке. В погребении № 2 был костяк взрослого покойника. Из вещей найдена лишь бронзовая серьга в виде кольца с бубенчиком. Голова погребенного была прикрыта половиной черепицы. Обе могилы были выложены позднесредневековыми черепицами с меткой В и с шестью сквозными отверстиями, сделанными при формовке черепицы.

В завале камня и черепиц, заполнявших усыпальницу, найдены в большом количестве хорошо отесанные клинья от цилиндрического свода; на

многих клиньях — тонкий слой штукатурки с остатками фресок; такие же клинья, а также профилированные простые карнизы найдены в узком проходе в проулок. Здесь найдены также небольшие мраморные базы VI в., происходящие, вероятно, из соседней большой базилики (раскопанной в 1935 г.), и фрагменты бронзового подсвечника.

Рис. 39. Херсонес. Блюдо с изображением сирена
(из проулка — помещ. 1)

В целом, усыпальницу следует представлять себе в виде двух погребальных камер и верхнего сводчатого помещения, полом которому служили плиты могил. Оно было расписано фресками и служило, возможно, молельней (упомянутые базы могли быть использованы для алтаря). Входов, вскрытых раскопками нижних частей постройки, нет; вход в молельню находился, очевидно, выше.

Судя по найденным черепицам, усыпальница относится к XIII в. и при-

надлежала, надо думать, какой-то знатной херсонесской семье. Подобные городские усыпальницы (вне церквей) в Херсонесе не единичны; одна небольшая усыпальница того же периода известна в северо-восточной части городища, на углу главной и V поперечной улицы.¹

Вдоль проулка, с юго-западной стороны, расположены три помещения (2а, 2, 2б); дальше находился, вероятно, двор. Надо полагать, что эти помещения составляли одну жилую усадьбу. Среднее из этих помещений (2) имело проход в проулок. Судя по расположению завала черепиц, оно было крыто на один скат. Пол был покрыт толстым слоем желтой глины.

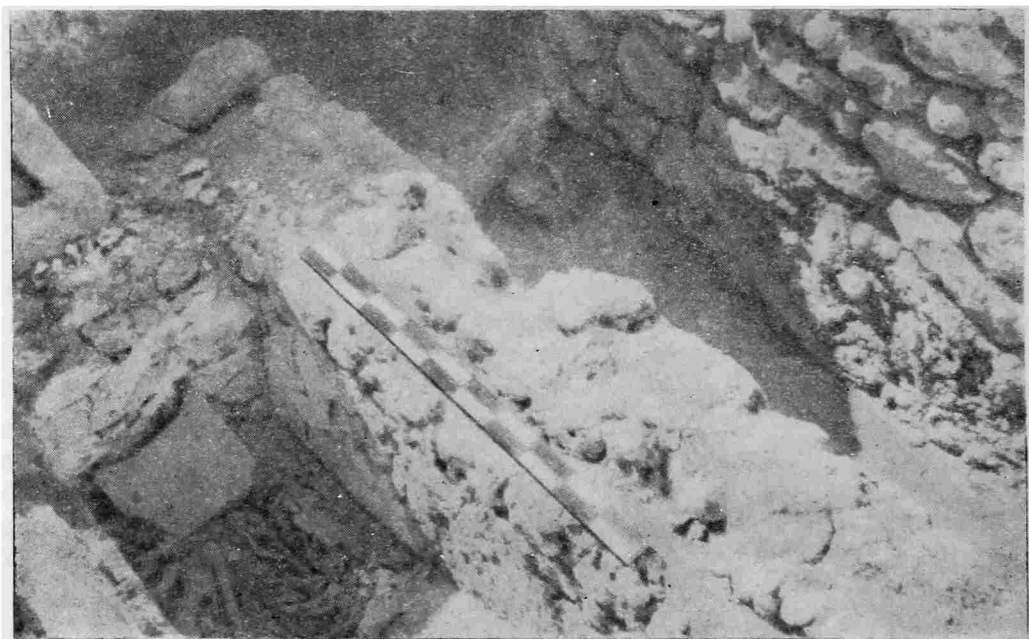

Рис. 40. Херсонес. Усыпальница (общий вид)

По фрагментам поливной керамики видно, что при постройке дома были засыпаны ямы, содержащие материал XI—XII вв. Находки в помещении состоят из фрагментов амфор, обычных в этом слое: 1) небольшие круглодонные, вытянутой грушевидной формы, с высоко поднятыми ручками и 2) грушевидные с низким горлом и дуговидными ручками, близкие по формам к древнерусским корчагам XIII в. Найдены также не менее обычные в этом слое фрагменты поливной красноглиняной посуды.

Помещение 2а соединялось с помещением 2 широким проходом. В южном углу находился открытый очаг (глинобитная площадка с обилием золы), под которым обнаружена яма с битой посудой типа, встречающегося в IX—X вв. Из отдельных находок отмечу костяную пластинку (длина 10,8 см); один из концов ее обработан в виде грубо вырезанной головы животного, выступающей из плоскости пластинки, на которой гравировкой нанесена тройная извивающаяся лента (рис. 36—4). Очевидно, пластинка представляла собой изображение змеи и служила накладкой на какой-то предмет.

В помещении 2б позднесредневековый слой почти полностью уничтожен. К соседней жилой усадьбе следует отнести помещения 3, 4, 5 и 9. Из них 4 и 5 разделены тонкой перегородкой; они значительно глубже остальных и служили, вероятно, хозяйственной кладовой, хотя обычного в таких

¹ См. Херсонесский сборник, вып. III, 1931, рис. 21 на стр. 76.

случаях скопления керамической тары (пифос, амфоры) здесь не было. В помещении 4 найдено три обломка маленьких глиняных тигельков. Над этими подвалами расположено было, вероятно, жилое помещение.

Помещение 3 состояло из двух частей: узкой коридорообразной и следовавшей за ней более широкой, почти не сохранившейся. Этот типичный для позднесредневековой планировки Херсонеса закуток — результат обычных разделов и переделов усадеб. Помещение было крытым. Кроме мелких обломков керамики, здесь ничего не найдено.

Помещение 9 имеет небольшой закуток, в котором находился очаг, оно было также крытым, причем на черепицах преобладали метки с именем ГЕОР[ΓΙΟΥС]¹. Находки здесь были незначительны. В западном углу имеется выход, но соседнее помещение не сохранилось; им был, вероятно, двор на месте двора (помещения 10—11) жилого дома IX—X вв., о чем говорилось выше.

Смежное помещение 6 принадлежало, можно думать, соседней усадьбе, от которой сохранилось только одно это помещение и то не целиком, так что планировка обеих этих усадеб остается невыясненной.

В итоге раскопок указанного квартала (или, точнее, южной четверти большого приморского квартала) можно констатировать наличие двух больших периодов строительства. Первый из них охватывает первую половину средневековья (V в.) до конца X в.; жизнь на протяжении этого периода шла здесь непрерывно, причем в IX—X вв. полностью удерживалась планировка более древней жилой усадьбы. Второй период — позднесредневековый (XIII—XIV вв.), в течение которого произошла некоторая перепланировка квартала: появился проулок, размеры усадеб, насколько можно судить, стали меньше, хотя и в это время, где было возможно, использовали основания стен более древних построек, частично сохраняя старую планировку.

Раскопки дали важный и ценный материал для характеристики ранне-средневековых слоев, особенно массовой керамики V—VI вв., что значительно поможет расчленению средневековых напластований на других участках херсонесского городища.

Наконец, раскопки верхнего слоя дали существенный материал для выяснения позднесредневековой топографии Херсонеса с его внутриквартальными переулками-тупиками и городскими усыпальницами феодальной знати.

¹ См. МИА СССР, вып. 17, 1950, черепичная метка на табл. XV, 249.

В. Р. ТАРАСЕНКО

РАСКОПКИ МИНСКОГО ЗАМЧИЩА

*(Сокращенное изложение информационного доклада, прочитанного на заседании
Ученого совета ИИМК 30 сентября 1949 г.)*

Среди проблем, издавна привлекавших внимание историков, работавших над историей Белоруссии, важное место по праву принадлежит истории старинных белорусских городов, как Полоцк, Гродно, Минск, Туров, Давид-Городок и другие. Особое место среди них, бесспорно, занимает Минск — столица Белорусской ССР.

Несколько отрывочных упоминаний в «Повести временных лет» — это все, что сохранили о древнем Минске письменные источники. Почти весь документальный актовый материал, связанный с ранней историей города, погиб при пожаре минского замка, когда на город в 1505 г. напали крымские татары под предводительством Менгли-Гирея.

Самое раннее и наиболее интересное из летописных известий относится к 1067 г. В нем рассказывается об осаде и взятии Минска князьями Ярославичами, организовавшими поход против предприимчивого полоцкого князя Всеслава Брячиславича в отместку за нападение последнего на Новгород¹, и о происшедшей вслед за тем кровопролитной битве на Немизе, в которой Всеслав Полоцкий потерпел поражение. Летопись указывает, что после овладения Минском братья Ярославичи «поидоша к Немизе», где и произошла их встреча с войсками Всеслава. Но летописный текст не дает еще права говорить, относится ли выражение «поидоша к Немизе» к реке или к населенному пункту, а также — тождественны ли названия Немига (так называется небольшая речка, впадающая в Свислочь на территории современного Минска) с летописной «Немизой». Наконец, летопись не дает указаний на то, откуда пришел к месту сражения Всеслав.

Некоторые данные по этим спорным вопросам имеются в «Слове о полку Игореве». В «Слове» говорится, что полоцкий князь «скочи волком до Немиги с Дудуток», а дальше в описании самой битвы читаем: «На Немизе снупы стелют головами», и несколько дальше: «Немизе кровави брезе». Эти отрывки свидетельствуют о тождественности названий «Немиза» и «Немига» и что Немига была рекой.

Текст летописи говорит, что Ярославичи после взятия и разрушения ими Минска «Поидоша к Немизе». Между тем современная Немига течет в пределах города и впадает в Свислочь вблизи минского Замчища. Таким

¹ ПСРА, т. I, СПб., 1910, стр. 162.

образом, Ярославичам после взятия Минска, казалось бы, идти к Немиге было невозможно, поскольку, взяв город, они уже находились на ее берегах. Создавалось положение, при котором историк, пытающийся разрешить этот вопрос, останавливается перед необходимостью признать, что либо Немига летописи не имеет ничего общего с небольшой речкой, впадающей в Свислочь в центре Минска, либо древний Минск находился в летописные времена в другом месте, а не там, где расположен теперешний Минск. Действительно, одни историки (Татищев, Карамзин, Арцыбашев, Довнар-Запольский) считали, что летописная Немиза (т. е. Немига) не что иное, как Неман. Другие (Неволин, Надеждин) полагали, в свою очередь, что летописную Немизу (т. е. Немигу) надлежит искать к северу от Минска; по их догадке это — либо р. Неманица близ г. Борисова, либо р. Немойта, близ г. Сенно. Эти историки, считая возможным признавать, что древний летописный Минск находился там же, где расположен современный город, искали летописную Немигу в других местах.

Иную точку зрения занял в этом вопросе А. Н. Ясинский, выдвинувший в 1930-х годах гипотезу о том, что древний Минск первоначально был основан примерно в 20 км на юго-запад от современного города, недалеко от железнодорожной станции Фаниполь, близ дер. Строчицы, в верховьях Птичи, где ныне еще имеется древнее городище. Городище это находится у самого впадения в Птичь небольшой речки (ныне пересохшей), именовавшейся согласно документу XVI в. Менкой. Название этой речки А. Н. Ясинский производил от слова «мена», что связывалось им с летописным наименованием Минска — Меньск, Менск или Менеск. При таком предположении летописный отрывок 1067 г. получал объяснение, так как, взяв Минск, стоявший в верховьях Птичи, Ярославичам, для того чтобы встретиться и сразиться на берегах Немиги с войском Всеслава Полоцкого, необходимо было совершить переход к северо-востоку, примерно в 20 км. Так пытался А. Н. Ясинский устранить недоумение предшествующих историков по поводу летописного выражения «поидоша к Немизе».

Решить спор о местоположении древнейшего Минска могли лишь планомерные раскопки, организованные в районе впадения в Свислочь р. Немиги, на возвышенном окончании мыса, треугольном островке, образуемом двумя рукавами Немиги. Сюда же вели и данные топонимики — самое название возвышенности — Замчище, наименования улиц, прилегающих к Замчищу, — Замковая, Подзамковая, Завальная и т. п.

Раскопки на минском Замчище велись Институтом истории АН БССР, начиная с 1945 г., когда впервые удалось здесь обнаружить остатки материальной культуры древней Руси XI—XIII вв. (стеклянные браслеты, овручские красношиферные пряслица и т. п.).

В результате дальнейших раскопочных работ, производившихся в продолжение четырех сезонов, были получены новые материалы: большое количество керамики, изделий из стекла, камня, кости, бронзы, железа; были вскрыты деревянные конструкции.

В 1947 г. значительная часть площади раскопа (вся южная половина) была доведена лишь до глубины 1—1,5 м, так что слои древнерусского города оставались еще не исследованными.

Ценные результаты дали раскопки 1948 г., при которых были обнаружены уличные мостовые, жилые и хозяйственные постройки, следы коженых, бондарных, металлургических мастерских с остатками их продукции, беспорядочно разбросанные большие бутовые камни, могущие служить материалом для кладки фундамента, большое «творило», т. е. яма для гашения извести, размером до 25 м² и, наконец, мастерская по изготовлению известняковых плиток в форме кирпичей. Указанные выше находки позволили уже в 1948 г. предположить существование на террито-

рии минского Замчища древнерусского города XI—XIII вв. Однако до материка вся площадь раскопа 1948 г. не была доведена.

План раскопок 1949 г. предусматривал исследование культурных слоев древнего Минска на всей площади раскопок 1947 и 1948 гг., составляющей 200 м², до материка. Раскопки 1949 г. доказали факт существования в XI—XIII вв. на территории минского Замчища кремля древнерусского, притом княжеского, города. Таким образом, данные раскопок минского Замчища могут лечь в основу построения древнейшей истории Минска.

В процессе раскопок 1949 г. были проведены следующие работы: на участке 1948 г. было полностью исследовано большое «творило» — яма трапециевидной формы для гашения извести. Края ямы были обложены досками, опиравшимися на вертикально забитые колышки. После расчистки ямы и снятия слоя находившейся в ней извести непосредственно под ней обнаружен был самый древний на Замчище культурный слой, мощностью 15—25 см, содержащий древнюю курганного типа керамику, многие из фрагментов которой деформированы действием огня. Среди керамики — обломки каннелированных амфоровидных круглодонных сосудов так называемого киевского типа, в том числе и их ручки. Находка амфор киевского типа позволяет датировать весь культурный слой, в котором они найдены, X—XIII вв.

Минск, как раннефеодальный город, каковым он уже был (судя по летописным данным) в начале второй половины XI в. (1067), мог развиться либо из родового поселка, либо из поселения сельского типа, либо, наконец, из княжеской или боярской усадьбы. Гипотезу о происхождении Минска из древнего родового поселка приходится отвергнуть. Дело в том, что в отличие от Старой Ладogi (раскопки В. И. Равдоникаса), где слои, относящиеся к эпохе Киевской Руси (IX—XIII вв.), залежали над мощными культурными напластованиями VIII и более ранних столетий, характеризующихся грубой лепной керамикой, — на минском Замчище, даже в древнейшем культурном слое, лепной посуды не было найдено вовсе. Древнейшие сосуды минского Замчища сработаны на примитивном ручном гончарном круге (о чем говорит свисание бортика по краю днища и присыпка песка, ясно видимая на них).

В свете этих данных, возникновение поселения на минском Замчище должно быть отнесено либо к концу X, либо к началу XI в. Что же это было за поселение? Родовым поселком, как мы уже видели, оно не могло быть. Остается один из двух ответов: оно могло быть либо поселением сельского типа, либо боярской усадьбой.

Найденные в этом слое остатки жилых и хозяйственных сооружений не позволяют определить характер поселения. Они представляют собой глинобитные полы, нижние венцы срубных домов и деревянные заборы, обнаруженные в двух местах (в раскопе 1948 и 1947 гг.). Правда, в раскопе 1948 г. на северном и восточном краях Замчища обнаружены были следы насыпанных из песка довольно мощных валов, в основание которых, очевидно для их большей прочности, были положены в большом количестве камни. Однако валы могли окружать и поселение сельского типа. Отнесению этого древнейшего на Замчище культурного слоя к поселению сельского типа противоречит находка в этом слое изящного, орнаментированного нарезными линиями небольшого, хорошо сохранившегося гребня, сделанного, повидимому, из лосиного рога. Решающее же значение в определении характера этого культурного слоя имеют довольно обильные находки амфоровидных сосудов киевского типа, характерных для древнерусской городской культуры.¹

¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 121.

Наличие амфор и мощных укреплений в сопоставлении с другими приведенными данными позволяет предположить происхождение древнего города Минска из боярской усадьбы (замка).

При раскопках 1949 г. с большой полнотой удалось проследить залегавшие один на другом два бревенчатых и один дощатый настил (рис. 41). Первые два из них, несомненно, являлись остатками мостовых. Между первым (сверху) и вторым бревенчатым настилами, на глубине 2,75—3,00 м от современной поверхности Замчища, были обнаружены такие типичные для древнерусских городов XI—XIII вв. находки, как красношiferные пряслица овручского типа и витые и гладкие разноцветные стеклянные браслеты киевского типа.

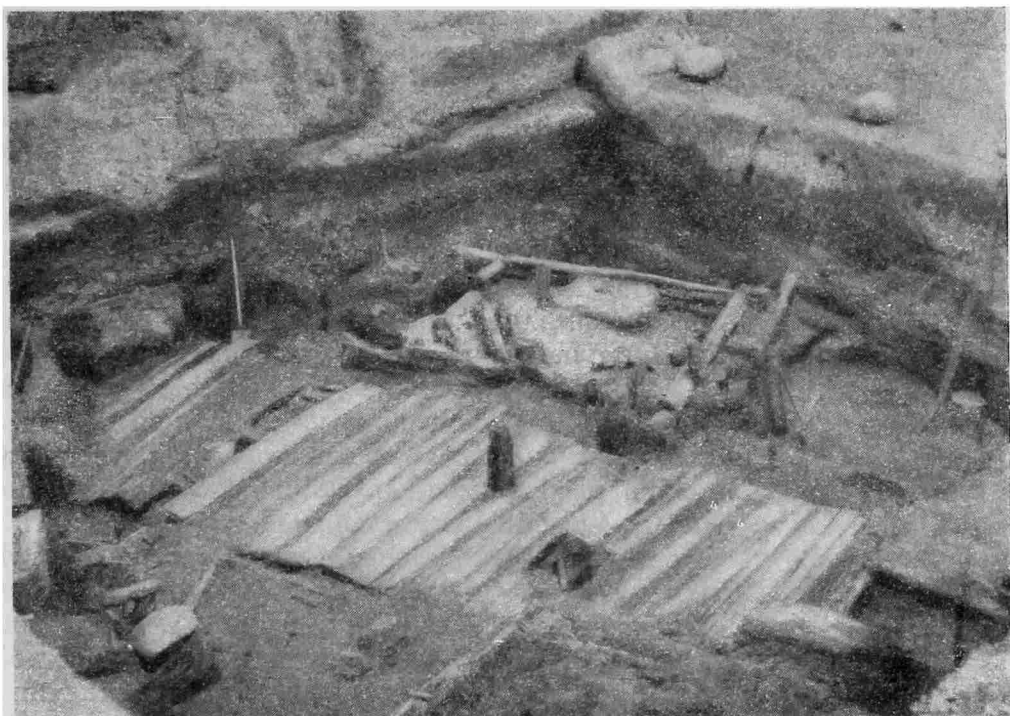

Рис. 41. Минское Замчище. Дощатый настил и срубный дом с очагом в северо-западном углу раскопа

Наибольшее количество красношiferных пряслиц и стеклянных браслетов обнаружено было внутри пяти срубных домов, а также в ближайшем соседстве с ними. В подполье одного из этих бревенчатых домов обнаружена была груда обуглившихся зерен проса, пшеницы, конопли и других злаков. О занятиях древних жителей Минска земледелием, что характерно для феодального города и более позднего времени, говорит находка железного серпа, а в 1948 г. — обломков круглых каменных жерновов.

Многочисленными остатками представлены кожевенное (обрезки кожи) и металлургическое (шлаки и медная окись) ремесла, а также костерезное дело и обработка дерева.

Особое значение имеют обнаруженная при раскопках 1949 г. массивная каменная кладка — остаток фундамента алтарной части храма с погребениями в нем, с найденными рядом двумя обломками медного церковного подсвечника и следующие предметы: бусы, как общеславянского типа (шестигранная биконическая сердоликовая, граненая агатовая, шаровидная хрустальная и глазковая крупных размеров, видимо глиняная), так, в особенности, и круглая зерненная бусина киевского типа — вероятно часть

серебряной серьги; обломок костяного наконечника посоха с двумя вариантами княжеского знака Рюриковичей (двузубец с крестом вверх; рис. 42).

Что касается бус, то типы их, наряду с такими находками, как многочисленные стеклянные браслеты и овручские пряслица, свидетельствуют о том, что древний Минск входил в орбиту общеславянской культуры, характерной для всех восточнославянских племен, вошедших в состав Киевского государства.

Исключительно большой интерес представляет упомянутый выше обломок костяного наконечника посоха с родовыми знаками Рюриковичей. Сохранилась половина этого наконечника, с цилиндрической сверлиной. Знаки Рюриковичей в двух вариантах нанесены нарезными линиями и оба

имеют очертания двузубца с крестом вверх (рис. 42). Центральное изображение выполнено в виде двух параллельных линий, соединяющихся у верхнего окончания слегка отогнутых наружу зубьев. Сбоку имеется второй знак, помещенный по отношению к первому верхней частью вниз. Он также состоит из двузубца с крестом вверх, но очертания этого двузубца намечены только одной линией, причем концы обоих зубьев отогнуты наружу.

Последний из этих родовых знаков Рюриковичей очень близок к знаку, имеющемуся на литейной форме, найденной при раскопках древнерусских слоев на Старом замке города Гродно. Но для нас особенно интересен знак на привесной печати, найденной в Киеве, на обеих сторонах которой схематично изображены двузубцы. По предположению А. В. Орешникова, подобный знак мог иметь отец Ярослава.¹ Этот знак, у которого отсутствует сверху крест, аналогичен в остальном первому из описанных выше минских знаков. А. В. Орешников считал невозможным отнести знак на киевской печати ко времени Владимира. Архаичность минского знака объясняется скорее всего тем, что он принадлежал князьям младшей ветви дома Рюриковичей, которая, начиная с Изяслава Владимировича,² положила начало полоцкой ветви князей Рюриковичей, осложнивших изображение древнего двузубца прибавлением к нему сверху креста. В таком случае знак минского посоха следует, повидимому, отнести

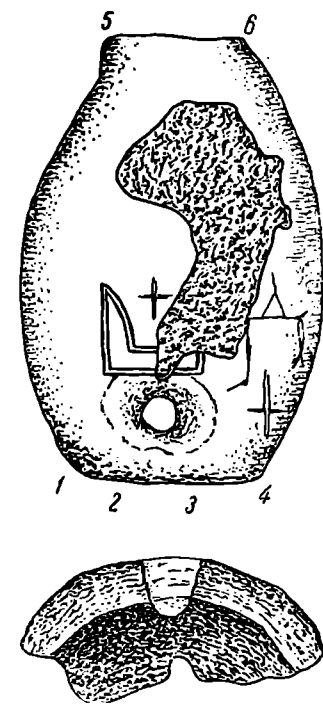

Рис. 42. Минское Замчище. Княжеские знаки Рюриковичей на наконечнике посоха

2—3, 5—6 — древний обр.;
1—2, 3—4, 5—7, 6—4 — древний облом

не ранее, чем к XII в. Это соображение вполне согласуется с летописными данными, согласно которым минское княжество с центром в г. Минске выделилось из состава Полоцкого княжества в 1101 г., после смерти полоцкого князя Всеслава Брячиславича.

Первым минским князем был один из сыновей Всеслава Брячиславича, Глеб Всеславич. Ему-то или одному из его ближайших потомков и мог принадлежать посох с княжескими знаками, найденный на минском Замчище в 1949 г. Отнести указанную находку к более позднему времени, чем XII в., нет никаких оснований. Б. А. Рыбаков подчеркивает, что «хронологически эти знаки охватывают время с X в. по середину XII в., а географически совпадают только с городами (в деревнях на тысячи гончар-

¹ А. В. Орешников. Денежные знаки домонгольской Руси, вып. 6. Изд. ГИМ, М., 1936, стр. 35.

² Старший сын Владимира Святославича и Рогнеды.

ных клейм нет ни одного княжеского), притом далеко не со всеми городами, а лишь со старыми княжескими центрами, известными с X в. как княжеские города».¹

При раскопках 1949 г. обнаружен фундамент и целиком сохранившееся самое начало стен древнего одноабсидного храма.

Кладка храма состоит из бутовых камней на известковом растворе. Цвет извести желтовато-серый. Толщина стены до 1 м и больше. Уцелевший верх стены храма залегал на глубине 4,10 м от современной поверхности Замчища. Фундамент, высотой 2,50 м, прорезал древнейший культурный слой (о нем сказано выше), лежащий в этом месте на глубине 5,20—5,45 м от поверхности. Таким образом, глубина залегания фундамента от современной поверхности составляет 6,60 м.

Удалось проследить любопытную особенность в технике сооружения фундамента: в извести, покрывавшей поверхность камней фундамента, отчетливо заметны следы тонких досок, забитых вертикально в землю на границе ямы (рва), вырытой для фундамента; нижние концы этих досок были заострены в виде треугольников, очевидно, для удобства их вбивания в землю. Доски уходят в землю глубже, чем сам фундамент, на 20—25 см, т. е. до глубины 6,80—6,85 м от поверхности. Они должны были препятствовать извести, скреплявшей камни фундамента, просачиваться в окружающую почву, чем достигалась большая прочность храма. Лишь ряд камней, выступавший на 30—40 см выше верхней границы досок, являлся уже не фундаментом, а началом самой стены храма. Были ли стены его целиком каменными или они сооружены были из дерева, установить невозможно. Можно лишь с несомненностью констатировать, что какую-то роль в качестве строительного материала при построении этого храма играли тесанные из известняка плитки в форме кирпичей, которые обнаружены были в большом количестве вокруг стены храма вместе с обыкновенными (бутовыми) камнями на уровне, соответствовавшем уровню перехода фундамента в стену, т. е. на поверхности той древней почвы, на которой построен был храм.

В раскоп 1949 г. вошла только небольшая (около 0,1) часть древнего храма, представляющая собой северную половину алтарной его части. Длина всей обнаженной раскопками части фундамента и стены 8—10 м.

В этой северной части алтаря храма, у самой западной стенки раскопа, были обнаружены два погребения в дубовых гробах из массивных, обработанных при помощи топора досок — у самой северной стены детское, а рядом с ним (к югу) — женское. Оба гроба, в плане прямоугольные, в разрезе дают квадрат. Отдельные доски обоих гробов скреплены путем помещения ребер одних из них в специальные вырубki других, без помощи железных гвоздей, хотя в земле внутри храма кованые железные гвозди были найдены. Нижняя доска детского гроба оказалась просмоленной, а верхние доски обоих гробов обернуты были берестой.

Детский костяк плохой сохранности, вещей и остатков одежды при нем не было. Женское погребение сохранилось гораздо лучше. Кроме черепа, волос (две косы вокруг лба) и крупных костей скелета, сохранились: венчик с рельефным растительным орнаментом (материал пока неясен), какой-то головной убор из легкой полупрозрачной материи белого цвета (фата?), кожаное оплечье (бармы) с прикрепленными к нему металлическими (медными или бронзовыми, судя по зеленоватой окиси) украшениями, на ногах — мягкие остроносые башмаки из черной кожи с кожаными же завязками и прорезным орнаментом сверху. К костям кое-где пристали небольшие кусочки ткани, видимо шерстяной.

¹ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 496.

Обращают на себя внимание остатки фаты, являвшейся принадлежностью подвенечного наряда. Это связано, вероятно, с древним обычаем хоронить в брачном одеянии.¹

Большой интерес представляет кожаное, с металлическими украшениями, оплечье (бармы). Это украшение, как известно, типично для членов княжеской фамилии; поэтому и обнаруженное в алтарной части храма женское погребение мы вправе рассматривать как погребение лица, имевшего близкое родственное отношение к владетельной княжеской фамилии.

На основании материалов раскопок 1949 г., а также обнаруженных на минском Замчище предметов со знаками Рюриковичей и храма, какие в ту эпоху воздвигались исключительно князьями и в склепах которых хоронились лишь лица княжеской семьи, вытекает, что, начиная с XII в., на минском Замчище, несомненно, существовал центр (кремль) древнего княжеского города Минска.

¹ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 141, сноска 53.

IV. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

А. П. ЧЕРНЫШ

РЕДКАЯ НАХОДКА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО КРЕМНЕВОГО
НАКОНЕЧНИКА НА СРЕДНЕМ ДНЕСТРЕ

В 1949 г. на правом берегу Днестра, в пределах Сокирянского района Черновицкой обл. УССР, производились археологические разведки Трипольской экспедицией ИИМК и Институтом археологии АН УССР.

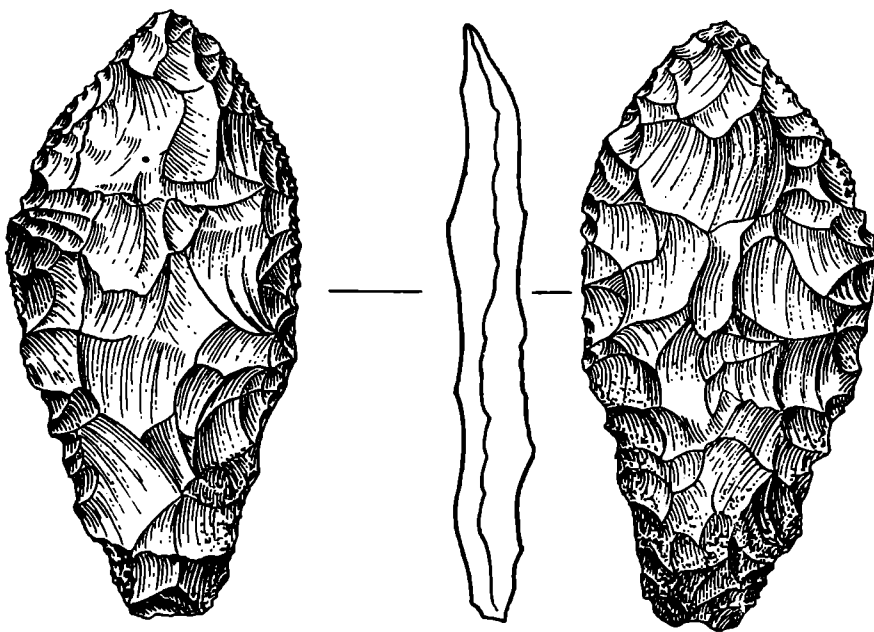

Рис. 43. Лавролистный наконечник из камня

Разведки были продолжением работ на территории Среднего Поднепровья, начатых этой экспедицией в 1948 г. Среди большого количества собранного археологического материала, относящегося к разным периодам первобытнообщинного строя, особый интерес вызывает находка палеолитического кремневого наконечника дротика (рис. 43).

Наконечник был обнаружен в окрестностях дер. Корман на поверхности третьей надпойменной террасы Днестра в урочище Перелог; кроме этой находки, других материалов здесь обнаружить не удалось. Это свидетельствует о том, что наконечник, очевидно, был утерян первобытными охот-

никами во время охоты. По своей форме он относится к так называемым листовидным наконечникам, характерным для солютрейской стадии позднего палеолита; размеры наконечника $90 \times 43 \times 7$ мм. Данный экземпляр изготовлен из коричневого кремня, часто встречающегося в меловых отложениях правобережья Поднестровья. С обеих сторон наконечник обработан плоской отжимной ретушью, характерной для солютрейской эпохи позднего палеолита. Ретушь покрывает всю поверхность наконечника с обеих сторон. Необходимо отметить, что цвет патины, покрывающей поделку — белый с одной стороны и белый с коричневатым оттенком — с другой. Нижний конец наконечника немного удлинен, образуя черешок, кончик которого слегка обломан.

До настоящего времени на территории Среднего Поднестровья было обнаружено лишь четыре наконечника солютрейского времени. Первый из них был поднят в 1932 г. на правом берегу Днестра, на стоянке Бабин II Антония. Этот экземпляр обработан с двух сторон плоской ретушью, а по форме относится к листовидным наконечникам.¹ Второй наконечник листовидной формы известен из материалов, собранных М. Я. Рудинским на стоянке Китайгород II, находящейся на левом берегу Днестра.² Правда, М. Я. Рудинский, называя наконечник «бифасом листовидной формы», фактически воздерживается от определения времени находки, отрицая, что наконечник солютрейского времени.³ Третий наконечник солютрейского времени был обнаружен автором данной статьи в 1948 г. на стоянке Бабин I Яма, а обломок четвертого был поднят на стоянке Бабин III.⁴

На территории Верхнего Поднестровья известно также несколько наконечников солютрейского времени. Среди просмотренных автором материалов, находящихся во Львовском историческом музее, обращают на себя внимание листовидные наконечники из Городницы и из Незвишек, Городенковского района Станиславской обл. УССР.

Все указанные наконечники немного отличаются по своей форме, но совершенно аналогичны по назначению и технике обработки; они даже покрыты патиной одинакового оттенка. Выяснилось, что листовидные наконечники из Бабин II и Бабин I приближаются к подтреугольной форме, а наконечники из Китайгорода II и Городенки более овальные; наконечник из Незвишек имеет черешок.

На территории Европейской части СССР и в других местах известны находки листовидных наконечников со сплошной двусторонней обработкой поверхности. Такие наконечники имеются среди материалов Тельманской стоянки, относящейся к ранней поре позднего палеолита.⁵ Наконечники с двусторонней обработкой поверхности подтреугольной формы были обнаружены и в нижнем слое стоянки Костенки I.⁶

Любопытно отметить, что среди материалов позднемустьерской стоянки Ильской встречены подтреугольные и овальные листовидные наконечники

¹ N. Morosan. Le pleistocene et le paleolitique de la Roumanie du Nord-est Bucarest. 1938, табл. VI—1.

² М. Рудинський. Пушкарівський палеолітичний постій і його місце в українському палеоліті. Археологія, т. I. Київ, 1947, табл. 9—13.

³ Его же. З матеріалів Дністрянської експедиції 1945 року. Археологічні пам'ятки УРСР, т. II, Київ, 1949, стр. 308.

⁴ А. П. Черныш. Новые данные о палеолите и мезолите Днестра. КСИИМК, вып. XXXII, М., табл. I—6, 7.

⁵ П. П. Ефименко. Новая палеолитическая стоянка в Костенках. Бюлл. комиссии по изучению четвертичного периода. М.—Л., 1940, № 6—7.

⁶ А. Н. Рогачев. О нижнем горизонте культурных останков Костенки I. КСИИМК, вып. XXXI, М., 1950.

с двусторонней обработкой поверхности.¹ Листовидные наконечники являются одной из самых типичных и широко распространенных форм кремневых поделок солютрейского времени. Можно назвать очень много стоянок, где встречены листовидные наконечники. Ближайшими к советской территории являются находки наконечников, сделанные в Румынии и Польше. Известны, например, наконечники, обнаруженные на левом берегу Прута, в пунктах Инпоноара и Моара Попей (Румыния); в Польше такие наконечники найдены в пещерах Ежмановской, Мамонтовой и Казярна. Известны наконечники из Венгрии: пещеры Сцелета и Янковича, Мискольч и другие пункты. Подобные наконечники происходят также с территории Чехословакии, где особенно много их обнаружено на знаменитой стоянке Пршедмост. Достаточно много листовидных наконечников было встречено на стоянках Франции (грот Трилобит, Солютре, Плакар, Монто, Пре Обер, Брасемпуи, Лакав, Ложери Бас и др.) и Испании (пещера Кастильо, Альтамира, Горнос де ла Пеня).

В подавляющем большинстве случаев наконечники были встречены на этих пунктах в четко выраженном богатом находками культурном слое солютрейского времени с остатками фауны. Во многих случаях солютрейский слой был промежуточным слоем многослойного памятника и сверху перекрывался отложениями мадленского времени. Из всех перечисленных пунктов особый интерес вызывает стоянка Монто (Франция), где было обнаружено 79 лавролистных наконечников; часть из них имела слабо выраженный черешок, т. е. они аналогичны публикуемой в данной статье находке 1949 г. на Среднем Днестре.

Все приведенные выше данные указывают на то, что новая находка листовидного солютрейского наконечника на Среднем Днестре не была случайностью.

Находка эта, сделанная на правом берегу Днестра у с. Корман, лишний раз свидетельствует о наличии на Среднем Поднестровье солютрейского этапа в развитии позднего палеолита, а также о том, что Среднее Поднестровье не являлось в палеолитическое время каким-то обособленным участком территории, а было местностью с такими же особенностями в развитии позднего палеолита, которые установлены при многолетних исследованиях памятников других территорий.

¹ В. А. Городцов. Результаты исследования Ильской палеолитической стоянки МИА СССР, вып. 2. Палеолит и неолит СССР. М., 1941, табл. III. С. Н. Замятин. Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения. Труды АИЧПЕ, вып. V, 1934, табл. I—II.

С. А. СЕМЕНОВ

ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОСТЯНЫЕ РУКОЯТКИ

Вопрос о возникновении рукояток для орудий труда еще не привлекал внимания исследователей. Между тем это важный вопрос истории первобытной техники, разрешение которого проливает свет на один из крупнейших сдвигов на пути развития человеческого труда, когда человек ощупью, в результате длительного накопления опыта, познает, наконец, преимущество каменного орудия, оснащенного деревянной или костяной рукоятью.

Техническое значение рукоятки весьма велико. Она увеличивает механическую силу и эффективность орудия во время работы в несколько раз. В ударных орудиях (топор, мотыга) сила удара возрастает с увеличением радиуса размаха. В режущих орудиях (нож, резец) рукоятка увеличивает силу нажима.

Таким образом, рукоятка — это первый значительный шаг в области первобытной механизации труда.

Рукоятки как самостоятельные приспособления к каменным орудиям нам известны пока по археологическим материалам только верхнепалеолитических горизонтов. О них мы знаем очень мало.

Еще недавно, как только возникал вопрос о древнейших рукоятках, мы в первую очередь обращались к стоянке Мальта, потом к французским публикациям, очень немногочисленным. В настоящее время можно с определенностью говорить уже о четырех рукоятках, известных среди материалов, хранящихся в Ленинграде.

Все четыре рукоятки различные. Простейшей из них является рукоятка из Мальты. Она представляет собой слегка изогнутый цилиндр, довольно грубо вырезанный из рога северного оленя. Кремневое орудие было осторожно вбито в губчатую структуру рога рукоятки. Рентгеновский снимок показал, что орудие было вставлено в рукоятку узким концом почти на половину своей длины и закреплено совершенно неподвижно, намертво. В этом было большое преимущество креплений такого рода (рис. 44—1, 2).

По всей вероятности, мы имеем здесь наиболее ранний способ крепления орудий в рукоятках. Однако в таком креплении заключался и крупный недостаток. Если орудие ломалось, рукоятку приходилось выбрасывать вместе с орудием, так как извлечение черенка было затруднительно. Пропадал немалый труд. Как ни просты были такие рукоятки, все же изготовление их и особенно кропотливый и осторожный процесс вколачивания орудия в губчатую массу требовали больше времени, нежели приготовление кремневого орудия. Причем крепление производилось не без риска, так как орудие могло сломаться.

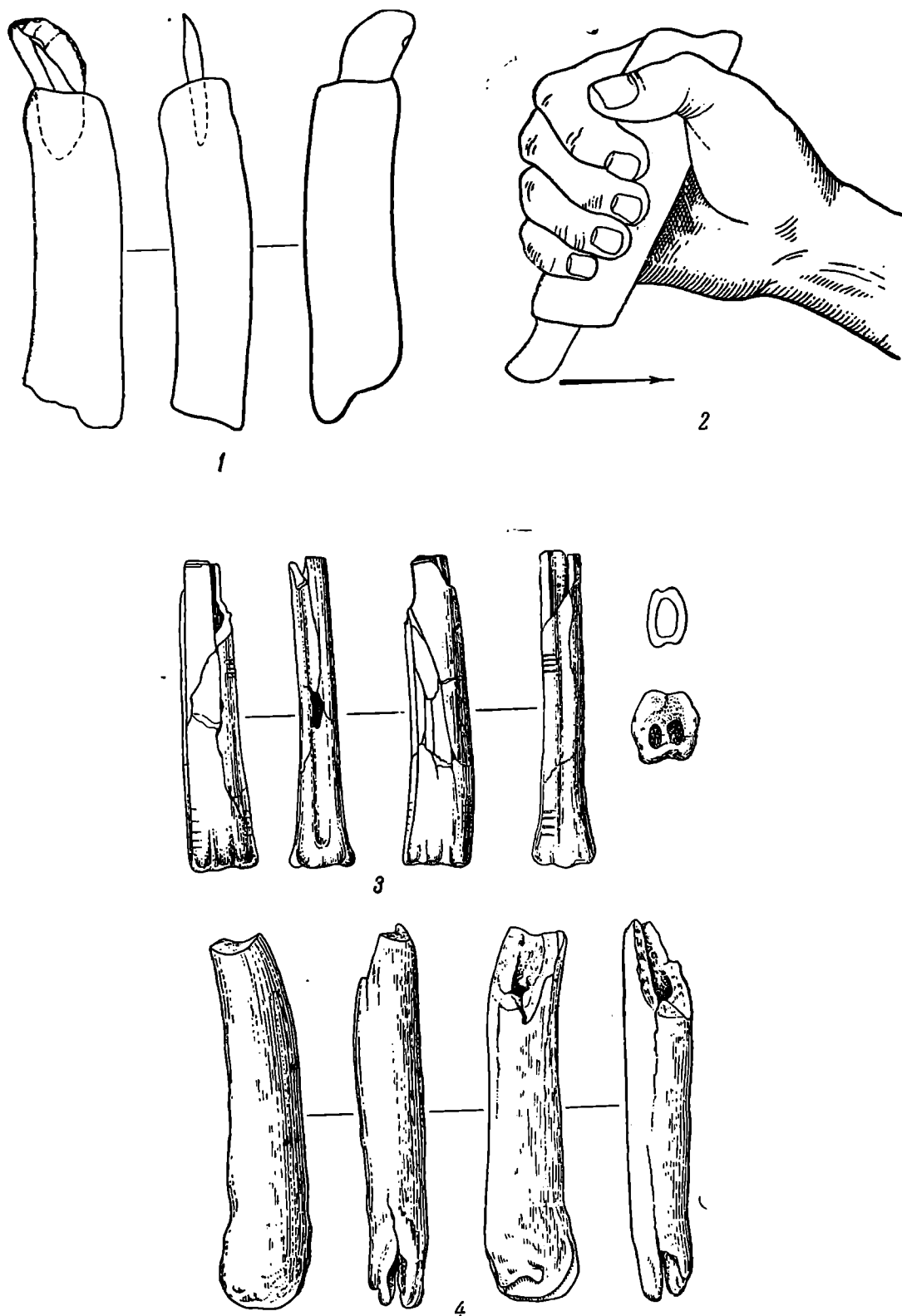

Рис. 44. Костяные рукоятки.

1 — из Мальты; 2 — способ употребления; 3 — из Елисеевичей; 4 — с Афонтовой горы

Несовершенство этих рукояток уже в верхнем палеолите было вполне осознано и преодолено человеком. Три остальные рукоятки, исследованные нами, более совершенны, и здесь отмеченный недостаток устранен. Человек эпохи верхнего палеолита вышел из затруднения весьма изобретательным способом. Он стал просверливать в теле рукоятки сквозное отверстие, позволявшее выталкивать черенок сломавшегося орудия. Однако просверлить сквозное отверстие в роге по его длине было делом не простым. Поэтому палеолитический человек изредка пользовался трубчатыми костями с готовыми полостями.

Примером рукоятки из трубчатой кости может служить превосходный экземпляр такого рода из поселения Елисеевичи. Здесь использована голень оленя с дистальным эпифизом. Она очень точно и уверенно разрезана резцом поперек, неподалеку от проксимального эпифиза. Длина рукоятки 14 см, а общая длина этой кости достигает 20 см. На эпифизе пробиты два отверстия, чтобы полость внутри кости сделать сквозной для выталкивания черенка. Поверхность рукоятки слегка орнаментирована короткими нарезками, нанесенными на диафизарной части по четыре и пять в ряд (рис. 44—3). Рукоятка, повидимому, очень долго была в употреблении. Об этом свидетельствует сильная изношенность и заглаженность ее поверхности от продолжительного соприкосновения с рукой. Некоторые нарезки стерты и с трудом различаются в местах, где было наиболее интенсивное трение о кожу человеческой руки.

Какого типа орудие закреплялось в этой рукоятке — сказать пока трудно. На внутренних стенках полости нет следов от черенка орудия. Кроме того, конец рукоятки, служивший обоймой, наполовину выломан. Очень вероятно, что черенок орудия, вставляемого в эту рукоятку, обертывался в кожу. Такие факты известны из этнографии. На основании наблюдений над характером заглаженности рукоятки, формой и другими особенностями можно считать ее рукояткой для резца. Вся рукоятка реставрирована из отдельных фрагментов.

Рукоятки из трубчатой кости не могли широко распространиться в верхнем палеолите. Трубчатая кость очень хрупка; а главное, полость внутри кости из-за ее формы являлась весьма несовершенной обоймой для крепления орудия. Изменить полость не позволяли тонкие стенки кости.

Отсюда становится понятным, почему для рукояток чаще всего употребляли рог оленя; в неолите — оленя и лося. Олений рог обладает исключительной упругостью и прочностью благодаря губчатости заполнения. Губчатая масса удобна для крепления в ней орудия. В ней легче пробить обойменное и сквозное отверстие.

Простейшую роговую рукоятку мы уже знаем на примере мальтинского экземпляра. Среди беспаспортного костяного инвентаря Афонтовой горы нами обнаружена роговая рукоятка более сложного вида. Это — пример роговой рукоятки со специально вырезанной обоймой для определенного орудия и просверленным сквозным отверстием для выталкивания черенка в случае поломки орудия (рис. 44—4). Длина рукоятки 11 см, диаметр в поперечном сечении 2,5 см; форма изогнутая. В свое время эта рукоятка попала во влажную среду, набухла, а когда высохла — деформировалась, особенно в обойменной части. Поэтому по ней теперь трудно судить о том типе орудия, которое сюда вставлял палеолитический человек.

Однако данных для суждений здесь больше, чем в случае с рукояткой из трубчатой кости из Елисеевичей. Обойменная полость здесь вырезана в широкой и слегка уплощенной части рогового отростка, срезанного у главной ветви и закругленного. Это сравнительно узкая щель, переходящая в сквозное отверстие. Судя по форме обойменной полости, в нее могло быть заключено орудие такого же типа, как и в рукоятку из Маль-

ты, являющееся не чем иным, как кривым ножом для резания кожи. Оно непременно выпало бы из такой открытой с боков обоймы при сильном нажиме рукой, создававшей боковое давление. По тем же соображениям нельзя допустить, что здесь крепился и резец. Вероятнее всего, что здесь мы имеем рукоятку для скребков, в особенности скребков на очень коротких пластинках или на небольших отщепках, которыми весьма затруднительно работать без рукояток. Подобные скребки имеются в кремневом инвентаре Афонтовой горы. Такое предположение объясняет, почему обойменная щель открыта с боков. Повидимому, это сделано намеренно, чтобы рукоятка крепила скребки разной ширины, даже выходящие за ее габарит.

Четвертая рукоятка представляет особенный интерес. Она из палеолитической стоянки Мезин. К сожалению, эта рукоятка в настоящее время представлена только муляжем;¹ длина ее 9 см, диаметр 1,5 см; материал — рог оленя. Бросается в глаза ее весьма своеобразная форма, на первых порах даже наводящая на мысль, что перед нами некое самостоятельное орудие, а не рукоятка. Один конец этого предмета отделан в виде развилки путем выреза в теле рога треугольной выемки; противоположный конец имеет вид косой лопатки. Почти посередине находится поперечный надрез, который был нанесен, чтобы отщепить продольную половину рога на месте лопаточки (рис. 45 — 5). Сквозное отверстие в этой рукоятке начинается на месте надреза и расширяется по направлению к развилке. Здесь оно имеет вид довольно широкой обойменной полости, четырехугольной в сечении.

Изучение обойменной полости показывает, что внутрь ее вставлялось орудие с боковым давлением. Боковое давление возможно в двух случаях: 1) при работе ножом типа мальтинского, для резания кожи, или 2) при работе с резцом. Первый вариант можно отбросить, так как мезинская рукоятка слишком мала для ножа такого назначения. Кроме того, ее обойменная часть с развилкой не подходит к орудиям для резки кожи. Скорее всего она приспособлена для небольшого резца, к слабому давлению руки, ибо срезанные углом бока обоймы этой рукоятки позволяют пальцам (большому, указательному и среднему) очень близко соприкаться с самим резцом.

Такое тесное соприкосновение пальцев с резцом может быть предусмотрено только для очень точной работы, когда требуется внимательно следить за движением резца. Так, например, действуем мы карандашом или пером. Чем большая тщательность требуется в графической работе, которую мы выполняем, тем ближе наши пальцы к острию карандаша.

Принимая все сказанное во внимание, можно полагать, что инструмент с данной рукояткой предназначался для художественных работ и нанесения орнаментальных украшений на кости, которыми так богата Мезинская палеолитическая стоянка (рис. 45—6, 7).

Далее, есть основание думать, что для таких работ успешнее всего могли служить резцы клювовидные. Эти резцы хорошо известны в Мезине. Они приготовлены ретушью из коротких пластинок, иногда неправильной, коленчатой формы (рис. 45—6).

На других стоянках (Мальте, Тимоновке, Костенках I) обнаружены кремневые орудия из отщепов, иногда подправленные ретушью, иногда без подправок. Все они имеют клювовидную форму. Следы сработанности обнаружены на «носиках». Эти следы и форма орудий позволили рассматривать их в качестве резцов для нанесения орнамента рисунка. Эти резцы большей частью употреблялись без рукояток.

¹ Местонахождение оригинала неизвестно. Муляж хранится в Археологическом отделе Музея этнографии АН СССР.

Из рукояток, известных по литературе, прежде всего укажем на экземпляр из грота Реверди, исследованного Делажем в Дордони.¹ Рукоятка сделана из рога оленя; длина ее 14 см, диаметр 2,5—3 см. Она также обладает

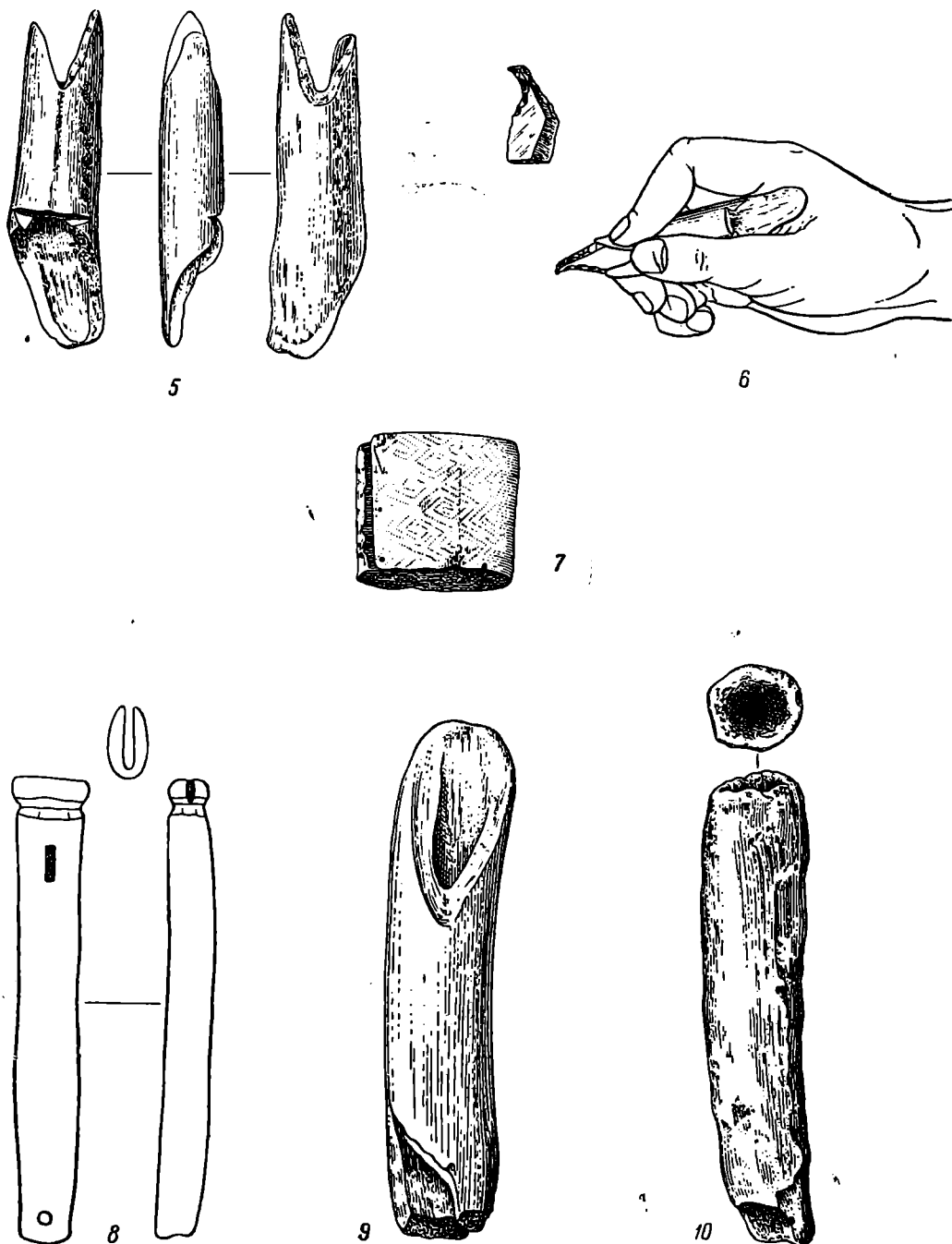

Рис. 45. Костяные рукоятки со сверлиной для выемки орудия

5 — из Мезина; 6 — резец из Мезина и способ зажима мезинской рукоятки в руке; 7 — орнаментированный браслет от бивня мамонта (Мезин); 8 — эскимосская рукоятка из ребра морского животного; 9 — рукоятка из грота Реверди; 10 — рукоятка из грота Леспюг

довольно широким сквозным отверстием. Один конец рукоятки срезан косо, как у мезинской, но без поперечного надреза и напоминает закругленную лопаточку или ложку. Это входное ложе для выталкивателя. Другой конец,

¹ F. Delage. Les roches de Sergeac (Dordogne). L'Anthropologie, 1935, стр. 300, рис. 11.

обойменный, был срезан под прямым углом. Насколько можно судить по кратким описаниям Делажа и по рисунку, обойменная полость была овальной формы. Края обоймы были повреждены. Они частично выломались, вероятно, в процессе работы резцом при сильном боковом давлении (рис. 45—9).

Рукоятка, опубликованная Сен-Перье среди материалов из грота Леспюг, сделана из рога оленя, но, в отличие от всех описанных, имеет круглую обойменную полость, незаметно переходящую в сквозное отверстие.¹

Трудно сказать, имея перед собой только рисунок и краткое описание, для какого рода орудий предназначалась эта рукоятка. Вероятно, для такой рукоятки специально ретушировался черенок кремневого орудия. Но и здесь, как можно заключить из описаний и рисунка, имеется обойменная полость, сквозное отверстие и входное ложе для выталкивания (рис. 45—10).

Изготовление таких долговременных рукояток для сменных не шлифованных орудий из камня продолжалось, повидимому, весьма долго, в течение почти всей дометаллической эпохи и даже в период появления металла.

Как в рукоятке пробивали сравнительно длинное сквозное отверстие? Поскольку речь идет об отверстии в губчатой массе, не компактной и проницаемой, то, очевидно, эта операция не была трудной. Можно было сверлить сначала кремневым буровым, а затем трубчатой костью мелкого животного или птицы.

Сквозное отверстие в рукоятке не сразу было понято как специально предназначенное для выталкивания черенков. Назначение этой интересной детали в палеолитических рукоятках раскрылось при сравнении с эскимосским археологическим материалом, привезенным

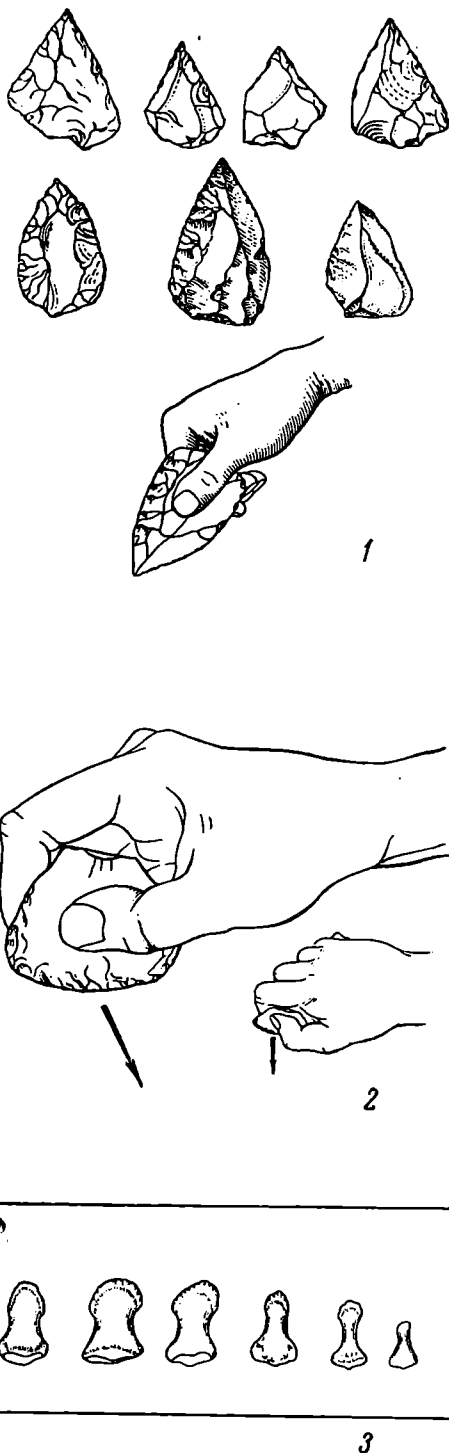

Рис. 46. Каменные орудия и захват их рукой в процессе работы.

1 — мустьерские остроконечники и способ зажима остроконечника в руке; 2 — способ зажима в руке мустьерского скребка; 3 — формы концевых фаланг большого пальца современного человека, неандертальцев и антропидов

¹ R. de Saint-Périer. La Grotte de Gueris à Lespuque. L'Anthropologie, 1927, стр. 254, рис. 8.

С. И. Руденко с Чукотского полуострова в 1945 г. Оказалось, что эскимосские рукоятки, представляющие собой более усовершенствованные приспособления, чем палеолитические, имеют обойму без сквозного отверстия. Вытапливание черенка от сломанного орудия производится посредством косточки через боковую прорезь, расположенную у самого дна обойменной полости (рис. 45—8).

Как было сказано, костяные рукоятки для каменных орудий не известны среди материалов мустьерской эпохи. Появление рукояток в верхнем палеолите факт не случайный. К этому времени происходят крупнейшие сдвиги в развитии человека, прежде всего окончательное формирование *homo sapiens* со всеми сопутствующими достижениями в хозяйстве и технике.

Череп, позвоночник, стопз, кисть руки приобретают черты, свойственные *homo sapiens*. Рука кроманьонца, как известно, имеет все пропорции руки современного человека

Едва ли может подлежать сомнению, что в окончательном вызревании всех анатомических признаков человеческой кисти играло немаловажную роль столь существенное техническое приспособление, как рукоятка. Имеющиеся в распоряжении антропологии немногочисленные, но достаточно веские факты подкрепляют эту мысль.

Как установлено, кисть руки неандертальца по основным пропорциям соответствует габитусу кисти *homo sapiens*. Вместе с тем в кисти неандертальца наличествуют особенности, резко выходящие за пределы всех вариаций у современного человека. Речь идет о концевых фалангах пальцев рук неандертальского человека, достигающих разительной ширины, особенно в пропорциях ногтевых лопастей. На прилагаемой таблице расположены в ряд справа налево рисунки концевых фаланг большого пальца правой руки оранга, шимпанзе, гориллы, крапинского неандертальца, кийк-кобинца и современного человека¹ (рис. 46—3). Необычайное своеобразие концевых фаланг пальцев рук неандертальского человека не привлекало к себе должного внимания до тех пор, пока Г. А. Бонч-Осмоловский не использовал данный факт для доказательства того, что исключительная ширина концевых фаланг кийк-кобинца есть следствие применения ближайшими предками неандертальца верхних конечностей для опоры при передвижении.

Развитие концевых фаланг пальцев неандертальцев необходимо рассматривать, по нашему мнению, как следствие употребления каменных орудий без рукояток, как результат гиперфункций — усиленной деятельности конечностей пальцев, зажимавших каменные орудия в процессе работы (рис. 46—1, 2).

Высказанное положение подкрепляется также асимметрическим строением этих концевых фаланг. Они не только широки, но и деформированы, перекошены от основания до ногтевой лопасти, причем радиальный край лопасти сдавлен. Давление орудия на радиальный край лопасти, очевидно, чаще всего вызывалось процессами резания, скобления и прокалывания — главными актами повседневного труда.

¹ Строение концевой фаланги известных нам неандертальцев из Кийк-Кобы, Крапины, Ферасси подтверждается и Кизсом, исследовавшим неандертальцев из Палестины.

Л. Р. КЫЗЛАСОВ

САРЫ-БУЛАКСКАЯ ПИСАНИЦА В БЕТПАК-ДАЛА

Археологическое изучение пустыни Бетпак-Дала находится еще в стадии зарождения. Тем не менее кое-какие материалы оттуда нам известны, и число их растет ежегодно. Это пока еще случайные сборы различных научных экспедиций, главным образом геологов и почвоведов. Накопленные небольшие коллекции до сих пор никем еще не изучены и находятся зачастую в разрозненном состоянии. Преобладают в них каменные отщепы неолитического облика. Характерны микролитические орудия из твердых пород камня — кварцитов, кремня, халцедонов, яшмы и роговика. Это преимущественно ретушированные ножевидные пластинки, скребки и резцы на концах длинных пластин, овальные и треугольные наконечники стрел с плоским или слегка вогнутым основанием, небольшие нуклеусы конической формы и т. д.¹

Подобного рода находки были сделаны еще в 1929 г., экспедицией САГУ в долине речки Бокты-Карн на западной окраине Бетпак-Дала, а в 1934 г. экспедиция САГУ привезла аналогичный каменный инвентарь из района колодцев Уванас и ключей Кендерлык.²

Все эти орудия собраны на местах древних стоянок первобытных бродячих охотников и рыболовов вокруг такыров и родников-булаков. Подобный микролитический инвентарь широко известен не только в Казахстане, но и в Средней и Центральной Азии. Он имеет много общего с орудиями позднего неолита и энеолита Монголии, Восточного Туркестана и кельтеминарской культуры древнего Хорезма. Проследить эту близость можно хотя бы по треугольным наконечникам стрел с плоским или же слегка вогнутым основанием. Такой наконечник из Бетпак-Дала издал А. В. Мухля.³ Это — узкий треугольный наконечник, тщательно обработанный с двух сторон плоской отжимной ретушью. Совершенно такие же наконечники встречаются и в кельтеминарской культуре,⁴ и в Монголии,⁵ и в Восточном Туркестане.⁶

¹ Справку по находкам в Бетпак-Дала см. в Изв. АН Каз. ССР, серия археол., 1948, вып. 1, стр. 131.

² В. А. Селевин. Введение в естественно-историческое изучение Бетпак-Дала. Труды САГУ, серия XII-а. География, вып. 12. Ташкент, 1935, стр. 3.

³ А. В. Мухля. В пустыне Бетпак-Дала. Алма-Ата, 1948, рис. 9 (2).

⁴ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 67 и рис. 18а, 8.

⁵ С. В. Киселев. Монголия в древности. Изв. АН СССР, серия истории и философии, 1947, т. IV, № 4, рис. 16, на стр. 357; ср. Г. И. Боровка. Археологическое обследование среднего течения р. Толы. Сб. «Сев. Монголия», вып. II. Л., 1927, табл. X, рис. 5—7.

⁶ R. A. Smith The Stone Age in Chinese Turkistan, Man, v. XI, № 6, June 1911, табл., рис. F, 4.

Хронологически все эти находки каменной индустрии в Бетпак-Дала относятся к позднему неолиту, энеолиту и, видимо, к раннему периоду бронзового века.

Таким образом, можно считать установленным, даже по имеющимся у нас предварительным данным, что уже в эпоху развитого неолита человек обитал в пустыне Бетпак-Дала. Это пока самая ранняя хронологическая грань, но надо надеяться, что дальнейшие археологические изыскания, особенно исследования стоянок первобытного человека путем систематических раскопок, помогут нам более точно определить время проникновения человека в Голодную степь.

Эпоха бронзы представлена для Бетпак-Дала еще меньшим количеством случайных находок. Нам известны несколько бронзовых наконечников стрел и обломков их. Один обломанный бронзовый наконечник издал А. В. Мухля.¹ Этот двухперый листовидный втульчатый наконечник совершенно аналогичен наконечнику позднего периода «андроновской культуры» Казахстана из раскопок О. А. Кривцовой-Граковой близ Кустаная (X—VIII вв. до н. э.).² В 1947 г. в северо-западной части Бетпак-Дала, в районе песков Жеты-Конкур А. Х. Маргулан обнаружил бронзовый трехгранный башневидный наконечник стрелы с шипиками и скрытой втулкой, типично «скифский», датируемый V—III вв. до н. э.³

В июле 1948 г. при транзитном переходе Центрально-Казахстанской археологической экспедиции через Бетпак-Дала нами была обследована писаница в горах Джамбул. Писаница расположена в 5 км к юго-западу от урочища Сары-Булак Шойбека в горной долине, на отвесной скале. У местного казахского населения она известна под названием «сурет-тас». Ровная, покрытая пустынным загаром поверхность скалы была заполнена древними рисунками на площади около 4 м в длину и 2 м в высоту. Все изображения выбиты точечной техникой и представляют собой силуэты животных и людей. Изображения наносились, видимо, тонким остро отточенным металлическим орудием, которое оставляло на скале после удара точечные ямки конической формы, которыми и заполнялось все изображение. Рисунки, благодаря твердости породы, относительно хорошо сохранились и почти все были нами зафиксированы. Трещиной скалы сверху вниз вся писаница как бы делится на две группы, хотя между рисунками нет пустого пространства.

Левая группа, «группа архара», представляет воспроизведение скачущих вправо тау-теке, размером 10—12 см в длину. Изображения очень схематичны: обычно изображены только две ноги, один более или менее сильно закрученный рог, морда, шея, туловище и торчащий вверх хвостик; редко — два рога и более оформленные очертания тела (рис. 47а). В левом верхнем углу, доминируя над всей группой, с большим реализмом и очень умелым подчеркиванием основных форм изображен архар. Его фигура выделяется гораздо большим размером (общая длина до 20 см). Закругленность в передаче форм животного, спирально закрученные рога, как бы вписанные один в другой, — вся эта графическая манера весьма характерна для так называемого скифо-сибирского звериного стиля. В такой же манере, с особенно закругленными формами, воспроизведено и другое животное ниже архара. В правом верхнем углу рассматриваемой нами группы изображена крайне схематично фигурка человека, бегущего вправо; он выбросил одну руку вперед, вторая же, согнутая в локте, обращена к

¹ А. В. Мухля. Указ. соч., рис. 15—1.

² О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, вып. XVII, М., 1948, рис. 33—1.

³ Б. Н. Граков. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов. Труды Секции археологии РАНИОН, вып. V. М., 1930, рис. 3.

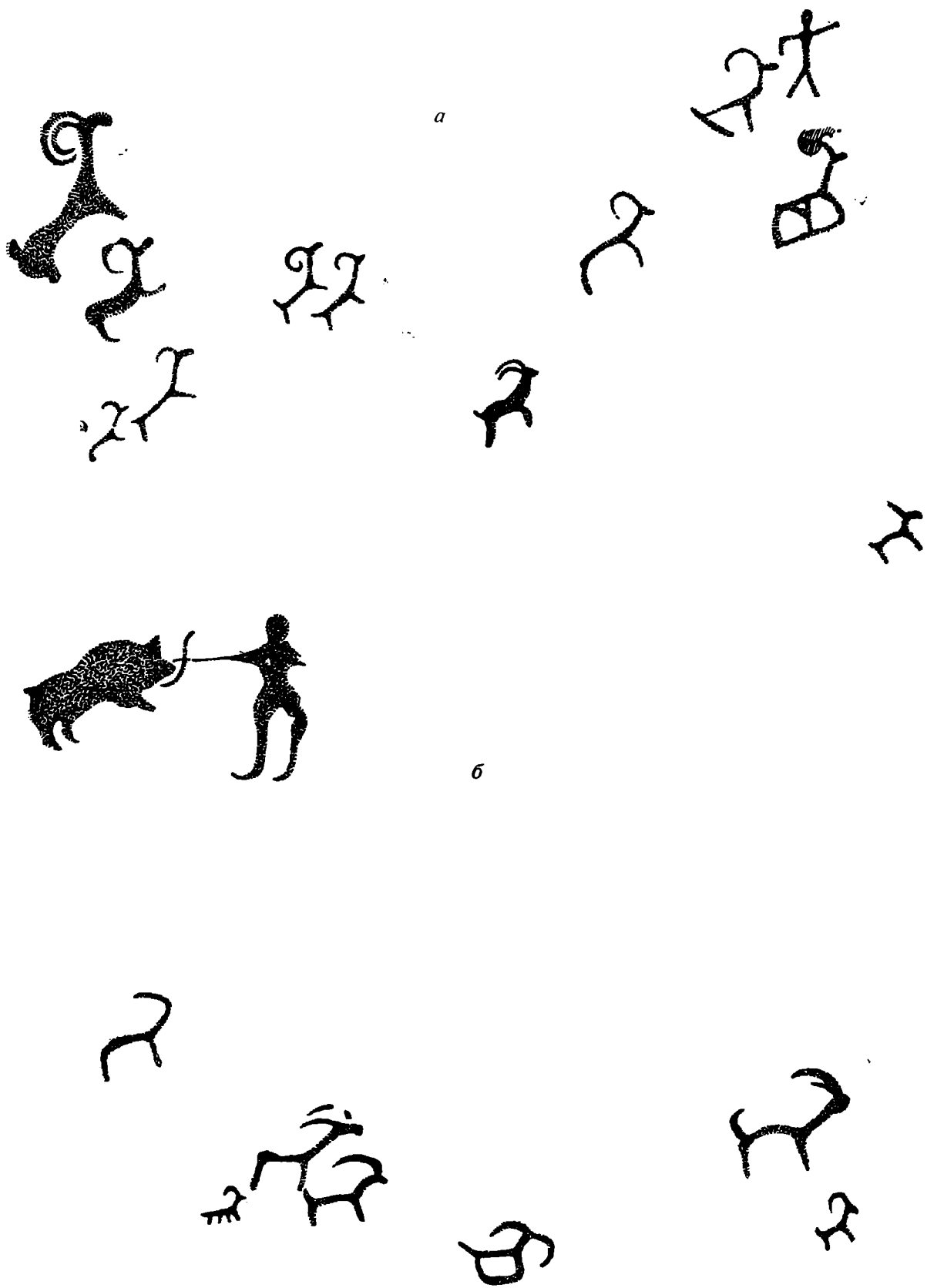

Рис. 47. Сары-булакская писаница
а — группа архара; б — группа охотника

изображенному рядом с ним тау-теке. Последний передан, в отличие от других бегущих по направлению к человеку животных, в характерной позе упирающегося козла, выставившего далеко вперед заднюю ногу. Создается впечатление, что человек тянет это упирающееся животное за собой; это подчеркивается также и близким расположением этих фигурок.

Вторая группа изображений, «группа охотника», расположена непосредственно вправо от рассмотренной выше (рис. 476). Здесь прежде всего бросается в глаза верхнее изображение сцены охоты, переданной в более крупном масштабе. Изображен охотник, видимо, с непокрытой головой, в мягкой обуви с загнутыми носками. В руке он держит странное оружие в виде дротика (копья?), с эсобразной перекладной на конце. Оружие обращено навстречу бросившемуся на него разъяренному зверю. Зверь этот — копытное тучное животное с мощным загривком, почти без шеи, с тупорылой мордой и треугольным вверх торчащим большим ухом. Это, по всей вероятности, дикий кабан, что хорошо согласуется и с пропорциями обеих фигур.

Ниже описанной сцены охоты скала покрыта изображениями шести особей тау-теке. В отличие от первой (левой) группы, где все животные изображены скачущими вправо вслед человеку, тянущему за собой козла, т. е. по направлению к охотнику на кабана, здесь животные переданы, скорее всего, стоящими или же медленно идущими. Последнее наблюдение особенно интересно. Оно, может быть, указывает путь для расшифровки всей писаницы. То, что мы имеем здесь дело с магическими по своему смыслу наскальными рисунками древних бродячих охотников, не подлежит сомнению. И даже очень вероятно, что единственный во всей сцене с большой тщательностью и крупно изображенный архар является тотемным животным данного племени охотников. Именно от него по направлению к охотникам бегут все горные козлы. Он как бы «посылает» их людям. В правой же половине писаницы (рис. 476) козлы изображены спокойно стоящими, не бегущими от охотников. Может быть, это изображения уже «поверженных», принадлежащих людям животных? Таков наиболее правдоподобный вариант осмысления сары-булакской писаницы.

Необходимо отметить два изображения тау-теке, превращенных в непонятные для нас тамгообразные знаки. Передние и задние ноги их соединены чертой, состоящей из обычных точек. Это один из бегущих козлов «группы архара», расположенный ниже фигурки человека. Вторая «тамга» — самый нижний козел в «группе охотника», причем длинная морда его загнута вниз.

К какому же времени относятся рассмотренные нами рисунки древних бетпак-далинских охотников?

Писаницы, исполненные точечной техникой, лучше всего изученные на Енисее, датируются там временем тагарской культуры (VII—I вв. до н. э.).¹ То же самое можно сказать и о писаницах Тувы и Монголии.² Эту же датировку в основном предлагает для Казахстана С. С. Черников, который на основании изучения технических приемов и стилистических особенностей писаниц верховий Иртыша пришел к выводу, что большинство их относится к периоду так называемых ранних кочевников (VI—I вв. до н. э.).³

¹ С. В. Киселев. Значение техники и приемов изображения некоторых енисейских писаниц. Труды Секции археологии РАНИОН, т. V, М., 1930, стр. 91—100; ср. Г. П. Сосновский. Писаница на горе Кизех-Таш. КСИИМК, вып. VI, 1940, стр. 54—58.

² Г. И. Боровка. Указ. соч., табл. IX, рис. 2, 4, 5.

³ С. С. Черников. Наскальные изображения верховий Иртыша. СА, М.—Л., 1947, вып. IX, стр. 280.

У нас нет оснований не поддержать эту датировку и для нашей сары-булакской писаницы, ибо техника и стилистические особенности изображений ее поразительно совпадают с особенностями писаниц, с типичными схематизированными фигурками горных козлов, ареал распространения которых обширен. Сюда входит Алтай, Минусинская котловина, Тува, Монголия, Казахстан и даже Афганистан. И, видимо, прав С. С. Черников, подчеркивая, что это не случайное явление, и предполагая сходство первобытных религиозно-магических представлений для определенного периода развития человеческого общества в этих районах.¹

Такой датировке вполне соответствует уже отмеченная нами стилистическая манера изображений животных нашей писаницы, в особенности закругленность форм животных «группы архара» и «группы охотника».

Находки в Бетпак-Дала бронзовых наконечников стрел «скифских» типов убедительно подтверждают, что в это время пустыня была населенной. Кочующие группы, а может быть и племена охотников, используя далеко не малочисленные (особенно в горах) выходы пресных вод в виде родников и источников, а более всего, видимо, весеннее время года, находили себе в этой пустыне достаточное пропитание. Из животных, изображенных на сары-булакской писанице, тау-теке и архары и в настоящее время во множестве обитают в горах Джамбул, особенно у близлежащего источника Сары-Булак (Желтый ключ). Кабаны известны на Балхаше, в долине р. Или, и не исключена возможность, что весной они заходили в пустыню, которая в это время года представляет собой обширные болота.

Необходимо отметить и еще одну писаницу, обнаруженную в 1936 г. геологом Лубяных в саях этого же хребта Джамбул; на ней также изображены архары и тау-теке, и относится она, видимо, к тому же времени, что и наша.²

Мы рассмотрели археологические памятники Бетпак-Дала, свидетельствующие о постоянном, со времени верхнего неолита, обитании в ней охотничьих бродячих племен, хорошо приспособившихся к суровой природе пустыни. Наш обзор охватывает наиболее древние памятники по II—I вв. до н. э. включительно. Но пустыня, несомненно, была обитаема и в последующее время. Об этом, правда, у нас еще мало фактов, но все же они имеются. А. В. Мухля сообщает о находках у колодцев Когашинской котловины, на месте метеорологической станции, фрагментов керамики, железных ножей и наконечников стрел.³ Он же издал железный трехперый черешковый наконечник стрелы с уступом (упорцем) у черешка, близкий по типу стрелам VI—IX вв. н. э.⁴ Обращают на себя внимание и отмеченные экспедицией САГУ в сопках Кыз-Емчик «кольцевые курганы», время которых без раскопок определить невозможно, а также кучи шлаков на урочище Кок-Ирюм в горах Домбралы-Тау.⁵ Археологическое изучение территории Казахстана, несомненно, со временем затронет и район Бетпак-Дала. Планомерное исследование поможет восстановить всю длительную историю освоения человеком пустыни, завершающуюся лишь в наши дни.

¹ С. С. Черников. Наскальные изображения верховий Иртыша. СА, М.—Л., 1947, вып. IX.

² Изв. АН Каз. ССР, серия археол., 1948, вып. 1, стр. 131.

³ А. В. Мухля. Указ. соч., стр. 53.

⁴ Там же, рис. 15, 2.

⁵ Труды САГУ, серия XII-а, География, вып. 12, Ташкент, 1935, стр. 3—4.

Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

СТАРОРЯЗАНСКИЙ ВРЕЗНОЙ ЗАМОК

Летом 1949 г. на Старорязанском городище работала экспедиция ИИМК под руководством А. Л. Монгайта.¹ Среди предметов, найденных этой экспедицией, заслуживают внимания остатки врезного замка (рис. 48—1). После внимательного их изучения удалось полностью реконструировать механизм замка и указать серию ключей из различных славянских домонгольских коллекций, пригодных для замков только такой конструкции (рис. 48—4, 5). Удалось определить назначение часто встречающихся железных засовчиков (рис. 48—6) как деталей от врезных замков.

Механизм старорязанского замка смонтирован на железной пластинке, украшенной выбитым изнутри при помощи специального пуансона точечным орнаментом. Справа в ней сохранилась прорезь для рукоятки засова замка в виде узкой горизонтально расположенной щели. Эта пластина была лицевой и, судя по нанесенному орнаменту, снаружи на ней не было никаких накладок. Запирающий механизм тоже железный и состоит из горизонтально расположенного за лицевой пластиной засова *А* с ручкой (рис. 48—2), выведенной наружу через прорезь. Сверху к рабочему концу засова прикреплена расположенная вдоль засова пластинчатая пружина *Б*. Под засовом находятся два шпенька *Ж*, укрепленные на лицевой пластине и фиксирующие его горизонтальное положение. Над пружиной засова расположена также горизонтально пластина *К*, приклепанная неподвижно в виде полочки к лицевой пластине. В ней два отверстия — одно большое для клювовидной личинки замка *Д*, закрепленной на верхней крышке ковчежца или сундука *И* (в старорязанском замке личинка не сохранилась); другое отверстие *В* — над пружиной засова. Правый конец этой пластины загнут вниз, образуя выступ или стопор *Л*. При запертом замке (схема 2) личинка находится в прорези горизонтально расположенной пластины-полочки. Засов замка в крайнем левом положении. Рабочий конец засова располагается выше клюва личинки и препятствует свободному ее выниманию из замка, т. е. его отпиранию. От движения вправо засов удерживается пружиной, заскочившей свободным концом за выступ-стопор вышележащей пластины-полочки. Замок отпирается ключом с изогнутой бородкой. Тип замка — широко распространенный в домонгольское время и найденный во многих древнерусских городах (Киеве, Рязани, Чернигове, Новгороде). Ключ вставлялся в гнездо *Е* над засовом замка и распола-

¹ Приношу благодарность автору раскопок за любезное разрешение опубликовать эту находку.

гался таким образом, чтобы при повороте его изогнутая бородка через прорез в пластине-полочке могла утопить пружину и прижать ее к засову. При таком положении пружины засов можно было свободно передвинуть вправо. Рабочий конец засова освобождает клювовидный выступ личинки (схема 3). Чтобы вновь запереть замок, необходимо было вынуть ключ и перевести засов в крайнее левое положение.

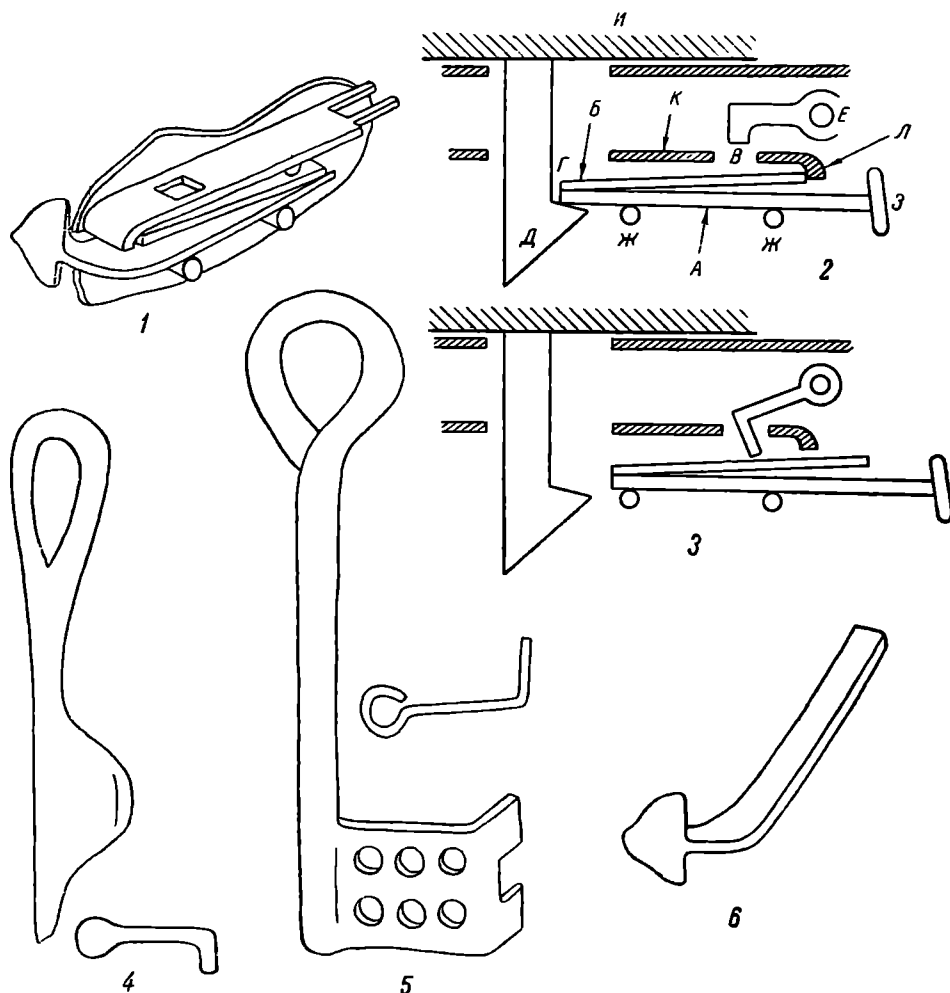

Рис. 48. Врезной замок из Старой Рязани

1 — остатки замка; 2 — схема механизма замка (замок заперт); 3 — схема механизма замка (замок не заперт); 4, 5 — ключи для врезных замков; 6 — засовчик от врезного замка

В дальнейшем конструкция замков такого типа усложнялась сдвиганием замков, а также более сложным рисунком бородок ключей.

Этот тип замка едва ли мог применяться где-либо, кроме сундуков и ковчежцев-скрыней. Препятствием служила неубирающаяся его личинка, всегда выступающая при открытом замке. При применении этого типа замков для сундуков и ковчежцев-скрыней, которые открывались редко и на короткое время, это неудобство было кратковременным. Русским мастерам удалось создать иные конструкции врезных замков, в которых конструктивное неудобство (неубирающаяся личинка) было устранено.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА ТОТЕМСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Предлагаемая археологическая карта является итогом многолетнего исследования Тотемского района Вологодской области. По ней можно судить о местонахождении стоянок, городищ и могильников эпохи неолита, бронзы и славянского времени; кроме того, она представляет единственный источник для характеристики древнейших памятников культуры в слабо изученном в археологическом отношении районе (рис. 49). Все ниже перечисленные памятники (стоянки, могильники и городища) в основном открыты и исследованы автором.

Стоянки позднего неолита

1. Черняковская. Исследована Е. И. Праведниковым и Н. А. Черницыным. Открыта в 1918 г.
2. Боровская. Исследована Е. И. Праведниковым и Н. А. Черницыным. Открыта в 1921 г.
3. Старототемская, двуслойная. Кремневые орудия макролитического облика. Открыта в 1924 г.
4. Тихоновская. Кремневые орудия микролитического облика.
5. Колупазевская. Кремневые орудия микролитического облика. Открыта в 1924 г.
6. Кирженьгская (разрушена). Открыта в 1930 г.
7. Пельшемская. Открыта в 1930 г.
8. Устьпеченьгская. Открыта в 1936 г.
9. Яснополянская. Кремневые орудия микролитического облика. Открыта в 1936 г.
10. Устьтолшемская. Открыта в 1936 г.
11. Князевская (распахана). Открыта в 1924 г.
59. Конченьгская. Открыта в 1929 г.
60. Устьцаревская (правобережная). Открыта в 1929 г.

Стоянки эпохи раннего железа (с каменными орудиями)

12. Подкустовская.	}	Открыты в 1925 г.
13. Новгородовская.		
14. Долговицкая.		
15. Ивасская.		

16. Ворлыгинская. Открыта в 1921 г.
 17. Устьцаревская. Открыта в 1928 г.
 18. Крестовская. Открыта в 1926 г.
- Все стоянки распаханы.

Могильники

а) С труположением

19. Пустошинский (XI—XII вв.).
20. Марьинский (XI—XII вв.). Открыт в 1924 г.
21. Кудринский (XI—XII вв.). Открыт в 1929 г.
22. Проневский (разрушен). Открыт в 1925 г.
31. Зареченский (XII—XIII вв.).

б) С сожжением

23. Ульяновский (захоронение в глиняных сосудах). Открыт в 1925 г.
24. Новгородовский (захоронение в глиняных сосудах). Открыт в 1925 г.
25. Старототемский. Открыт в 1922 г.
26. Круглецкий (захоронение в берестяных сосудах). Открыт в 1925 г.
41. Долговицкий.

Городища

27. Старототемское (IX—XVI вв.).
28. Тотемское (XVI в.).
29. Ивасское (X—XIV вв.).
30. Спасское (XV в.).

Находки отдельных предметов

32. Кремневый скребок. Найден А. Следуновым.
33. Железный топор. Найден М. Б. Едемским.
34. Бронзовая шумящая привеска XIII—XIV вв.
35. Кремневый нуклеус. Найден Е. И. Праведниковым.
36. Каменный полированный клиновидный топор.
37. Кремневый наконечник стрелы. Найден В. Поповым.
38. Каменный полированный клиновидный топор. Найден Н. П. Щекотовым.
39. Каменный полированный топор цилиндрической формы, с плечиками.
40. Клад XV в. (бытовые предметы). Найден И. А. Вечеславовым.
42. Полированное просверленное орудие (топор-кирка). Найдено В. А. Поклонцевым.
43. Кремневый наконечник стрелы ромбической формы. Найден Н. А. Черницыным.
44. Заготовка кремневого топора. Найдена Н. А. Черницыным.
45. Бронзовая шумящая привеска XI—XII вв. Найдена Бороздиным.
46. Каменный полированный топор с плечиками и обломок кремневой ножевидной пластинки. Найдены А. В. Бурцевым.
47. Каменный полированный пестиковидный молоток. Найден В. А. Каменевым.
48. Бронзовая шумящая привеска малого размера XI—XIII вв. Найдена Косаревым.

49. Каменное полированное долотце. Найдено Г. Ф. Смирновым.
50. Каменный полированный
клиновидный топор. }
51. Кремневый скребок. } Найдены Н. А. Черныцыным.
52. Кремневая пластинка. }
53. Кремневый скребок. }
54. Кремневый отщеп. }
55. Каменный полированный клиновидный топор. Найден А. Ф. Слободным.
56. Кремневая микролитическая ножевидная пластинка. Найдена Н. А. Черныцыным.
57. Каменное полированное желобчатое долото. Найдено Г. А. Поповым.
58. Кремневый скребок. Найден Н. А. Черныцыным.
-

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода

АП — Археологічні пам'ятки УРСР

АС — Археологические съезды

ГИМ — Государственный исторический музей

ИАК — Известия Археологической комиссии

ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры

КС — Краткие сообщения Института истории материальной культуры

МАР — Материалы по археологии России

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

СА — Советская археология

СЭ — Советская этнография

СОДЕРЖАНИЕ

І. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Б. А. Рыбаков.</i> Уличи	3
<i>С. А. Тараканова.</i> О происхождении и времени возникновения Пскова	18
<i>В. Д. Блаватский.</i> Античная культура в Северном Причерноморье	30
<i>М. В. Воеводский</i> и <i>А. А. Формозов.</i> Стоянка Песочный Ров на реке Десне	42

ІІ. МЕТОДИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>В. Д. Блаватский.</i> Культурный слой античного городища	55
<i>Е. И. Горюнова.</i> К вопросу об «остеологической статистике»	60

ІІІ. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>М. Э. Паничкина.</i> Древнепалеолитическая стоянка Сатани-Дар в Армении . . .	66
<i>С. Н. Бибииков.</i> Жилища раннеземледельческого поселения в Луке-Врублевской на Днестре	74
<i>А. П. Окладников.</i> Археологические исследования в низовьях реки Селенги .	85
<i>К. В. Сальников.</i> Памятник абашевской культуры близ Магнитогорска	91
<i>Т. Н. Книпович.</i> Основные итоги Ольвийской экспедиции	97
<i>А. Л. Якобсон.</i> Раскопки средневековых слоев Херсонеса	107
<i>В. Р. Тарасенко.</i> Раскопки минского Замчища	122

ІV. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

<i>А. П. Черныш.</i> Редкая находка палеолитического кремневого наконечника на Среднем Днестре	129
<i>С. А. Семенов.</i> Верхнепалеолитические костяные рукоятки	132
<i>Л. Р. Кызласов.</i> Сары-Булакская писаница в Бетпак-Дала	139
<i>Р. Л. Розенфельдт.</i> Старорязанский врезной замок	144
<i>Н. А. Черницын.</i> Археологическая карта Тотемского района Вологодской области	146

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *С. Т. Попова*
Технический редактор *Е. Н. Симкина*

*

РИСО АН СССР № 4089. Т-08099. Издат.
№ 2641. Тип. заказ № 597. Подп. к печ. 2/XII
1950 г. Формат бум. 60×92¹/₁₆. Печ. л. 11,12
Бум. л. 4,75. Уч.-издат. 12,6. Тираж 2000.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10.

О П Е Ч А Т К И

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
24	1 ст.	союза племени	союза племен
90	16 ст.	складах	скалах